

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

**ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Казань – 2011

ББК 63.3(235.54)
И 32

Редколлегия:

*И.К. Загидуллин (сост. и отв. ред.),
Л.Ф. Байбулатова, Н.С. Хамитбаева*

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 208 с.

В сборнике статей представлены, главным образом, доклады сотрудников отдела средневековой истории на Итоговых конференциях Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2009 и 2010 годы.

На обложке: «Манифест» Петра I 1722 года на татарском языке.

ISBN 978-5-9047-3563-0

© Институт истории АН РТ, 2011

© Издательство «Ихлас», 2011

Развитие книгопечатания в типографиях
учебных заведений г. Казани
в дореформенный период (1800–1850-е гг.)*

Одним из важнейших аспектов развития культуры и литературы народов Среднего Поволжья в первой половине XIX в. явилось становление книгопечатания в крупнейшем административном центре региона – губернской Казани. Как известно, развитие книжной и литературной традиции является показателем духовных и культурных потребностей общества, уровня просвещения и образования местного населения. В этой связи бурное развитие книгопечатания в Казани в рассматриваемое время, приведшее к превращению города в крупнейший центр книжного дела Восточной России, снабжавшей своей книжной продукцией не только российских подданных, но и жителей Средней Азии и Кавказа, заслуживает особого внимания исследователей.

Становление книгопечатания в Казани в XIX в. неразрывно связано с деятельностью Азиатской типографии, переведенной сюда из Санкт-Петербурга указом Павла I в конце 1800 г. В российской историографии нет однозначной оценки причин, побудивших правительство к этому решению, сыгравшего важную роль в развитии культуры мусульманских народов России. Если в дореволюционной историографии эти действия однозначно трактовались как «забота» правительства о благе своих подданных, исповедующих ислам, то в советское время ученые склонны были видеть в этих шагах вынужденную уступку царизма татарам, вызванную давлением и недовольством последних. На наш взгляд, данные действия были продиктованы в первую очередь выстраиванием новой «веротерпимой» политики правительства, заложенной в правление Екатерины II и направленной на интеграцию мусульман в имперскую систему, на сохранение лояльного отношения татар к абсолютистскому государству.

В соответствии с указом, в Казань в ведение местной гимназии были переведены два стана Азиатской типографии вместе со шрифтами и другими «типографскими снарядами», находившимися до этого на содержании типографщика Шнора, другая ее часть была

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культура Казани в документах и материалах. XIX в.», проект № 10–01–29101а/В/2011.

передана в ведение Сенатской типографии в Санкт-Петербурге¹. Контроль и цензура изданий перепоручались совету гимназии. Непосредственное заведование типографией было поручено отставному прапорщику из татар Габдулгазизу Бурашеву (Бурнашеву). Вместе с типографией в Казань согласились переехать ее сотрудники: корректор Хамзя (Хамза) Мамышев и наборщик Гали Рахматуллин, что позволило сохранить общую преемственность книгопечатания на восточных языках, сложившуюся к этому времени в рамках Петербургской азиатской типографии. Сама традиция российского книгопечатания на языках мусульманских народов восходила к традиции книжного дела в Османской империи, стала активно развиваться в начале XVIII в. в связи с официальной фетвой константинопольского муфтия Абдуллы Эфенди, разрешившего в 1717 г. использовать печатный Коран и другие мусульманские религиозные книги правоверными, что было законодательно закреплено манифестом турецкого султана Абдул-хана².

Вскоре после перемещения Азиатской типографии, благодаря активной деятельности Габдулгазиза Бурашева, Юсупа Акчурина и Абдул-Мазита Бакирова, Казань становится крупнейшим российским центром книгопечатания на восточных языках. В частности, за 1809 по 1826 гг., по данным А.Каримуллина, было издано 7 названий книжной продукции общим тиражом 31200 экз³. В репертуаре книжной продукции Азиатской типографии Казанской гимназии основное место занимала мусульманская литература, в первую очередь Коран и его отдельные части.

Дальнейшее расширение массового книгопечатания в системе учебных заведений Казани было связано с проведенной правительством Александра I в 1803–1804 гг. учебной реформой и учреждением в городе университета и административного центра нового Казанского учебного округа. Открытие высшего учебного заведения предполагало наличие своей научно-методической и учебной базы, книжной продукции. Для этого в 1807 г. при университете начинает учреждаться русская типография и при ней мастерская по изготовлению штампов и других необходимых в издательском деле расход-

¹ НА РГ, ф.1, оп.2, д.484, л.8–9 об.

² Там же. – Л.5–7 об.

³ Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). – Казань, 1971. – С.122.

ных материалов¹. По мнению дореволюционного исследователя Н.П.Лихачева, полноценно функционировать данная типография начинает в 1809 г., когда здесь были отпечатаны: брошюра «Речь благодарственная императрицы Екатерины II на случай объявления казанскому дворянству ее благоволения за набрание ими дворянского корпуса» и труд учителя татарского языка гимназии Ибрагима Хальфина «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемая в Императорской Казанской гимназии»². Наряду с публикацией книжной продукции на базе университетской типографии осуществлялся выпуск губернских и университетских периодических изданий. Так, с 1811 по 1820 г. здесь издавались «Казанские известия», с 1821–1834 г. «Казанский вестник» с прибавлениями, с 1832 по 1834 г. – «Заволжский муравей», с 1838 г. – «Губернские ведомости», с 1841 г. – «Записки Казанского вольного экономического общества»³.

При создании типографии предполагалось, что здесь будут печататься также и книги на восточных языках по заказам местных татар. Но вплоть до конца 1820-х гг. издания университетской типографии не могли конкурировать с гимназическими, что было связано с низким качеством используемых арабских и персидских шрифтов, недостаточной квалификацией наборщиков. В этой связи общее количество изданий на восточных языках в университетской типографии в целом было незначительным по сравнению с продукцией Азиатской типографии⁴. Но в отличие от последней, выпускавшей в основном религиозную мусульманскую литературу, в университетской публиковались также труды работавших здесь ученых-востоковедов (профессор Х.Френ, Ф.Эдман и др.).

Серьезным испытанием для университетской типографии стал сильный пожар, вспыхнувший здесь 23 апреля 1813 г., вследствие

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – Т.8. – Казанская губерния. Составил М. Лаптев. – СПб., 1861. – С.25.

² Лихачев Н.П. Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографий. обстоятельный каталог книг и листов казанской печати из коллекции Н.Лихачева, выставленных на первой Всероссийской выставке печатного дела, в Санкт-Петербурге. – СПб., 1895. – С.VI–VII.

³ Материалы для географии... – С.26–27.

⁴ Каримуллин А.Г. Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – С.44.

чего ее деятельность пришла в «совершенное расстройство»¹. В огне было уничтожено более 6 пудов шрифта, многие типографские станы были повреждены. Лишь в 1815 г., благодаря энергичной деятельности экстраординарного профессора университета Никольского, назначенного наблюдателем типографии, и ее фактора Бокельмана, здесь была полностью восстановлена издательская деятельность. Для этого было дополнительно отлито 15 пудов новых шрифтов, восстановлены типографские станы и пр.²

Развитие книгопечатания в университетской типографии позволило совету университета учредить в 1818 г. особую книжную лавку, централизованно распространявшую ее издательскую продукцию. Книжная лавка университета ориентировалась в первую очередь на учащихся и профессорско-преподавательский состав образовательных заведений Казани, в связи с чем здесь продавалась в основном научная и учебная литература. Наряду с изданиями местной типографии в этой книжной лавке можно было приобрести книги, издававшиеся Российской академией наук, Медико-хирургической академией, Вольным экономическим обществом, Московским, Петербургским и Харьковским университетами³.

Положение университетской типографии начинает осложняться в 1820-х гг. Как отмечал ревизовавший Казанский университет в 1826 г. генерал-майор Желтухин, из-за нехватки денежных средств и низкой рентабельности производства ее типография пришла в полный упадок⁴. Лишь благодаря вниманию со стороны назначенного в 1827 г. нового ректора университета Н.И.Лобачевского произошло глубокое обновление производства в типографии. В 1830 г. в Москве и Петербурге на общую сумму в 5000 руб. для нее были закуплены новые матрицы и гарты⁵. Для обеспечения типографии новыми заказами и улучшения ее финансового положения в 1829 г. было принято решение о слиянии с ней Азиатской типографии при гимназии и переводе сюда ее сотрудников – корректора Х.Мамышева и наборщика Г.Рахматуллина⁶. Для нее в 1832 г. были приобретены новые арабские шрифты, позволившие увеличить тиражи продукции на восточных

¹ НА РГ, ф.977, оп. Правление, д.99, л.5.

² Там же. – Л.5 об.–7.

³ НА РГ, ф.977, оп. Правление, д.227, л.7–7 об.

⁴ НА РГ, ф.977, оп. Правление, д.675, л.107.

⁵ Каримуллин А.Г. Указ. соч. – С.44.

⁶ НА РГ, ф.977, оп. Правление, д.675, л.108, 110 об.

языках, пользовавшиеся бесменно высоким спросом среди мусульман. Благодаря расширению печати книг на азиатских языках, выпущенных большими тиражами, доходившими до 150000 экз., финансовое положение университетской типографии значительно улучшается. Выпускаемая книжная продукция на восточных языках стала основным источником дохода университетской типографии, а сам «Азиатский филиал» (так стала именоваться Азиатская типография) «тянул» все издательское производство, позволял обновлять устаревшее оборудование, выпускать бесплатно за счет типографии труды ученых университета и др. Во многом благодаря этому в 1830–1840-е гг., несмотря на появление в Казани большого количества частных типографий, университетская сохраняла за собой статус ведущего и наиболее востребованного издательства, продукция которой отличалась относительно высоким качеством печати.

Наряду с книгами с религиозным содержанием, на восточных языках в типографии печатались работы ориенталистов Казанского университета, такие как «Грамматика турецко-татарского языка» А.Казем-бека (первое издание в 1836 г., второе – в 1846 г.); работы И.Березина «Шейбанида. История монголо-тюрок» (1849), «Сборник ханских ярлыков» (1850), «Грамматика персидского языка» (1853), «Абдул Касем Фердауси Тусский, творец книги царей, известной под названием «Шахнаме», с присовокуплением краткого обзора истории персидской поэзии до исхода XV столетия по Рождество Христово» Назарянца (1849), «Монгольская хрестоматия» Ковалевского (1850) и др. Типография печатала также книги на греческом, немецком, французском, армянском, санскритском, монгольском и других языках. Здесь также имелись иероглифические знаки древнеегипетских надписей, математические и другие знаки.

Конец 1820-х гг. в истории российского книгопечатания характеризуется усилением цензуры и жестким полицейско-административным давлением на либеральную печать. Тенденция по ужесточению государственного контроля распространяется и на издания на восточных языках. В соответствии с 26 пунктом Устава о цензуре, высочайше утвержденного 22 апреля 1828 г.¹, при Казанском и Харьковском учебном округах в случае необходимости предлагалось создать цензурные комитеты. В ходе рассмотрения этого вопроса Главным цензурным комитетом было решено ограничиться учреждением в Казани должности восточного цензора. На эту должность

¹ ПСЗ–2. Т.3. №1979.

был утвержден профессор восточной словесности университета Ф.Эдман¹. В 1840–50-х гг. бессменным цензором книг на восточных языках был другой известный казанский ориенталист А.К.Казем-Бек. Таким образом, на эти издания номинально налагалась двойная цензура, что, естественно, осложняло возможность книгопечатания на татарском и арабском языках.

Дальнейшее ужесточение позиции государства в отношении печати мусульманской литературы в Казани отмечается в середине 1845 г., когда по инициативе чистопольского миссионера, протоиерея И.Орлова и казанского архиепископа Владимира Николаем I был введен запрет на печать Корана и других мусульманских книг в типографиях Казанской губернии². Само это решение было продиктовано стремлением ограничить прозелитическую активность мусульман, процесс усиления влияния ислама в регионе, чему в немалой степени, по мнению деятелей церкви, способствовало «непомерное размножение печатания Корана». Эти действия поставили типографию Казанского университета на грань полного разорения. Наряду с печатью мусульманской литературы здесь полностью прекращается издание востоковедческой литературы. Лишь в 1849 г. данное предписание, благодаря отрицательной позиции восточного цензора А.Казем-Бека, поддержанного казанскими губернаторами С.П.Шиповым и И.А.Баратынским, министром народного просвещения С.С.Уваровым³, было отменено решением Комитета Министров. Гонения на мусульманскую книгу нанесли сильный удар по традиции книгопечатания на восточных языках в Казани. Большинство частных типографий Казани, занимавшихся изданием мусульманской литературы, были вынуждены или закрыться, или перепрофилировать свою деятельность. Лишь университетской типографии удалось в полной мере сохранить свою традицию восточного книгопечатания и профессиональные кадры, благодаря чему в 1850-х гг. здесь полностью восстанавливается это направление деятельности.

На протяжении 1850-х гг. в университетской типографии идет процесс увеличения издания книжной продукции как на русском, так и на восточных языках, расширяется ее репертуар⁴. Всего же по неполным данным в 1820–1850-х гг. здесь было издано более 200 на-

¹ НА РГ, ф.977, оп. Правление, д.2032, л.1–2.

² РГИА, ф.797, оп.15, д.35644, л.13.

³ НА РГ, ф.1, оп.2, д.484, л.1–7 об.; РГИА, ф.797, оп.15, д.35644, л.82–85.

⁴ Материалы для географии..... – С.525.

званий книг общим тиражом в 500 тыс. экз. В целом можно констатировать, что типография Казанского университета к середине XIX в. становится крупнейшим издательским предприятием Казани и Восточной России, много сделавшей для распространения культуры и просвещения среди многонационального населения региона, развития русской и татарской литературной и книжной традиции.

Л.Ф.Байбулатова

Некоторые вопросы науки в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.

«Казанские губернские ведомости» – одно из первых официальных периодических изданий, выходившее достаточно длительный срок с 1838 по 1917 гг. Газета состояла из двух частей – официальной и неофициальной. В официальной части печатались правительственные указы, сведения об аукционах, торгах, о розыске и опознании лиц, данные о награждениях и назначениях на должности. Неофициальная часть также состояла из нескольких отделов, постоянными среди которых были местный отдел, в котором публиковались сведения, касающиеся только Казани, внутренние известия по России, заграничные известия и юридический отдел. Местный отдел неофициальной части отличался наличием «живых» народных новостей, исторических, этнографических статей и статей по культуре и образованию. В целом же, данная газета отражала более всего официальную точку зрения властей. Следует отметить, что материалы «Казанских губернских ведомостей» нередко привлекались исследователями для изучения либо самой газеты как источника, либо для изучения конкретной проблемы¹.

В рамках данной статьи поставлена задача получения предварительных данных о том, какие вопросы науки в Казани поднимались в газете, насколько близко отражено в газете состояние и развитие казанской науки в указанный период. Для получения этих данных к

¹ См. об этом подробнее: Хамитбаева Н.С., Байбулатова Л.Ф. Вопросы образования в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» (XIX в.) // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. – Вып.2. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С.267.

материалам газеты была применена случайная выборка. Первичный анализ этих материалов дал возможность разделить их на две условные группы. В первую группу вошли газетные статьи и заметки, в которых отражено состояние и развитие науки в Казани в XIX в. Вторую группу составляют материалы, освещающие распространение научных знаний в среде казанского общества.

Из общего количества материалов случайной выборки материалы первой группы составляют 48%. Здесь представлены материалы о научных обществах, ученых поездках профессоров и студентов, научных диспутах и съездах.

Развитие гуманитарных, естественных и технических наук в Казани, связано, в первую очередь, с открытием здесь в 1804 г. Казанского Императорского университета. Развитие наук шло постепенно, наряду со становлением самого университета, в частности, и со становлением российской науки, в целом. Уже в уставе университета профессорам было предписано проводить научные эксперименты, однако, как отмечает Е.А. Вишленкова, скудные лаборатории и отсутствие подобной практики не позволяли в первые же годы превратить Казанский университет в крупный научный центр и до 1827 г. здесь только начали создаваться экспериментальные базы для научных исследований, осваиваться европейский научный опыт и собираться материалы для историко-этнографических работ¹.

Большой вклад в развитие казанской науки внесли научные общества, которых было открыто более 10 в течение всего XIX в. Большая часть из них возникла в пореформенный период. Это – *Общество любителей отечественной словесности (1806 г.)*, *Экономическое общество (1839 г.)*, *Общество врачей (1868 г.)*, *Общество естествоиспытателей (1869 г.)*, *Общество археологии, истории и этнографии (1878 г.)*, *Юридическое общество (1879 г.)*, *Казанское отделение Императорского Русского Технического общества (1879 г.)*, *Военно-санитарное общество (1886 г.)*, *Фармацевтическое общество (1888 г.)*, *Физико-математическое общество (1890 г.)*, *Общество невропатологов и психиатров (1892 г.)*². Часть обществ

¹ Вишленкова Е.А. Первые годы Казанского Императорского университета: 1804–1827 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С.41–42.

² Данный список составлен Н.П. Загоскиным. См.: Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. – Казань, 1895. – С. 356–361.

была открыта на базе университета, некоторые из которых впоследствии стали самостоятельными единицами, как, например, Экономическое общество, некоторые же общества выросли из уже существующих, например, Физико-математическое общество отделилось от Общества естествоиспытателей, Общество невропатологов и психиатров – от Общества врачей.

Все научные общества Казани объединяли общие задачи – развитие, изучение определенной области науки, практическая помощь населению, выражавшаяся внедрением в повседневную жизнь новых результатов и достижений. Для решения этих задач на научных заседаниях, которые являлись основной формой деятельности обществ, обсуждались исследовательские проблемы теоретического и прикладного характера. Научные заседания проводились ежемесячно; наиболее торжественно, при большом скоплении слушателей, проходили годовые заседания общества, на которых утверждались план работы на предыдущий год, сметы, заслушивался отчет¹. Другой формой научной деятельности являлась публикация результатов исследований, экспедиций в «Трудах», «Известиях» или «Вестниках» общества, также отдельно издавались научные труды и годовые отчеты. Газета «Казанские губернские ведомости» обращала свое внимание именно на подобные отчеты, публикуя их на своих страницах. По своей структуре отчеты довольно однотипны. В них кратко сообщается о деятельности общества за указанный период, о количестве членов, изданиях, библиотеке, расходах и доходах. Так, в номере от 14 ноября 1881 г. в газете были опубликованы годовые отчеты за 1880 г. четырех научных обществ: Общества врачей, естествоиспытателей, юридического и ОАИЭ.

Общество врачей было создано в 1868 г. по инициативе группы врачей, но просуществовало самостоятельно только до 1875 г., и в 1877 г. было присоединено к университету². С этого времени начинается его активное развитие, что видно и из увеличения числа членов, которое было отражено в отчете. Так, например, если в 1879 г. насчитывалось 63 члена, к в 1880 г. их количество увеличилось на 102 человека, из которых 48 было иногородних³, к 1882 г. общество

¹ Смыков Ю.И. В конце XIX века: 1884–1900 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.121.

² Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. – Казань, 1895. – С.356.

³ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 14 ноября.

разросло до почти 200 человек¹, что свидетельствует об увеличении интереса к деятельности общества со стороны профессионалов. Главная задача общества заключалась в «изучении в медицинском отношении Казанского края с целью повышения в нем уровня общественного здоровья» и выражалась в исследовании медико-санитарного состояния окружающей среды и общественных учреждений Казани. Практическая деятельность членов общества обсуждалась на заседаниях в виде научных сообщений, которые потом публиковались в «Дневнике Общества врачей». Видимо, общество большее значение придавало практической и исследовательской деятельности, т.к. судя по отчету, в 1880 г. было проведено всего лишь 7 заседаний, на которых было заслушано 15 докладов². Эта же тенденция наблюдается и в более поздние годы, например, в 1895 г. было проведено 11 заседаний³.

Следующее общество, отчет которого был опубликован в газете, это – Общество естествоиспытателей. Это общество было открыто при университете в 1869 г. для изучения местного края в естественно-историческом отношении, и было единственным из всех, которое получало ежегодные субсидии из бюджета для практической деятельности. Для достижения основной цели общество ежегодно на свои средства организовывало экспедиции. Так, в отчете за 1880 г. говорится о 6 экспедициях в различные уезды Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской и Сибирской губерний, направленных туда с целью фаунистических, антропологических, антрополого-этнографических исследований. Кроме того, на внебюджетные средства общества была организована геологическая экспедиция на восточный берег Каспийского моря и Кавказ⁴.

В газете представлены также краткие сведения о Казанском юридическом обществе за их первый год деятельности. Как отмечают исследователи, это общество было наименее активным из всех, существовало практически номинально, лишь изредка проявляя признаки жизнедеятельности, что впрочем не приносило никаких ре-

¹ Астафьев В.В. Между двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.94.

² Там же.

³ Обзор Казанской губернии за 1895 год. – Казань, 1896. – С.80.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 14 ноября.

зультатов¹. Данная ситуация вырисовывается и из отчета общества уже за первый год. Так, о научной деятельности говорится, что на 6 заседаниях, прошедших в 1880 г., были заслушаны рефераты и сообщения членов Общества².

Общество археологии, истории и этнографии, созданное всего годом ранее Юридического, тем не менее, показывает большую работоспособность и результативность. Его отчет за 1880, третий год существования, опубликованный на страницах «Казанских губернских ведомостей», самый содержательный и объемный, который показывает большой объем проделанной работы. Это научное общество было открыто по инициативе участников IV Археологического съезда, проходившего в Казани в 1877 г. Главной задачей общества было определено – «изучение памятников древности и этнографии Волжско-Камского края, а также и памятников доисторических, могущих быть найденными в пределах этого района»³. Общество было одним из самых многочисленных по количеству членов, среди которых были преподаватели, общественные деятели, сотрудники газет, надо отметить, что в деятельности общества принимали участие и татары: К. Насыри, Ш. Марджани, Г. Ахмеров, А. Ильясов, С. Аитов и другие⁴. В результате своей научно-практической деятельности Общество открыло к 1881 г. архив рукописей и актов, нумизматический кабинет, археологический и этнографический музей. Как выясняется из очерка об этом обществе, музей практически был недоступен для посетителей, ввиду крайне тесного помещения, в котором находились коллекции. Для решения этой проблемы Общество обратилось в Казанскую городскую думу с просьбой «указать более прочные основы для устройства в г. Казани публичного музея местных древностей и этнографии, если только дума со своей стороны сознает необходимость или пользу подобного учреждения в г. Казани»⁵, т.к. здание каменной полицейской будки на Николаевской площади, которую Общество попросило для размещения в нем музея, дума отдавала с условием возможности отобрать в любое время. Но все

¹ Спутник по Казани. – С.357; Астафьев В.В. Между двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.94.

² Казанские губернские ведомости. – 1881. – 14 ноября.

³ Астафьев В.В. Между двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.94.

⁴ Смыков Ю.И. В конце XIX века: 1884–1900 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.119.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 14 ноября.

же нельзя не отметить помощь правительства в сохранении исторических памятников. Так, в 1880 г. с высочайшего соизволения в распоряжение Общества были переданы развалины Булгара, на сохранение и поддержание которых выделялась ежегодная субсидия в размере 300 руб.

Не ограничиваясь только сохранением и изучением уже известных исторических памятников, Общество активно действовало в их выявлении и исследовании. Так, в отчете за 1880 г., опубликованном в газете, видно, что в результате экспедиции в Лайшевский, Чистопольский и Спасский уезды Казанской губернии были описаны несколько новых городищ, раскопаны курганы, сняты надписи с древних булгарских надгробных памятников, исправлены и пополнены прежние показания относительно известных уже городищ, охарактеризованы многие археологические пункты, которые, хотя и упоминаются в литературе, но не были еще описаны и т.п.

В целом, подытоживая деятельность Общества за отчетный год, газета отмечает, что оно «несмотря на кратковременность своего существования (всего три года) и на крайнюю ограниченность материальных средств своих ..., успело твердо направить свою деятельность и доказать полную целесообразность и плодотворность своего существования»¹.

Не обошла своим вниманием газета и 50-летие Императорского Казанского экономического общества. Это Общество было учреждено в 1839 г. Инициаторами его организации указываются сразу несколько человек, так, в исторической записке, посвященной обществу, говорится, что идея принадлежала бывшему президенту Императорского вольного экономического общества графу Н.С. Мордвинову, которую поддержал казанский губернатор С.С. Стрекалов². Современные исследователи указывают на Н.И. Лобачевского как организатора общества³, а исследователь истории Казанского университета М.К. Корбут выделяет его только как наиболее активного члена общества⁴.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 14 ноября.

² Казанские губернские ведомости. – 1890. – 18 января.

³ Михайлова С.М. От Лобачевского до Бутлерова. 1827–1862 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.75.

⁴ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. – Казань, 1930. – Т.1. – С.60.

Как и остальные, это общество ставило перед собой большие задачи, начиная от исследования экономических нужд края в сельскохозяйственном и торгово-промышленном отношениях и заканчивая медико-статистическими работами. В целях улучшения и развития отраслей сельского хозяйства в крае, Казанское экономическое общество добилось проведения в Казани сельскохозяйственных выставок, первая из которых прошла в мае 1845 г.¹, и несмотря на непростой дореформенный период, когда крепостническая система хозяйствования была еще достаточно сильна, были организованы и проведены еще две выставки в 1847 и 1859 гг., а в дальнейшем их проведение стало регулярным.

Экономическое общество – единственное из казанских научных общественных организаций, на базе которого были открыты учебное и медицинское заведение. В 1847 г. при сельскохозяйственной ферме Общества было открыто Четвертое земледельческое училище, а в 1866 г. – лечебница для приходящих больных, которая оказывала бесплатную помощь бедным горожанам². Как полезное начинание, газета отметила заведение справочной книги «для сближения лиц, ищущих себе занятий, с лицами, нуждающимися в их услугах, а также для сближения продавцов с покупателями произведений сельского хозяйства, сельско-заводской промышленности и недвижимых имуществ». С 1856 по 1889 г. в этой книге оставили свои записи более 16 тыс. человек³.

Состояние и развитие науки в Казани газета «Казанские губернские ведомости» раскрывала и через освещение съездов, диспутов и научных путешествий.

В первые десятилетия становления науки в Казанском университете большую значимость приобрели научные путешествия профессорско-преподавательского состава и студентов. Научная значимость путешествий заключалась, с одной стороны, в практическом изучении той или иной науки и расширении знаний, с другой стороны, в обмене опытом с представителями науки других регионов, в том числе и с зарубежными учеными. Газета представила вниманию читателей наиболее интересные, по их мнению, ученые путешествия за

¹ Хамитбаева Н.С. Выставка – смотр новых сил, назначенных служить благу России // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы. – Казань: Магариф, 2005. – С.531.

² Казанские губернские ведомости. – 1890. – 18 января.

³ Казанские губернские ведомости. – 1890. – 18 января.

1828–1843 гг. География поездок достаточно широка, это – Казанская, Астраханская, Оренбургская, Саратовская, Пермская, Нижегородская, Пензенская, Вятская, Симбирская губернии, Кавказская область, из заграничных поездок можно отметить поездки в города Франции, Германии, Италии, Китая, Чехии, Швейцарии, Англии, Шотландии, Персии, Египта. Если по российским губерниям поездки предпринимались, в основном, по естественным наукам, то в европейские страны отправлялись, главным образом, медики, которые изучали состояние медицинской науки, повышали свою квалификацию и заказывали необходимое оборудование. В восточные страны направлялись ориенталисты, которые помимо изучения языков, собирали материал о представителях различных вероисповеданий. Делая заключение о путешествиях, газета пишет, что «пробегая мысленно все сии путешествия, совершенные членами университета в течение последних 16 лет, по его назначению, или, по крайней мере, с пособием от казны, нельзя не признать благодетельных целей начальства, которое не щадит издержек, когда дело идет о высших интересах науки или обогащении университетских музеев. Из предложенного перечня видно, что между профессорами Казанского университета нет почти ни одного, который бы не был лично знаком с состоянием своей науки за границей. И при том не одним западом ограничивался испытующий дух их; он искал себе пищи по всем направлениям от Казани на юг, восток и север. Результаты этих поездок, предпринятых сверх того с наименьшею, по возможности, потерей времени для лекций, выказались не в одних профессорах, научавшихся, с узнанием своих товарищей на одном и том же поприще, оценивать себя и дополнять свои сведения, но и в самом способе преподавания, выигравшем в живой, свежей современности, и в самом богатстве заведений, которые неоспоримо отвечают последней степени совершенства в науке»¹.

О предпосылках развития исторической науки в Казанском университете свидетельствует опубликованная в 1869 г. большая статья по поводу защиты магистерской диссертации приват-доцента Казанского университета Н. Осокина. Автор статьи отмечает, что в последнее время подобные мероприятия стали публичными, т.е. их могли посещать все желающие и задавать вопросы по теме предмета. Однако, как пишет автор, провинциальные работы часто остаются в тени, практически не известны столичным ученым, хотя по своей значимо-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1844. – 14, 21 февраля, 6 марта.

сти не уступают их исследованиям¹. Так, описывая личность Н. Осокина, автор говорит, что до защиты этот молодой ученый уже издал две своих работы, считает его большой надеждой русской науки.

Большое внимание со стороны газеты было уделено съезду естествоиспытателей и археологическому съезду, проходившим в Казани в 1873 и 1877 гг. Освещение IV съезда естествоиспытателей растянулось на три номера газеты, в которых читатели были ознакомлены с программой съезда, приветственными речами, основными проблемами, поднятыми участниками съезда. В целом, проведение этого мероприятия, по мнению попечителя Казанского учебного округа Ковалевского, явилось знаменательным и значимым событием с той точки зрения, что большое количество именитых ученых собралось в город, стоящий на рубеже цивилизованной Европы. Программа съезда была достаточно разнообразной, кроме секционных заседаний, для участников были организованы посещения музеев, больниц, учебных заведений².

Что касается IV Археологического съезда, то, по мнению газеты, по «многочисленности посетителей и по важности, частью уже сообщенных, частью заявленных, работ, съезд обещает быть крайне интересным в научном отношении». Участники съезда заметили, что проведение этого мероприятия в Казани должно способствовать более глубокому исследованию древностей Востока, частью которого является Казань, и что в конечном итоге внесет свет в историю Поволжья. Более того, благодаря трудам духовной академии, семинарии, университета уже подготовлена почва для таких исследований³.

Вторую группу материалов, как отмечалось выше, составляют материалы, показывающие распространение научных знаний среди казанского общества. Они составляют 52% от общего количества материалов случайной выборки.

Среди таких материалов больше всего представлено сведений о лекциях и чтениях по различным отраслям науки, которые читали, в основном, преподаватели университета и Духовной академии. Как отмечает В.В. Астафьев, интересы профессоров и преподавателей не ограничивались только наукой и преподаванием, они также способствовали развитию научных знаний среди населения, выступая с

¹ Казанские губернские ведомости. – 1869. – 14 мая.

² Казанские губернские ведомости. – 1873. – 22 августа, 25 августа, 29 августа.

³ Казанские губернские ведомости. – 1877. – 3 августа.

публичными лекциями по наиболее актуальным проблемам развития науки. Еще одним положительным моментом публичных лекций было то, что средства, собираемые во время лекций, направлялись нуждающимся, больным или на именные стипендии¹.

По способу организации публичные лекции условно можно разделить на две группы: первая – это лекции, проведенные университетом, вторая – научными обществами.

Из обществ, читавших лекции, в газете отмечены Общество естествоиспытателей и Общество археологии, истории и этнографии. Общество естествоиспытателей в 1870 г. учредило комиссию по устройству публичных курсов и с этого времени систематически организовывает чтение лекций. Первый курс лекций был рассчитан на 1870–1871, второй курс – на 1871–1872 академические годы. В первом курсе лекций слушателям предлагались следующие предметы: геометрия, химия, физика, космография и метеорология, ботаника, анатомия человека и анатомия микроскопическая. По мнению комиссии, лекции должны быть общеобразовательными, общедоступными, рассчитанными на людей, не обладающих специальной научной подготовкой, и все читающиеся науки, несмотря на краткость их изложения, должны дополнять друг друга, составляя единую систему знаний². В 1873 г. начинается новый этап чтений лекции по арифметике, физике, физической географии, космографии, химии, зоологии, физиологии и судебной медицине. Газета не сомневается в успехе чтений, т.к. с одной стороны, в обществе с каждым годом усиливается стремление к образованию и развитию, с другой стороны, успех лекциям обеспечен уважением казанской публики к лекторам³. Как подтверждение успехов чтений Общества естествоиспытателей, в газете давался обзор лекций отдельных лекторов, например, лекции В.Н. Виноградского о кометах и профессора зоологии Н.М. Мельникова о животных паразитах. По окончании курса лекций был дана их общая оценка, которая, в целом, свелась к тому, что подобные чтения необходимы для населения и желательно было бы их издавать для еще большей популяризации как самих чтений, так и наук.

Положительно оценивает газета и начало публичных лекций Общества археологии, истории и этнографии, которое организовало их

¹ Астафьев В.В. Между двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // Очерки истории Казанского университета. – С.94–95.

² Казанские губернские ведомости. – 1870. – 30 декабря.

³ Казанские губернские ведомости. – 1873. – 13 января.

на третий год своего существования в 1881 г. Вниманию читателей предлагались разнообразные темы, например, о сенаторских ревизиях Казанской губернии, о расколе в России, о каменном веке в России, об обряде самосожжения, об ученых поездках. Газета в дальнейшем обещала познакомить читателей более подробно с содержанием этих лекций.

Лекции проводились и по предписанию Министерства народного просвещения, которое в 1839 г. в целях «распространить между различными классами жителей Казани химические познания, полезные в практической жизни для земледельцев, заводчиков, фабрикантов, ремесленников и вообще для производительного класса», велело начать в университете публичные лекции по практической химии¹. Позже университет по собственной инициативе организывает лекции с целью увеличения фонда стипендии имени профессора Е.Ф. Аристова². В дальнейшем университетские чтения становятся более организованными. В 1878 г. профессор университета Н.В. Сорокин по примеру чтений в университетах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева ходатайствовал у министра внутренних дел об устройстве в Казани народных чтений, призванных для развития народного образования. Данное прошение было удовлетворено с требованием соблюдения следующих условий: «чтобы выбор предметов для чтения был ограничен теми брошюрами, которые изданы петербургскою комиссиею при Соляном городке, чтобы состав читателей был из лиц благонадежных, подлежащих утверждению на право чтения г. начальника губернии и г. попечителя учебного округа и, наконец, чтобы каждое чтение было в присутствии г. директора народных училищ или его помощника»³. Кроме того народные чтения подчинялись начальнику губернии и попечителю учебного округа. С этого момента начинается история народных чтений в Казани. Высказывая свое одобрение этому благому начинанию, газета высказала свое пожелание видеть в составе почетных членов комиссии народных чтений большего количества авторитетных и интеллигентных людей, которые направляли бы деятельность комиссии, а также хозяев, которые бы распространяли мысль о необходимости слушания лекций среди своих ремесленников и выдавали бы им необходимую сумму для их посещения. Газета призывает и слушателей активно

¹ Казанские губернские ведомости. – 1839. – 18 февраля.

² Казанские губернские ведомости. – 1876. – 25 февраля.

³ Казанские губернские ведомости. – 1880. – 23 февраля.

участвовать в работе народных чтений, не боясь задавать вопросы и высказывать свои замечания. Однако следует отметить, что городские власти, с одной стороны, поощряя развитие народного образования, с другой стороны, не всегда оказывали необходимого содействия. Так, в 1883 г. перед комиссией народных чтений встал вопрос о поиске помещения для лекций, для решения которого она обратилась в Городскую думу с просьбой уступить им бесплатно думский зал. Городской голова отказал в предоставлении этого помещения, мотивируя тем, что из-за наплыва большого количества народа портится паркет и мебель, сгорает много газа, ломается водопровод, и эти убытки ничем не покрываются, в то время как за чтения берется плата, и комиссия вполне могла бы оплачивать помещение. Но все же окончательное решение, вынесенное на заседании городской думы, было в пользу народных чтений.

Кроме лекций казанская научная общественность использовала и другие способы развития народного образования населения. Так, в 1855 г. в газете были опубликовано объявление об открытии Казанским экономическим обществом читального зала для всех желающих, где за умеренную плату можно будет читать отечественные и иностранные журналы и газеты, всего 27 наименований¹. В 1881 г. была открыта антрополого-археологическая выставка, о чем было сообщено в «Казанских губернских ведомостях». Выставка была открыта при сотрудничестве Обществ археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей, а также частных лиц².

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы:

1. В течение XIX в. газета «Казанские губернские ведомости» уделяла внимание вопросам науки в Казани, что в первую очередь было связано с открытием университета, и ростом значимости некоторых отраслей науки в связи с активным развитием капитализма.

2. Наибольшее внимание газета уделяла распространению научных знаний среди населения, которые могли способствовать расширению их кругозора и улучшению практической деятельности в тех областях производства и сельского хозяйства, где требовалось применение новых достижений науки.

3. «Казанские губернские ведомости» являлись официальной газетой, поэтому она освещала те или иные события, ограничиваясь форматом подобных газет, но, тем не менее, позволяла иногда вы-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 19 декабря.

² Казанские губернские ведомости. – 1881. – 26 сентября.

сказывать свою точку зрения на события, происходящие в мире казанской науки. Однако эти высказывания выражались, в основном, только одобрением деятельности или пожеланием улучшить ее; критических же замечаний не было.

4. В целом, материалы случайной выборки несколько раскрывают состояние науки в Казани в XIX веке, но это только предварительные данные, для полной картины необходимо собрать все материалы из данной газеты.

Л.Ф.Байбулатова

Из истории любительских обществ в Казани в XIX в.*

На фоне относительно благополучной экономической ситуации и политической стабильности в обществе начинает повышаться уровень его культурного развития. Это развитие начинается, прежде всего, в интеллектуальной среде, в которой появляются отдельные личности, способные подтолкнуть население к осознанию необходимости развития разных видов искусств и возглавить то или иное культурное направление. Несомненно, что для развития культуры также необходима и поддержка власти, как на местном, так и на государственном уровне, являющаяся, в первую очередь, органом, дающим право на деятельность той или иной культурной организации, в рамках которой развивались разные направления искусства.

В казанском обществе XIX столетия наибольшую популярность и развитие получили такие виды искусств, как литература, музыка и театр. С одной стороны, они были интересны широкому кругу казанцев, с другой стороны, в городе существовали силы, способные развивать их именно как отдельную область искусства. Большую роль в популяризации и росте этих направлений сыграли любительские общества, которые были организованы для объединения лиц, занимающихся одним видом искусства, его развития, и для распространения своих достижений. Любительские общества не возникали на пустом месте, чаще всего их началом являлись небольшие кружки, объединявшие единомышленников. В дальнейшем, желая упро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культура Казани в документах и материалах. XIX в.», проект №10–01–29101a/B/2011.

чить свое существование и придать ему более официальный характер, кружки, с высочайшего разрешения, приобретали статус обществ со своим «Уставом» и «Правилами», в которых прописывались цели, задачи, принципы руководства, права и обязанности. Большинство обществ имело замкнутый характер, принимая в свои действительные члены ограниченный круг лиц, которые имели непосредственное отношение к тому или иному виду искусства, либо могли оказывать значительную финансовую помощь. Финансовый вопрос был слабой стороной всех обществ. Государственной или городской поддержки не было, средства складывались из членских взносов, пожертвований и сборов с благотворительных концертов, которые могли себе позволить не все общества.

Одним из первых видов искусств, которое стало активно развиваться в Казани, была словесность. Интеллектуальной основой для первого официального литературного собрания стали казанская гимназия и университет, на базе которого в 1806 г. возникает Общество любителей отечественной словесности. Его основателями явились три учителя первой казанской гимназии и два студента университета. Создавая это общество, они стремились в первую очередь усовершенствовать себя в отечественной словесности путем написания и издания собственных сочинений, а также обсуждением работ и изучением деятельности российских и зарубежных авторов¹. В первые годы существования общество вело наиболее активную деятельность, росло количество его членов: к 1812 г. их стало 24, а к 1818 г. их количество достигло 100 человек². Количество произведений, принимаемых к рассмотрению, также увеличивалось, их форма соответствовала популярным на тот период беллетристике и поэзии³. Однако в 1818 г., с началом деятельности попечителя М.Л.Магницкого активность Общества резко снижается и уже не достигает прежнего уровня. Сокращается количество членов, начинается преследование некоторых литераторов. Во второй половине 20-х гг., после отставки М.Л.Магницкого, предпринимаются редкие попытки

1 Федотова О. «Желая усовершенствовать себя в отечественной словесности...» // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2006. – №2. Интернет ресурс: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/09/09_6/.

2 Литвина Ф.Л. Литературно-общественная жизнь Казани в конце XVIII – начале XIX в. // Интернет ресурс: <http://culture.tatar.ru/nasledie/libraries.htm/pub/120>.

³ Казанские губернские ведомости. – 1857. – 18 марта.

организации собраний общества, в конце 40-х г. была сделана попытка реорганизовать общество по новому принципу, после чего оно стало сугубо научным и, в результате, потеряло интерес у публики, в итоге в 1853 г. Общество прекратило существование. К этому времени литературная жизнь в городе стала существовать в рамках семейных литературных вечеров. Несмотря на непродолжительную деятельность Общества, исследователи отмечали его позитивное влияние на развитие литературы и культуры не только в Казани, но и в Поволжье¹.

В конце 80-х гг. XIX столетия возникает еще одно общество, стремившееся содействовать развитию и процветанию русской литературы – Пушкинское общество литературы и искусства. Его деятельность была гораздо разнообразнее первого общества. Так, помимо обсуждения и распространения трудов членов Общества, оно имело право открывать учебные и драматические классы, художественные школы, устраивать публичные лекции, художественные вечера и выставки, литературные чтения, спектакли². Судя по всему, Пушкинское общество учло ошибки своего предшественника и не стало ограничиваться только научно-литературной и издательской деятельностью, и для большего сближения с городским населением расширило границы общения с населением.

Среди различных видов искусств в Казани наиболее популярным было театральное, уже в начале XIX в. казанский театр считался одним из лучших среди провинциальных³. В разные годы на казанской театральной сцене, в зависимости от предпочтения публики, ставились и драма, и опера, и оперетка. Постоянных драматических и опереточных трупп в театре не было, каждый антрепренер или имел свой состав артистов, или набирал ежегодно новых на предстоящий сезон, однако в Казани были артисты, которые задерживались на местной сцене на несколько сезонов и были любимы публикой. Но казанский театр считался элитарным, доступным, в основном, только более обеспеченным слоям общества, и для распространения этого искусства в массы начали действовать любители, которые поставили своей целью давать театральные представления в благотворительных целях в пользу плохо обеспеченных в материальном

¹ Литвина Ф.Л. Литературно-общественная жизнь Казани в конце XVIII – начале XIX в.

² Казанские губернские ведомости. – 1888. – 10 марта.

³ Казанские известия. – 1814. – 1 августа.

отношении студентов, Общества попечения о раненых и больных воинах и др. В 1878 г. любители театрального искусства организуют кружок¹, и через три года, 12 ноября 1881 г., после утверждения Устава было окончательно сформировано Общество любителей сценического искусства, однако началом его деятельности считается 16 января 1882 г., когда было избрано Правление. Основная цель Общества любителей сценического искусства заключалась в развитии театрального искусства путем постановки серьезных драматических произведений. При этом все спектакли и вечера давались только с благотворительными целями, на которые уходили 50% чистой прибыли, оставшиеся 40% шли на расходы и 10% откладывались на запасной капитал².

Вся деятельность Общества была сконцентрирована только на постановках, иногда за неделю давались по два-три спектакля, которые все больше приобретали характер семейно-художественных вечеров, что понижало уровень игры актеров³. Газета «Казанские губернские ведомости», регулярно освещающая деятельность Общества, отмечала, что было бы достаточно давать один спектакль в неделю, но чтобы он был хорошо отрепетирован, а при нынешнем положении дел артисты не могут вникнуть в самую суть своей роли, забывают свои реплики, поэтому спектакли выходят вялыми и безжизненными, а говорить о развитии сценических способностей вообще не приходится⁴. Критике также подвергалось участие в спектаклях одних и тех же актеров, в то время как многие актеры общества бездействуют, хотя в инструкции записано, что «при избрании пьес и распределении ролей необходимо употреблять все силы, чтобы каждый исполнитель имел ... более благодарную роль, сообразную с его силами и чтобы вообще всем исполнителям дана была возможность участия в избранных пьесах»⁵. Кроме того газета считала, что Общество не должно ограничиваться только постановками, а должно служить для любителей школой сценического искусства, т.е. развивать его не только практически, но и теоретически⁶. В целом, среди казанцев спектакли Общества были не слишком популярными, часть

¹ Казанские губернские ведомости. – 1885. – 12 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1882. – 24 февраля.

³ Казанские губернские ведомости. – 1884. – 14 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1882. – 24 февраля.

⁶ Казанские губернские ведомости. – 1884. – 21 января.

горожан считала его деятельность бесполезным и пустым, а другая часть населения предпочитала более легкий жанр оперетки, главенствовавший в это время на сцене казанского городского театра¹. Казанское общество любителей сценического искусства повторило судьбы других подобных обществ: его затуханию и прекращению деятельности послужили внутренние конфликты и безденежье – артисты не могли договориться между собой о распределении ролей, а также не платили обязательные взносы, из которых составлялась большая часть кассы.

Наряду с драматическим искусством в Казани развивалась и музыка. Еще до официальной организации музыкального общества, местные любители музыки давали различные благотворительные концерты в пользу нуждающихся слоев населения, а в 1881 г. был организован Кружок любителей музыки, деятельность которого была подчинена Уставу и регламентирована частными Правилами. Основная деятельность кружка заключалась в совместном исполнении его членами инструментальных и музыкальных пьес, для чего 5 дней в неделю проходили занятия на разных видах инструментов, а суббота завершалась публичным музыкальным вечером. Однако, несмотря на инструментальную оснащенность и наличие помещения, деятельность Кружка постепенно сошла на нет, в основном, по причине непосещения ежедневных занятий членами кружка, и постепенного их выбывания их состава. Таким образом, несмотря на то, что публичные концерты достаточно благосклонно принимались публикой, отсутствие исполнителей послужило причиной прекращения с 30 марта 1885 г. существования Кружка любителей музыки². В дальнейшем развитие музыкального искусства в Казани было продолжено на профессиональном уровне в частной музыкальной школе А.А. Орлова-Соколовского³ и Казанском отделении Императорского Русского музыкального общества⁴.

В 1895 г. в Казани появляется Общество любителей изящных искусств, объединившее все виды искусства, которые были предметом внимания предыдущих обществ. В сферу его деятельности, по-

¹ Там же.

² Волжский вестник. – 1887. – 2 февраля.

³ Частная музыкальная школа А.А. Орлова-Соколовского действовала в 1886–1891 гг.

⁴ Казанское отделение Русского музыкального общества было открыто в 1864 г., но активная деятельность началась с 1887 г.

мимо музыки, драматического искусства и литературы, входили также изящная живопись, история и теория искусств, критика. Целью Общества поставило сближение местных деятелей, интересующихся изящными искусствами, а также развитие и распространение искусств в Казани путем устройства концертов, спектаклей, музыкальных, литературных и художественных вечеров; художественных выставок, публичных лекций. Общество могло издавать книги и выпускать журналы; учреждать стипендии и выдавать пособия, открывать школы и библиотеки¹. Однако, несмотря на широкие полномочия, зафиксированные в Уставе, Общество уже в первый год своего существования решило ограничиться семейно-художественными вечерами, вызвав тем самым отчуждение горожан, требовавших развлекательных и познавательных мероприятий. Из всех отделений Общества только музыкальная секция проявляла признаки своего существования, организуя ежегодно по 10–15 концертов.

Большинство казанских любительских обществ возникало в пореформенный период, что, в первую очередь, было связано с облегчением требований по регистрации Устава. Если в начале века разрешение выдавалось императором, а потом Министерством внутренних дел, то в пореформенный период это функция переходит к губернатору², что намного ускоряло и упрощало процедуру. Второй причиной можно назвать возросшую общественную активность жителей города.

Среди общественных организаций, существовавших в Казани в XIX в.³ (религиозные, политические, клубы для проведения досуга, экономические, благотворительные, научные и др.), выделяются только 5 обществ, занимавшихся распространением различных видов искусств и культурно-просветительской деятельностью. Их возникновение нельзя назвать спонтанным, т.к. до официальной организации общества любителями велась определенная деятельность. Любители словесности печатали свои произведения, любители сценического искусства и музыки ставили спектакли и давали концерты. Целью объе-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1896. – 20 февраля.

² Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Том XI. – № 3. – С.165.

³ В начале XX в. в Казани насчитывалось более 20 добровольных обществ разной направленности. Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Том XI. – № 3. – С.169.

динения разрозненных сил в отдельные общества стало стремление структурировать и усилить свою деятельность, как в плане распространения культуры, так и с желанием развития того или иного направления путем расширения круга заинтересованных лиц. Но в то же время, несмотря на серьезность поставленных задач, многие общества существовали непродолжительное время, что было связано и с материальными трудностями, и с кадровыми проблемами. Большая часть членов общества были номинальными участниками, не присутствовали на собраниях, не платили взносов, составлявших финансовую базу общества. По словам Н. Загоскина, причиной закрытия обществ любителей музыки и сценического искусства явились распри и дразги между его членами, в результате которых многие талантливые исполнители выходили из состава общества и, как следствие, понижался уровень постановок и падали сборы¹.

Несмотря на заявленную всесословность обществ, они, в основном, были закрытыми элитарными клубами, получить членство в них могли представители наиболее обеспеченных, привилегированных слоев казанского общества, т.к. действительные члены должны были платить ежемесячно от 5 до 10 рублей, или одновременно 100 руб., а почетные члены некоторых обществ еще больше, например, в Обществе любителей сценического искусства – не менее 50 руб., а в Кружке любителей музыки – не менее 500 руб. Кроме того, в члены общества принимались лица, обладающие сценическими, литературными или музыкальными способностями, т.е. это опять люди из высших слоев общества, которым было доступно такое образование. Элитарность обществ послужила отделению их от простых горожан, в результате этого народная культура в этих обществах не развивалась. В некоторых видах искусства, особенно в опере и иногда в драме, предпочтение отдавалось произведениям иностранных авторов. Так, например, современники отмечали, что «наши местные артистические вокальные силы и приезжие знаменитости более тяготеют к итальянским композиторам, и если иногда и делают исключения в пользу русской музыки, то больше поют из опер Глинки и Даргомыжского, а все новейшие композиторы: Балакирев, Рубинштейн, Чайковский и друг. у нас почти неизвестны»².

¹ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. профессора Н.П.Загоскина. – Казань, 1895. – С.429.

² Казанские губернские ведомости. – 1881. – 28 ноября.

Приметой времени стало привлечение в общества чиновников и известных общественных деятелей, которые занимали руководящие и ответственные должности, а также присуждение им звания почетных членов. Например, в Обществе любителей сценического искусства в 1882 г. казначеем был гласный Казанской городской думы П.А. Месетников, а почетными членами состояли губернатор Л.И. Черкасов, губернский предводитель дворянства А.Г. Осокин, вице-губернатор К.Н. Хитрово, в Распорядительный комитет Казанского кружка любителей музыки входил профессор университета Н.В. Сорокин и др. Членство в Обществах ни к чему не обязывало, но было престижным. По подсчету Б. Миронова, в период с 1870 по 1910 гг. такой деятельностью были заняты 60% гласных Казанской городской думы¹.

Таким образом, культурно-просветительские любительские общества Казани XIX в. представляют собой добровольные организации, состоящие из представителей привилегированных, образованных и экономически состоятельных слоев общества, усилия которых были направлены на развитие и популяризацию различных видов искусств, однако ограниченность обществ в материальных средствах и распространение искусства только в кругу своих членов не позволили им осуществлять долговременную деятельность и стать популярными среди населения.

Л.М.Владимирова

Помощь Самарского земства крестьянам-мусульманам в сельскохозяйственной сфере

По Положению 1864 г. земские функции делились на обязательные и необязательные. К обязательным мероприятиям земств относились: содержание и ремонт дорог, помещений для полиции и мировых судей, выделение подвод для государственных чиновников и т.д. Необязательные дела касались организации врачебной помощи населению, формирование системы народного образования, различные виды страхования и т.д.²

¹ Там же. – С.171. Данная цифра указывает на количество гласных, принимавших участие во всех видах добровольных обществ.

² ПСЗ–2. Т. 39. Отд. 1. Ст.40457.

Татарские крестьяне не доверяли земской администрации и смотрели на земства как на часть русской административной системы. В 1914 г. в газете «Тормыш» в статье М.Солтангалиева «Земство и татары»¹ дается характеристика восприятию татарскими крестьянами Волго-Уральского региона земских учреждений. Констатируется, что татарские хлебопашцы уже привыкли получать от земств ссуду в голодные, неурожайные годы и сельскохозяйственные орудия труда, однако по сей день отсутствует правильное представление о земских учреждениях. Татары считали земские учреждения еще одним органом для сбора налогов, в целях обогащения чиновников, или сферой действия богатых людей и слишком поздно стали воспринимать их как полезное для себя учреждение, и стало проявляться доверие к их действиям. Автор утверждает, что до этого времени большинство гласных-татар были волостными старшинами (или помощниками), преследующие свои личные интересы обогащения и повторного избрания на эту должность. Их ограниченный круг преставлений о происходящих в стране событиях, неумение говорить должным образом ни по-татарски, ни по-русски, плохое восприятие и понимание обсуждаемых на заседаниях земских собраний местных проблем объективно не позволял им выступать на прениях. В случае предложений земских управ по введению новшеств в татарских селениях волости, они, как правило, отказывались, говоря, что «нам мусульманам, этого не нужно», а после возвращения в селение хвастались, что отказались от выгодного предложения, чтобы не наложили новых налогов. Автор с сожалением отмечает малочисленность компетентных активных земских деятелей – гласных-татар, деятельность которых служит на благо народа, и призывает увеличивать численность гласных-татар в земских учреждениях, выбирать компетентных лиц, умеющих отстаивать интересы общин хлебопашцев, с тем, чтобы они, сотрудничая с русским большинством, добивались его голосом на нужды мусульман.

Одной из причин недоверия татарских крестьян являлось требование земствами в качестве добровольного волеизъявления крестьянской общины общественного приговора на вводимое новшество. Особенно до Первой русской революции, под воздействием различных слухов о крещении татары традиционно с большим опасением относились к требованиям чиновников о выдаче общественного приговора, боясь, вследствие незнания русской грамоты, использования

¹ М.Султангалиев. Земство һәм татарлар // Тормыш. – 1914. – 29 июнь.

их подписей в этом документа как их согласия на крещение, путем записи в приговоре другого текста¹.

Своеобразное расположение уездов Самарской губернии выразилось в почвенном, климатическом и культурно-аграрном контрастах. Север имел преимущественно овсяно-ржаную специализацию, юг – пшеничную и скотоводческую². В состав губернии входили два района, различные по своему рельефу: степь на юго-востоке и северо-восточные холмистые уезды.

Основными выращиваемыми культурами у татар Самарской губернии были озимая рожь, яровые – рожь, овес, греча, полба, пшеница – и горох. Из масленичных культур сеяли, в основном, лен и коноплю, а также подсолнечник. В степных уездах у татар преобладали посевы яровой пшеницы, зачастую превышающей посевы овса. Большое распространение озимой ржи среди крестьянских хозяйств объяснялось ее морозо- и засухоустойчивостью, разнообразием использования. Почти повсеместно татарские крестьяне выращивали ячмень. Требовательная к плодородию почв культура – ячмень – в заметных размерах выращивался на залежах и перелогах отдельных татарских деревень Николаевского и Новоузенского уездов. В то же время, в связи с падением плодородия почв и сокращением залежей и перелогов, во второй половине XIX в. наблюдается уменьшение посевов ячменя. В 70-е гг. XIX в. у татар Бугульминского уезда наряду с овсом главным яровым хлебом становится гречиха³. Однако уже в конце XIX в. гречиха уступает место пшенице, просу, овсу.

Согласно сведениям Н.А.Халикова, садоводство в татарских, как и в русских селениях, было распространено лишь в зажиточных хозяйствах. В 1880-е гг. земские статистики констатировали, что мордва, чуваша и татары мало выращивают и употребляют овощи. Основными культурами были яблоки, в также вишня, смородина, малина⁴. В Николаевском и Бузулукском уездах Самарской губернии у татар значительно было развито бахчеводство. Здесь выращивали арбузы и дыни⁵.

¹ М.Султангадиев. Земство һәм татарлар // Тормыш. – 1914. – 29 июнь.

² Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 1999. – С.66.

³ Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). – Казань, 1995. – С.37, 39, 40.

⁴ Халиков Н.А. Указ. соч. – С.115, 118.

⁵ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Т. 3. Бузулукский уезд. – Самара: Земская тип-я, 1885. –С.55–56.

В целях развития огородничества и садоводства земства распространяли через земские склады семена огородных растений, а через питомники – саженцы плодово-ягодных деревьев и кустарников¹. В начале XX в. гласный Бугульминского уездного земства Шакир Хакимов предлагал раздавать улучшенные семена через учащих татар и мулл в целях повышения эффективности мероприятий по садоводству и огородничеству². Весной 1912 г. на Бугульминском показательном участке проводились опыты по улучшению овощных культур с дальнейшим распространением семян огородных культур местному населению³.

Позитивные перемены затронули часть татарских хлебопашцев. В 1913 г. при посредничестве земских агрономов группа татарских крестьян и мулл заказали и закупили саженцы яблонь и обзавелись садами. Образцово показательным получился садовый участок имама д.Тымытык Азнакаевской волости⁴.

В период развития товарного хозяйства и капиталистических отношений в стране происходила замена старой сельскохозяйственной техники усовершенствованными орудиями и машинами. Преобладающее большинство татар, как и русских, производило обработку земли сохой. Только в некоторых волостях использовался сабан⁵. Использование передовых орудий труда у татар имело место лишь в зажиточных многолошадных хозяйствах.

Большая часть крестьянства не могла приобретать передовую технику из-за ее дороговизны, поэтому земства организовали прокатные станции. Отношение местного населения к агрономическим мероприятиям было не везде одинаковым. Там, где благодаря высокой плодородию почвы населению не приходилось ощущать нуж-

¹ Субботина А.М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры: монография / А.М.Субботина; отв. ред. М.В.Гришкина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. – С.130.

² Сальников В.Г. Бугульминское земство. Дела, тревоги и мечты. – Бугульма, 2005. – С.162.

³ Сальников В.Г. Указ. соч. – С. 159, 162.

⁴ Шәмсемөхәмәдөв Ә. Бөгелмә өязендә иген хәле // Вакыт. – 1914. – 20 май.

⁵ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Т. 5. Бугульминский уезд.– Самара: Земская типогр., 1887. – С.49.

ды от неурожаев и испытывать тяжелые последствия от постоянных недородов, крестьяне позитивно относились к нововведениям¹.

Стремление к повышению урожайности потребовало от крестьянства применения новых приемов земледелия и передовой техники, способствовавшей повышению производительности сельскохозяйственного труда. С этой целью земскими учреждениями открывались сельскохозяйственные склады (в Бугульме, Черемшане, Урустамке и др.), том числе и изредко в татарских селениях, например, в д. Альметьево Бугульминского уезда, где в 1907 г. объем продажи земледельческой техники составил более 100 тыс. рублей².

Одним из направлений земской агрономической службы было распространение сельскохозяйственных знаний среди нерусского населения губернии. Трудности с распространением прогрессивных методов ведения земледелия были связаны не только с экономической слабостью крестьянских хозяйств, но недостаточной информированностью хлебопашцев о пользе и экономической выгоде новых технологий. На очередном заседании Самарского губернского земского собрания в 1908 году было решено включить в статью сметных расходов 1500 р. на бесплатную раздачу брошюр по сельскому хозяйству на татарском и чувашском языках³.

Несмотря на отдельные меры, земства не на должном уровне сумели организовать разъяснительную работу среди мусульман как о своей деятельности, выгоды прогрессивных технологий, так и путях их применения. Хотя решения о переводе на татарский язык брошюр о прогрессивных методах ведения земледелия, животноводства, племенного дела принимались, в большинстве случаев они оставались на бумаге нередко по причине отсутствия компетентных переводчиков⁴.

На страницах татарской периодической печати нередко публиковались статьи с критикой татарских хлебопашцев, ведущих традиционный, старинный способ хозяйствования: сева, жатвы, пашни. Корреспонденты писали: если бы мусульмане уножали поля, то получали бы, как и крестьяне других национальностей, больше

¹ Коротаяева Т.В. Земства Среднего Поволжья в начале XX века (1900 – февраль 1917 года): Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1994. – С.84.

² Сальников В.Г. Указ. соч. – С.166.

³ Постановления Самарского губернского земского собрания XLIV очередной сессии. – Самара: Земская тип-я, 1909. – С.52.

⁴ Учитель Эширев. Земство идарэлэре дикькатенэ // Вақыт. – 1914. – 20 апрель.

урожая. Главной причиной «хозяйственной спячки» татарских хлебопашцев называлось: отсутствие в селениях богатого мусульманина или прогрессивных деятелей («аңлы кешеләр»), которые личным примером и воздействием словом смогли бы пробудить интерес у единоверцев к инновациям. В этой связи показательна статья в газете «Тормыш» (Жизнь) за 1914 г., повествующая о консервативном отношении к ведению земледелия татарских хлебопашцев д.Каракашлы Бугульминского уезда¹.

Кардинальные перемены в отношении к земствам среди татарских хлебопашцев наметились лишь во втором десятилетии XX в. Важно подчеркнуть, что применению инноваций в области сельского хозяйства стал проявлять интерес часть хлебопашцев, открытая к преобразованиям. Именно эта группа сельских жителей, как правило, выписывала татарские газеты и журналы, интересовалась событиями в стране, симпатизировала джадидистам. Очевидно, что в материальном отношении они не были представителями бедных слоев населения, потому что инновации требовали определенных капиталовложений, нередко получение кредита. Среди них четко выделяются две группы: это приходские духовные лица и предприимчивые хлебопашцы, появившиеся под воздействием столыпинской аграрной реформы, берущие кредиты, расширяющие пашню за счет аренды или приобретения земли.

Татарские хозяйства стали использовать молотилки, арендуя их у земства. Накануне Первой мировой войны татарские сельские общества Бугульминского уезда окончательно убедились в преимуществе сеялок. Оказалось, что при их использовании озимые прорастают намного лучше, чем на участках, засеянных по старинному способу, крестьяне также экономили на семенах: если на сеялке на 1 десятину сеяли 6 пудов пшеницы, то по старинному способу, руками – 8 пудов. Примечательно, что летом 1914 г. татарским обществам уезда при посеве озимых даже не хватило сеялок, которые имелись у земских агрономов. По рекомендации Крестьянского банка на полях с плохим восходом озимых многие хозяйства заселяли многолетней травой (костер), купив семена у местного земства².

Развитию животноводства в крае способствовали: организация выставок, улучшение кормовой базы, содействие в приобретении

¹ Габидуллин Г. Авылларда // Тормыш. – 1914. – 30 июль.

² Шәмсемөхәммәдев Ә. Бөгелмә өязендә иген хәле // Вақыт. – 1914. – 20 май.

скота, создание случных пунктов и т.д.¹ Земская ветеринарная служба состояла из ветеринарных врачей и фельдшеров. К 1905 г. число ветеринарных врачей выросло до 59, а фельдшеров – до 26 чел.² Расходы на ветеринарно-санитарную службу постоянно росли³. В 1913 г. в губернии насчитывалось 66 ветеринарных участков⁴.

Улучшение животноводства в губернии включало также и организацию ветеринарной помощи населению. Земская ветеринарная организация возникла в Самарской губернии в первой половине 80-х гг. XIX в. на почве борьбы с чумой рогатого скота. В начале XX в. земская ветеринария расширила границы своей деятельности, включив в свою задачу борьбу со всеми болезнями скота, мероприятия по улучшению породы рабочего скота, а также проведение санитарно-ветеринарных исследований.

Не менее важной заботой ветеринарной службы явилось осуществление действенных карантинных мероприятий против проникновения в губернию заразных болезней извне⁵. Земства сочувственно относились к потерям крестьян от истребления скота и иногда шли на уступки: разрешали оставлять в хозяйстве на карантине скот, явно не заболевший, но находящийся под подозрением. К тому же «противочумная комиссия» не всегда располагала нужной суммой для выплаты вознаграждения за убитый скот. «Башкиры народ очень бедный... и продовольствует себя... одним молоком и чумная комиссия не имеет для уплаты на убитый скот денег..., не решилась забить скот... чтобы башкиры, разойдясь по ближайшим хуторам за сбором подаяния не разнесли заразы»⁶.

Непопулярные мероприятия земств касались всего населения региона, независимо от его этноконфессионального состава. К примеру, 8 мая 1889 г. на хуторе Зизевском Новоузенского уезда было обнаружено заболевание скота⁷. В Кузябаевской волости Николаев-

¹ Вопросы земского хозяйства на Бузулукском уездном собрании // Земское дело. – 1913. – №1. – С.69–71.

² Веселовский Б.Б. История земства. – Т.3. – СПб., 1911. – С.403.

³ Арнольд Н.А. Земская ветеринария // Самарский земский сборник. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. – С.29.

⁴ Журналы Бузулукского уездного земского собрания 49-й очередной сессии 1913 г. с докладами уездной земской управы и другими приложениями. – Бузулук: Тип-я Л.В.Чиняева, 1914. – С.39.

⁵ ГАСО, ф.3, оп.174, д.141, л.6 об; ГАСО, ф.3, оп.225, д.55, л.12.

⁶ ГАСО, ф.3, оп.225, д.55, лл.219 об.–220 об.

⁷ ГАСО, ф.3, оп.225, д.55, л.28.

ского уезда в «башкирских стадах» Курмана Хабибуллина и других также было зафиксировано заболевание¹.

Низкий уровень образованности населения, злоупотребления местных властей и др. вызывали недовольство и активное противодействие у нерусского крестьянства противочумным мероприятиям земств. В середине 80-х гг. XIX в. в Самарской губернии прокатилась волна крестьянских выступлений, вызванная произволом администрации, грубыми действиями ветеринарных врачей и «противочумной комиссии», члены которой, разъезжая по деревням, устраивали карантин, забивали больной скот. Убитые животные оценивались по разрядам и за них выдавалось вознаграждение.

В своих жалобах крестьяне указывали, что противочумная комиссия задерживает выплату обещанного вознаграждения, хотя и весьма ничтожного, в случае гибели скота, ее члены везде и открыто берут взятки, бьют не только больной, но и здоровый скот, используют проданный скот в счет уплаты недоимок и т.п., что еще больше разоряет их. В силу этого крестьяне, главным образом татарские хлебопашцы Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и Николаевского уездов, перестали пускать членов комиссии в свои селения, не давали врачам забивать скот, отказывались оплачивать мероприятия земства и т.п. Движение протеста во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XIX в. охватило десятки тысяч крестьян, над которыми нависла угроза полного разорения².

Помимо очевидных материальных потерь, возмущение крестьян-мусульман вызывала и сама процедура умерщвления скота. Зараженный скот, согласно установленным правилам, убивался путем укола в затылок, а затем его зарывали в землю. Убиение скота посредством укола, воспринималось хлебопашцами как прямое посягательство на нормы шариата. Сельские старосты татарских деревень Азнакаевской волости Бугульминского уезда отказались от тетрадей для записи заболевающего скота, а в д.Фейзуллово Самарского уезда в начале 1885 г. жители выступили против избранного члена противочумного участка, которым оказался православный священник. Муллы и грамотные хлебопашцы утверждали, что данные меры правительства направлены на обращение мусульман в христианскую

¹ ГАСО, ф.3, оп.225, д.55, л.221 об.

² Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю 60–90-е гг. XIX в. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – С.191–192.

веру, а назначение ветеринарных стражников воспринималось как первый этап проведения этой политики¹.

Апогеем протеста хлебопашцев-мусульман противочумным мероприятиям явилось антиправительственное выступление 18 мая 1885 г. жителей д.Сулеево Мензелибашевской волости Бугульминского уезда², поводом которому послужили бесчинства ветеринарных стражников в селениях Бигашево и Сулеево в январе 1885 г. Жители этих деревень неоднократно обращались к властям с ходатайствами, в которых просили отозвать ветеринарных стражников и прекратить бесчинства. Не получив положительного ответа, крестьяне перешли к более решительным действиям, изгнав ветеринарных стражников. В середине мая 1885 г. в д.Сулеево прибыли представители соседних деревень: Урсалыбашево, Татарская Шерлама, Новое Каширово, Мензелибашево. Ветеринарный стражник вскоре был вынужден опять покинуть деревню. Из документов следственного дела видно, что основными зачинщиками мятежа были муллы Ахунзян Усманов (д.Урсалыбашево), Хамидулла Фейрузов (д.Сулеево), а также крестьяне Гильман Адегамов (д.Сулеево), Насыбулла Абдул-Латыпов (сельский староста д.Сулеево), Шагиахмет Бикмухамметов (д.Урсалыбашево), Асылгарей Мухаметгареев (запасной рядовой, д.Сулеево) и др., всего 26 человек³. 18 мая в д.Сулеево для увещевания прибыл губернатор А.Д.Свербеев. Собравшаяся толпа свыше 600 человек, в том числе мусульмане соседних деревень, прервала выступление чиновника возгласами протеста. А.Д.Свербеев взял под арест старосту и, подойдя близко к толпе, приказал встать всем на колени. Мусульмане, не подчинившись, вооружились кольями, палками, рычагами и двинулись на губернатора и стоявших рядом с ним чиновников⁴. Начальник губернии вынужден был удалиться, а через несколько дней в д.Сулеево прибыл батальон солдат, и была учинена расправа: арестованы зачинщики, крестьянский скот, вопреки желанию владельцев, был переписан. Кроме 1,5% налога, крестьян обязали оплатить судебные издержки и перевозку войск.

Согласно приговору Казанской судебной палаты от 4 октября 1885 г., 18 из 26 человек, находившихся под следствием, были осуж-

¹ Рафикова Г. Сулеевское восстание 1885 г. // Эхо веков. – 2004. – № 2. – С.106–108.

² ГАСО, ф.3, оп.205, д. 81, л.4.

³ ГАСО, ф.3, оп.205, д.81, лл.39–39 об.

⁴ Рафикова Г. Указ. соч. – С.106–108.

дены на различные сроки заключения. Гильман Адегамов был выслан на поселение в Сибирь. Судьи усмотрели в бунте экономические мотивы, сопротивление крестьян было объяснено их неграмотностью и невежественностью. Религиозный аспект дела, скорее всего, умышленно был оставлен без внимания¹.

Аналогичные волнения произошли в 1885 г. в татарских деревнях Новое Усманово, Бакаево Бугурусланского уезда, где башкирских крестьян заставили подчиниться под угрозой расстрела, и д.Бигашево Бугульминского уезда, где в сопротивлении участвовало более 1000 человек².

Для устранения недостатков в губернию был направлен член Совета Министров тайный советник Звягинцев³. При его содействии дело было всесторонне рассмотрено в губернском правлении, а затем по предложению МВД оно обсуждалось в губернском земском собрании, которое постановило упразднить 1,5% сбор с оценки рогатого скота и должность агентов губернского земства по чумной операции, а также «сделать существенные ...изменения некоторых из обязательных постановлений»⁴. Все эти мероприятия земств послужили на пользу чумному делу и в дальнейшем таких крупных столкновений с мусульманским населением на этом поприще не происходило.

На рубеже столетий деятельность земств по предотвращению заболеваний скота пользовалась сочувствием у местного населения: в 1897 г. с просьбой о привитии от сибирской язвы обращались уже целые крестьянские общества⁵.

Таким образом, проводимые земствами мероприятия ориентировали крестьянство на внедрение новых форм хозяйствования, новых сельскохозяйственных культур, повышение продуктивности животноводства, развитию садоводства и огородничества. Также земства поддерживали единоличные хозяйства, возникшие в ходе Столыпинской аграрной реформы. Пропаганда передовых идей, ма-

¹ Рафикова Г. Указ. соч. С.106–109.

² Загидуллин И.К., Гибадуллина Э.М. Антиправительственные выступления сельского мусульманского населения Самарской губернии во второй половине XIX в. Нация. Эпоха. Личность: сборник памяти доктора исторических наук Г.Л.Файзрахманова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – С.283.

³ ГАСО, ф.3, оп.175, д.73, лл.5–5 об.

⁴ ГАСО, ф.3, оп.175, д.73, л. 5 об.

⁵ Арнольдов Н.А. Земская ветеринария // Самарский земский сборник. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. – С.31.

териальное стимулирование населения, широкое распространение бесплатной помощи являлись основными механизмами по привлечению населения к рациональным способам хозяйствования.

Попытки Самарского земства по внедрению новых технологий и механизации земледельческого труда воспринималось крестьянами как вмешательство в традиционную систему земледелия, которой сельские общины придерживались в течение столетий. Помимо этого предлагаемые новшества татары и башкиры оценивали еще с позиции соблюдения норм шариата. В тех случаях, когда рекомендации земских учреждений задевали их религиозную автономию, иногда возникало сопротивление, в большинстве случаях татары и башкиры игнорировали эти предложения.

Р.Г.Галләм, Нәжип Нәккаш-Исмәгыйль

Беренче татар басмасы
(Русия падишаһы Петр Беренченең Кавказ һәм
Фарсы иле халыкларына 1722 елгы «Манифест»ы)

Әлеге язмада, гарәп графикасыннан кириллицага транскрипцияләнәп, оригинал телендә һәм аннан хәзерге татар теленә күчәрдә тәүге кат басмага тәкъдим ителүче Русия падишаһы Петр Беренченең Кавказ һәм Фарсы иле халыкларына 1722 елгы «Манифест»ын күренекле галим, татар китабы белгече Әбрар ага Кәримуллин жыйелма хәрәфләр белән басылган беренче татар китап басмасы дип бәяли (Кәримуллин, 1979. 16–17 бб.)

Моңарчы аның сакланып калган бердәнбер нөсхәсе Россия Фәннәр академиясенәң Санкт-Петербургтагы Шәркый кулъязмалар институты мирасханәсендә дип исәпләнәп (1 фонд, 7 тасвирлама, 23/1287 архив эше), эчтәлеге тар даирә белгечләргә генә таныш иде. Әмма күптән түгел Мәскәүдәге Россия дәүләт борынгы актлар архивының Г.Я. Кер фондында (Россия дәүләт борынгы актлар архивы, 191 фонд, 101 архив эше, 48–49 бб.) «Манифест»ның икенче нөсхәсе булуы да мәгълүм булды (Краткий каталог, 1996. С.90–91). Шуннан алынып, аның тексты беренче тапкыр киң катлау укучылар игътибарына тәкъдим ителә.

Мәгълүм булганча, Русиядә татар басма китабының инде өченче йөзәллыкны тутырып килүче бай традицияләре, тарихы бар (Ка-

римуллин, 1974; 1992 и др.). Эмма гарәп шрифтында литерлар булмаганлыктан, 1722 елга хәтле әле җыелма хәрефләр (литерлар) ярдәмендә татарча китап басу эше булмый. Мәсәлән, Петр Беренченең Госманлы Төркиясе белән үзара мөнәсәбәтләргә бәйле 1711 елгы икенче бер манифесты бакыр пластинкага уеп язу (ксилография), ягъни гравюра ысулы белән башкарылганлыктан, әле басма китап дип санала алмый (Кәримуллин, 1979. 14–15 бб.). Шунлыктан, беренче татар китап басмасы буларак, Петр Беренченең Кавказ һәм Фарсы иле халыкларына 1722 елгы «Манифест»ы татар басма китабы тарихында үзенә бер күренекле урын алып тора.

Аның яңа табылган икенче нөсхәсенә Россия дәүләт борынгы актлар архивының нәкъ менә Г.Я. Кер фондында саклануы һич тә очраклы хәл түгел. Георгий Яковлевич (Георг-Якобс) Кер (27.07 (07.08.) 1692 – 05.(16)05.1740) – ижади эшчәнлегә XVIII гасырның беренче яртысына, аның икенче – дүртенче дистә елларына туры килгән мәгълүм алман (немец) шәркыятьчәсе, Шәрәкь (гарәп, фарсы, төрек) телләреннән тәржемәчә һәм нумизмат. Ул Алманиянең (Германиянен) Саксония өлкәсендәге Шлейзинген төбәгендә туа, шунда башлангыч белем ала. 1711 елда Шәрәкь (Көнчыгыш) телләре белгечлегә буенча Галле университетын тәмамлый. 1722 елдан Лейпциг университетында өлкән магистр, 1727 елдан шунда гарәп һәм яһүд телләре кафедрасын җитәкли. Вице-канцлер, граф А.И. Остерманның шәхси чакыруы буенча, 1732 елның гыйнварында Русиягә, Санкт-Петербургка килә һәм шул елның март аенда төзелгән контракт нигезендә, дәүләтнең Чит илләр эшләре Коллегиясе (Коллегия иностранных дел) каршында гарәп, фарсы һәм төрек телләреннән тәржемәчә (тылмач) итеп тәгаенләнә. Аңа шул телләргә яшүсмерләргә өйрәтү бурычы да куела. Шушы максатта, Мәскәүдәге Славян-грек-латин академиясеннән махсус китертелеп, алты яшүсмер дә беркетелә (соңыннан аларның бишесе илчелек хезмәтендә файдаланыла).

1735 елда ул Петербург Фәннәр академиясе тарафыннан Петр Беренче оештырган Кунсткамерадагы 4000 берәмлек Шәрәкь тәңкәләренең (шул исәптән Жучи акчаларының да) тасвирламасын (каталогын) төзәргә чакыртыла. Эмма шәркыятьчә галимнең 1740 елда вақытсыз вафат булуы сәбәпле, бу эш ахыргача тәмамланып бетми кала.

Замандашлары өчен берәз «сәеррәк» булып күренгән, үзенең шәркыять өлкәсендәге белемнәрен барыннан да өстен куйган Г.Я.Кер үз заманында Русиядә атаклы шәркыятьчә галим, күренекле нумизмат, гарәп, фарсы, төрек телләреннән иң яхшы тәржемәчеләренә берсе булып таныла. Ул үзенең актив тәржемә эшчәнлегә аша

Чит илләр эшләрә Коллегиясенә Шәрәкь илләрә (Фарсы иле, Госманлы Төркиясе һ.б.) белән язма эш йөртүендә турыдан-туры катнашып, үзәннән соң төрле телләрдә күп тәржемә хезмәтләр калдыра. Аерым алганда, аның Төркия белән Фарсы иле арасында төзелгән тынычлык трактатын, төрөк солтанының патшабикә Анна Иоанновнага хатын алман (немец) теленә тәржемә итүе мәгълүм. Ул шулай ук урта гасыр төрки тарихи-мәдәни ядкярләреннән Әбелгазый Баһадур ханның «Шәжәрәи төрки»ен («Родословная тюрок») – алман (немец), «Бабурнамә»не – латин телләренә тәржемә итә. Шәркыятче галимнең башка күп тәржемәләре дә мәгълүм.

Тәржемә эшчәнлегеннән тыш, Г.Я.Кер Кунсткамерадагы куфи язулы борынгы тәңкәләренә, Жучи ачкаларының, вакытсыз вафаты сәбәпле, тәмамланып җитмәгән, ике томлык кулъязма тасвирламасын (каталогын) төзи, үзәндә дә аларның бай тупланмасын булдыра. Шулай ук, төрле дөнья халыклары телләрендә әлифбалар (азбукалар) жыя, аларны өйрәнә, Кавказ, Каспий, Кара диңгез бие төбәкләренә карталарын төзеп калдыра, Шәрәкь телләрен өйрәнү максатында, Русиядә Академия яисә Гыйльми жәмгыять булдыру фикерен алга сөрәп, үзе үк аның проектын да төзи һ.б.

Гомумән алганда, Г.Я.Кер Русиянең беренче шәркыятче галимнәреннән, Шәрәкь ачкалары нумизматы, куфи стилиндәге язуларның борынгы гарәп язмалары икәнлеген ачыклаучы булып исәпләнә. Ул зур эш сәләтенә ия була. Аның нигездә Россия дәүләт борынгы актлар архивында һәм Санкт-Петербургтагы Шәркый кулъязмалар институты мирасханәсендә сакланучы бай ижади мирасы да шул хакта сөйли. Шәркыятче галимнең Россия дәүләт борынгы актлар архивындагы «Манифест»ның икенче нөсхәсе табылган шәхси фондында да (191 фонд) Шәркыять, Төркыят белемнәренә, урта гасыр төрки, татар дәүләтләре яшәшәненә кагылышлы шактый күп башка архив материаллары табырга була. Мәсәлән, «Татар тарихчылары һәм географлары турында хәбәрләр» (130 архив эше), «Кунсткамера тәңкәләре, медальләренә һәм аларның күчәрмәләренә тасвирламасы» (143–176 архив эшләре), «Русиядә Шәрәкь академиясе оештыру проекты» (4, 11 архив эшләре), «Лейпциг китапханәсендәге гарәп, фарсы, төрөк кулъязмалары» (22 архив эше), «Бөек Могуллар генеалогиясе буенча материаллар» (92-т архив эше) һ.б.

Беренче татар китап басмасының барлыкка килү тарихы да кызыклы: XVIII гасыр башында көчәеп киткән Русия Балкан ярымутравына чыгу, Кара, Балтыйк диңгезләре буйларында ныгып калу максатында күршә дәүләтләр белән өзлексез сугышлар алып бара. Бу

чорда, элек-электән, Алтын Урда чорларыннан килгән традиция буенча, Русия Фарсы Иле, Госманлы Төркиясе, Төньяк Кавказ халыклары кебек күрше көньяк дәүләт-халыклар белән тыгыз мөнәсәбәт йөрткәнлектән, дәүләттә илчелек кәгазьләре фарсы, төрек, татар телләрендә дә башкарыла. Моның өчен Чит илләр эшләре Коллегиясендә махсус тылмачлар (тәржемәчеләр) корпусы тотыла.

Балтыйк буе жирләре өчен 1717–1721 еллардагы Төньяк сугышында Швецияне жиңгәннән соң, Петр Беренченең игътибары көньяк-көнчыгыш тарафка, Каспий дингезе буйларына юнәлә. Максаты – Һиндстан, Кытай кебек бай илләргә илтүче кәрван юлларын, шул юллардагы әһәмиятле Каспий төбәгенең көнбатыш, көньяк-көнбатыш яр буе жирләрен кулга төшерү. Әмма алар бу вакытта Фарсы иле (Иран) кулында була. Житмәсә, бу жирләр Гөржестан (Грузия) һәм Әйястанның (Әрмәнстанның) бер өлешен үзенә буйсындырган Госманлы Төркиясен дә кызыксындыра.

Озакламый бу төбәккә хәрби поход оештыру өчен форсат та чыга. Фарсы илендә үзек хакимиятнең көчсезләнүе сәбәпле, илдә башланган эчке чуалчыклыклардан, Шәмәхадә рус сәүдәгәрләренең тауарлары таланудан файдаланып (бу вакытта Фарсы иленә көнчыгыштан афганнар – пуштуннар бәрәп кереп, алар хәтта ил башкаласына һөжүм итәләр, ә Төньяк Кавказ халыкларыннан лезгиннар һәм кумыклар сәүдә шәһәре Шәмәхане талыйлар), 1722 елның жәендә Петр Беренче гаскәрен Каспий буена юнәлтә. Тарихка Петр Беренченең 1722 елгы Фарсы походы яисә Шәмәха экспедициясе булып кереп калган бу походта ул, кайбер тарихи хәбәрләргә караганда, 22000 жәяүле гаскәридән (пехотадан), 20000 казактан, 30000 татардан, 22000 калмыктан, 9000 атлы гаскәрдән һәм 5000 матростан – барлығы 106000 сугышчыдан тора (Лебедев, 1848. С.9). Шул рәвешле, генерал-адмирал Ф.М.Апраксин командалык иткән яуның ким дигәндә 28–29%ын төрки-татарлар тәшкил итә.

Алга китеп шуны әйтергә мөмкин, нигездә Каспий дингезенең көнбатыш як яр буйлары буйлап сузылган бу поход Русия дәүләте өчен уңышлы тәмамлана. Аның нәтижәләре буенча 1723 елда Петербургта Фарсы иле белән Русия арасында солых килешүе төзелә. Бу килешү буенча Фарсы иле Бакы (Баку), Дербент шәһәрләрен, Астрабад, Гилян, Мазандеран, Ширван өлкәләрен Русиягә бирергә мәжбүр була. Үзенең Кавказ артындагы яңа биләмәләрен тану бәрәбәрәнә, бу яулап алуларны Госманлы Төркиясе дә таный. Ләкин бу уңыш кыска вакытлы булып чыга. 1732 елда Фарсы иленең Решт шәһәрндә ирешелгән икенче бер килешү һәм 1735 елгы Ганжә

(Гянджа) трактаты буенча, Русия бөтен саналып киткән шәһәр-өлкәләргә киредән Фарсы иленә кайтарып бирергә мәжбүр була. Шулар рәвешле, аның өчен бу походның ахыры нәтижәсе файдасыз диярлек була. Әмма ул беренче татар китап басмасы нәшер ителүгә вә борынгы Болгар жирендәге тарихи һәйкәлләргә өйрәнү-саклауга тәүге этәргеч бирүгә бәйле истәлекле бер тарихи вакыйга итеп карала. Эш шунда ки, Каспий буена барышлы, Русия падишаһы Петр Беренче Хажитарханга (Астраханьга) Идел буйлап төшә. Шунда борынгы Болгар жирендәге тарихи хәрәбәләргә дә манзара кыла. Вакыт үтү белән, аларның жимерелә, юкка чыга баруын күрәп, Казан губернаторына сакланып калган тарихи һәйкәлләргә ныгыту-төзекләндерү чараларын күрергә, каберташлардагы борынгы татар, әрмән язмаларын кичекмәстән укып, күчереп алырга әмер бирә. Һәм ул әмер мәгълүм дәрәжәдә үтәлә дә. Бу борынгы Болгар жирендәге тарихи-мәдәни ядкярләргә саклау-өйрәнү юнәлешендә тәүге адым була.

Ә инде 1722 елның 15 (26) июнендә, Хажитархан шәһәренә төшәп житү белән үк, Русия падишаһы үзенә поход типографиясендә Кавказ һәм Фарсы иле халыкларына «Манифест»ын бастыра. Ул фарсы, төрек, татар телләрендә нәшер ителәп, аның алман (немец) теленә тәржемәсә дә мәгълүм (Лебедев, 1848. С.4–8).

Госманлы төрек телендә «Манифест»ның 1000 данә чамасында бастырылуы мәгълүм (Пекарский, 1862. С.653). Сугышның Фарсы иле жирлегендә алып барылганлыгын истә тотсак, аның фарсы телендәге тиражы күпкә күбрәк булуы ихтимал. Күрәсәң, «Манифест»ның фарсы, төрек телләрендәге исәбе 3000, гомуми тиражы 5000 чамасы булган (Голиков, 1838. С.154–155). Бу поход типографиясендә басылган нинди дә булса башка басма мәгълүм түгел. 1723 елда исә поход типографиясе осталары Мәскәүгә әйләнеп кайталар. Күчереп йөртү авыр булганлыктан, үзләре белән типография станын, гарәп шрифтындагы литерларны гына алалар. Калган барысы да урында кала.

«Манифест»ның авторы һәм Шәрәкь телләренә тәржемәчесе булып беренче Русия шәркыятьчеләреннән Дмитрий Константинович Кантемир (26.10. (6.11.) 1673 – 21.08. (1.09.) 1723) исәпләнә. Ул – Молдавия (Валахия) хөкөмдары (господаре) Константин Федорович Кантемир белән борынгы бояр нәселеннән булган Анна Федоровна Бантыш гаиләсендә кече ул булып дөньяга килә. Кайбер тарихи хәбәрләргә караганда, бу нәсел башында Крым татарлары вәкиле тора. Петр Беренченең 1711 елгы төрек походында Д.К.Кантемир Русия ягыннан эш йөртә. Әмма поход уңышсыз тәмамлану

сәбәплә, ахыр чиктә Русиягә качып китәргә мәжбүр була. Ул монда кенәз титулы, зур утарлар белән бүләкләнә, падишаһ сараена якынайтылып, Петр Беренченең төрек эшләре буенча киңәшчәсе була. Молдавия хакиме булганчы, Д.К.Кантемир озак еллар (1688–1710) аманәтче (заложник) сыйфатында Константинопольдә (хәзерге Истанбул) яши. Анда яхшы белем ала. Аның төп үзенчәлеге – Көнбатыш (грек-латин) белемнәре белән беррәттән Шәрәкь белемнәрен дә яхшы үзләштерү, төрек, гарәп, фарсы телләрен камил дәрәжәдә белү була. «Бу господарь – үтә акыллы кеше, киңәшләр бирергә дә бик сәләтле», – дип бәяли аны Русия падишаһы Петр Беренче (Полный журнал, 1854. С.49).

Д.К. Кантемир гыйльми ижат эше белән дә шөгыйльләнә. Мәсәлән, 1716 елның көзөндә ул латинча язылып, үзеннән соң кулъязмада калган, соңыннан инглиз, француз, алман (немец), румын телләрендә бастырылып, аңа дан китергән «Госманлы йортының күтәрелеше һәм баешы» дигән хезмәтен тәмамлай. Шулай ук латин телендә 1720 елда язып тәмамлаган икенче бер кулъязма китабын «Система китабы яисә Ислам диненең торышы» дип тәржемә итеп булып иде.

Петр Беренченең 1722 елгы походы вакытында Д.К.Кантемир, Яшерен канцелярия башлыгы П.А.Толстой белән берлектә, граждандык эшләре белән җитәкчелек итә. Алар өчәсе – яу җитәкчәсе Ф.М.Апраксин, П.А.Толстой һәм Д.К.Кантемир падишаһ Киңәшен тәшкил итәләр. Моннан тыш, Петр Беренче аңа поход типографиясе белән җитәкчелек итүне дә тапшыра. Шәрәкь (фарсы, гарәп, төрек) телләрен белү аңа походта аеруча мөһим роль уйнарга мөмкинлек бирә. Шунлыктан типография эшен оештыручы да, «Манифест» текстын язып, аны төрле телләргә тәржемә кылучы да шул булып исәпләнә.

Д.К.Кантемир үзе бу походны гыйльми экспедиция буларак та кабул итә. Мәсәлән, Дербентта аны борыңгы кирмән үзенә жәлеп итә. Ул аны игътибар белән карап чыга, кирмәннең үлчәмнәрен, андагы гарәп язуды язмаларның күчәрмәләрен ала. Аның «Кавказ стенасы турында» дигән гыйльми материаллары «Көнчыгыш коллекциясе» («Восточная коллекция») җыентыгында да урын ала.

Моннан тыш, Д.К.Кантемир хәрби экспедиция вакытында көндәлек юлъязмалар да алып бара. Аның борыңгы Дербентка кагылышлы урыннары аеруча мәгълүматлы һәм кызыклы. Дербентка килгәч, ул күп Кавказ һәм Төркестан халыклары изгеләштергән каберне зиярат кыла, тасвирламасын биреп, аның турында мәгълүмат-

лар калдыра. Шунда ук Петр Беренчегә «Тарихи Дербентнамә» дигән фарсы кулъязмасы бүләк ителгән була. Д.К.Кантемир, кызыксынып, аны тәржемә итәргә алына. Әмма 1723 елдагы вафаты аңарга бу эшне ахыргача башкарып чыгарга ирек бирми.

Жыеп әйткәндә, үзенә 1722 елгы Фарсы походы вакытындагы эшчәнлегә белән Д.К. Кантемир Русия шәркыять гыйлемендә Төньяк Каказны, андагы халыкларны өйрәнүгә бәйле яңа тармакка нигез ташын салучы буларак күзаллана.

«Манифест»ның үзенә килгәндә, Петр Беренче идарә иткән чорда үзара тыгыз мөнәсәбәт йөрткән күрше ил – халыкларга шундый «Манифестлар» белән мөрәжәгать итү гадәти хәл була. Аларның эчтәлегендә сәламләү, вәгъдә, үтенеч тә, янау, кисәтү дә, боерык, әмер, теләкләр дә урын ала алган. Болар 1722 елгы «Манифест» текстында да чагыла.

Текст башындагы сәнгатьле рәвештә язылган тугра – «Петр әүвәл ибн Алексей падишаһе Руси» – үзенә эшләнеше буенча, әйтик, Крым ханнарының мәгълүм туграларыннан калышса да, үзенчәлекле симметрик композиция белән осталарча башкарылган. Шуннысы да кызыклы, «Манифест»ның Санкт-Петербурктагы Шәркый кулъязмалар институты мирасханәсендә сакланып калган икенче бер нөсхәсендә ул үзенә композицион конфигурациясе буенча берникадәр аерыла. Бу исә поход типографиясендә бер үк «Манифест»ның ике мөстәкыйль басмасы дөнья күрү ихтималы турында сөйли.

«Манифест» русчадан иске госманлы теленә югары стилиндә тәржемә ителгән һәм бастырылган. Югары стиль – ул канцелярия стили, XVIII гасыр башларында бу стиль белән хөкүмәт указлары, фәрманнары, ярлыклары һәм чит ил хөкөмдарларына хатлар язылган. Бу чорда Төркия дәүләте белән мөнәсәбәтләр шактый тыгыз булганлыктан (Петр Беренче Төркияне яулап алу нияте белән эш итә), татар тылмач-тәржемәчеләре һәм сәркятипләре язу-сызу эшләрен шул телдә алып барганнар. Казан ханлыгы чоры язма теленнән бу тел кискен аерылып тора, ул гарәп сүзләре, фарсы гыйбәрәләре белән тулы, алар текстның чама белән 90% тын тәшкил итә.

Кайбер жөмлөләрдә текстны тәржемә кылучының татар теленә өстенлек биргәнлегә дә сизелгәли. Мәсәлән: «зурба башларына» («башларыя» урынына); «пәнәһ буланлар» («пәнәһ уланлар» урынына); «булыныр исә» («улыныр исә» урынына), «симәтдә булынанлар» («симәтдә улынанлар» урынына).

Кайбер төрки-татар сүзләре күплек санда фарсы күплек кушымчасы «-ан» белән язылган: мәсәлән: курчыбашыйан (курчы-

башлары), тупчыбашыйан (тупчыбашлары), йөзбашыйан (йөзбашлары), фарсы изафәсе (нисби бәйләнеш, иялек килеше) шактый мул күзәтелә.

Басма текстның хәрефләре (шрифте) ачык нәсех стилиндә эшләнгән, әмма сәнгати камиллек житешми.

Гарәп һәм фарсы сүзләре нәкъ шул телләрдәгечә дәрәҗә язылышта бирелгәннәр, х, з, с, т, г, к хәрефләренәң нечкә һәм каты әйтелешле вариантлары дәрәҗә һәм урынлы язылган.

Йомгаклап, шуны әйтергә була, Русия падишаһы Петр Беренченәң Кавказ һәм Фарсы иле халыкларына 1722 елгы «Манифесты» – беренче татар басма китабы тексты – тарихчы галимнәргә, тарихи лексикология, язу тарихы өстендә эшләүче шәркыятьчеләргә, тел белеме галимнәренә алга таба өйрәнү, анализлау, чагыштырма нәтижәләр ясау өчен кыйммәтле бер чыганак булып тора.

Петр Беренченәң Кавказ һәм Фарсы иле (Иран) халыкларына «Манифесты»

Петр дүвәл ибн Алексей падишаһе Русии¹

Бәгауни Раббани вә кодрәте Жиһандани илә Без, Питрус Өвәлге, император тәваифе Русии худ дарә ардин мәмәликә шималин, толугъ вә-з-зәвал вә-н-нисфы-н-нәһарин, падишаһе-л-бәррин вә хакане-л-бәхрәйн, дәхи сәзир вә сәзир, вә сәзир падишаһларың вә хөкүмәтләрең Хакиме вә мәликәнә бойорочысы – шәүкәтле вә газәмәтле. сәгадәтле вә мәһабәтле олы мәхәббәтемең вә кадими дустимың Шаһ галижаһ хазрәтләренәң хөкүмәтендә вә хезмәтендә улан гыйззәтле вә хөрмәтле сипаһсаларийан вә ханийан, вә курчыбашыйан, вә агайане кол вә төфәңчейан, вә тупчыбашыйан, вә бәкләр бәгийан, кол вә солтанийан, вә вәзара, вә сәзир забитан, вә нәфратың бик вә йөзбашыйан; вә фазыйләтле голәмә: вә мулла вә хөрмәтле имамлар вә мөәззинләр; вә сәзир әрбабе хәддам жәвамигы; вә куй кәтходалары, вә әһле тәжжар, вә кәрван вә дәстегаһ башылары; вә дөкән, вә әһле сәнәгать халифәләре вә шәкердләре, вә гомум үзрә әһле зиммәт ригайа вә бәрайа – һәрбересе мәртәбәсе илә, вә әжнасы илә, вә мәһнәбе илә – сәләме сәләмәт.

¹ Бу сүзләр тугра шәкелендә, симметрияле итеп язылган.

Өнжаме иблагъ илэ тэүкыйгы рэфгый һөмайуным васыйл улый-ачак, мэгълүм гыйззэтмәндләрэ ула ки: сәнәи мәүлүде Раббымыз Гайсә Мәсих хазрәтләренәң бең йиде йөз йегерме берендә ки (һижрәт сәнәсенәң бең йөз утыз дүртедер) шәүкәтле вә газәмәтле, вә мәһабәтле олы дустанымыз вә әрзани куңшемез Шаһ галижаһ мәмәликә әраде Парс вә Гаҗәм хазрәтләренәң тәхет тәссарыфында улан ләзгә вилайәтенәң забиты Дауд бәк вә казый-камык ийәләтенәң хакиме Соркай нам кемсәләр ул тарафдан әжнасе мөхтәлифдән ничә фәтнәнәнгиз жәләлиләр йанларына жәмгъ идеп мәзкүр Шаһ галижаһ дустанымыз хазрәтләренәң үзәрәнә баш калдырып, вә кабзаи тәсарыфында улан мәмләкәте Ширван ийәләтендә шәһре Шәмахаи хәмләи-һөжүм вәсилә сәйф идеп, Шаһ дустанымыз хазрәтләренәң ничә адәмләренә һәлак әйләдекләрендән мөгадилә тарыйк галийәләремездән дәхи тәваифе русдан гаһеднамәи һөмайунларымыз мәүжибенчә мөгътаде кадим үзрә бәләдәи мәзбүрәдә тижарәт илэ варып килмәк әүвәлә килмеш саучемез гөнаһсыз билә мәрхәмәт кател вә маллары нокуд хисабы үзрә мәжмугы дүрт йөз көррә (йөз бең рубләйә кариб) гарәт вә талан-тараж әйләмешләр; вә хосусан ки әснаи падишаһанәмезә һакес хокука зәхем вә ихтилал дад сәтадә катыйгъ вә сәдд әстүр әйләдекдәре әжәлләван тарафә галийәл хушрәванәмездән Абздархан вәлисе әүвәлән мәзкүр зурбә башларына әтмамә һак өчөн ничә дәфга рисаләт илэ махсус Шаһ дустанымыз мөкәррәран мәхәббәтнамәмез илэ мөстәкыйл илчәмез ирсал вә мәсфүрүн зурбәләрең һакындан киләнмәк вә шәрғы шәригъ илэ иҗраи һак улынмак өчөн таләб улындыкда тарафә шәүкәтләрендән әстәмәгемез үзрә һакларындан килмәк вә әтмамә һак улынмак өчөн худ морад улынмыш икән, анчак мөмкин улмадыгы сәбәбә илэ бу анә дәк чук тәэхир улынып, аслан бер хәрәкәт бойоролмады.

Имди чүн бөйлә дәхи ул бәдкәрдарләрең золымындан безем рус тәваифенәң малына вә гарзы ноксанлыкларына истихкак һак улынмадыгы сәбәбә илэ би-з-зарурий икътиза әйләдеге дәрҗяһе Хаккдан носрат тәзарругъ вә нияз, вә нияз идеп, ул гасый вә әһле тоғъйанларың үзәрәнә гасәкире зафарә мәәсиремез илэ би-з-зат хәрәкәт һөмайунымыз улып, Раббе-л-галәминдән мәржу вә өмиздер ки, иншаллаһу Тәгалә, слиях салихымыз илэ бу мөкүлә тарафында зыйанкәр вә мөдыйрр, вә фәсадә бәгыйс улан йарамазларың мәхкәм һакларындан киләнәп, вә әтмамә иҗра улынып гамәлләрәнә күрә жәзаларын беләләр.

Имди шәүкәтле, газәмәтле вә мәхәббәтле дуcтымыз Шаһ хазрәтләренәң мәснәдә дәүләтә шаһийәдә пәнаһ буланлар әрбабә хөкүмәт вә әһле зиммәт – һәр кәс динә вә дийәнәтә илә, вә мәзһәбә илә, тәваифә парс вә гажәмийан, вә әрмәнийан, вә гүржийан вә сазир падишаһлыклардан мөсәфәрәт тарикы илә ул симәтдә халийан булынанлар вә гомум үзрә вәгъдәи кәримәи падишаһанәмез илә гали тәхкыйк тәәкид вә тәсдыйк бойорорыз ки: хөкүмәтгяһаи мәсфүрәндә мөтәмәкән вә мөтәваттыйн, вә мөсәфәрәт идәнләрә – бер кемсәнәйә аслан бер зарар вә бер зыян улынмыйа; вә жанларына, вә малларына, вә күй-кәндләренә бер кемсәнә әл куймыйа; вә бу хосус өчән сәргаскәрләремезә вә жөмлә нәфратың пийадә вә суар башбугъларына вә сазир забитларына, вә гомумән жөмлә гаскәрләремезә мәхкәм фәрман вә тәнбиһ бойормышыздыр ки: кемсәнәйә аслан вә катган рәнжидә вә рәמידә әйләмәйәләр, вә худ жүзүи итмеш булыныр исә, сийәсәт вә гокубәт илә жәзасын алыр.

Ул шарт илә ки сөз дәхи жайгяһләренәздә вә хөкүмәтгяһләренәздә дуcтлык үзрә бәркарар, вә хук гарәт кыйас илә мал-әмвалыңызы ханәләренәздән ихраж вә пәришан, вә пәракәндә әйләмиәсөз, йухса гайрә йөздән гакес хәрәкәтенәз мәсмүгымыз вә мәгълүмемез улыр исә, ягъни ул биинсаф вә залим кәсирә-л-мөзалимләрә мөлхак вә йахуд анлара ашкәрә вә ниһани имдад акча илә, вә йахуд зәхирә илә мөгаунәт йардүм идәчәк улырсаңыз, вә йахуд вәгъдәи кәримийәи хаканымыза игътимад вә ихтирам әйләмәп, ханәләренәздән вә карйәләренәздән гәзар вә фәрар идәчәк улыр исәнәз бәважибә-з-зарурә жөмләнәзә дошман хисабында ихтисаб идеп, бәлә мәрхәмәт тигъ вә атәш илә үзәрәнәзә варылып, кәндәңәз һәлак, вә мал-әмвалыңыз йәгъмә вә гарәт улыныр, вә вәбал үзәрәнәзә калып, Рузе Кыйамәтдә дүгелән кан дәргяһә Хакк вә Тәгаләнәң хозурында сөздән таләб улыныр.

Бу вәжәһ илә дәүләи гөсмания тарафындан дәхи ул дийарләрдә тижарәт вә сазир мәсалих илә булынан кемсәнәләрә бундан әкьдам Гаһеднамәи һөмайунларымыз мәүжибәнчә шимди дәхи вәгъдәи падишаһнәмез илә мөкаррар вә тәсдыйк бойорып, жәнәбә гыйззәтләренә белдерерсөз ки: безем гаскәрләремез ул тарафа дөхул булдыкда минә-л-вәжһи хакыйр вә тәрәддүд итмәп, тижарәтенәздә вә маслихәтләренәздә көллә әүвәл мәшгуль улып, эшләренәзә асудәи халь үзрә күрәсөз, зира сөзә вә малларыңызы хифз вә хирасәтә өчән сәргаскәрләремезә вә сазир забытлара имтисалан Фәрман һөмайунымыз садр улып, мәхкәм тәнбиһ бойормышыбыздыр ки, дәүләтә гөсмания тарафындан вакыйг улан тәжжар таифәсә асудәи халь үзрә

улдыкларында кэнделеренә вә малларына бәрфәрд рәнжидә вә рә-мидә улынмыйа, ул вәжеһ үзрә ки дәүләи галийәләремезең мабәй-индә солыхымыз әбәди улмак үзрә вадгы тәгаһһөд мәхкәм улыныр, вә хосусан замир мөниремез икътизасынча әбәди солыхымыз хифз, вә хокук гайре марагымыз, иншаллаһу Тәгалә, бизәвал улачагына кальбе һөмайунымыз шәһадәт идәр. Кәзәликә тарафе дәүләт галий-әләрендән дәхи хирасәте мәхәббәт вә гаһде мөсақый йиренә китерел-мешенә иштибаһымыз йукдыр. Имде ул әжәлледән әмер әйләдем вә бойордым ки: вәже мәшрух үзрә гамим фәрман кодрәте тәваным тәхрир вә рәсме дәстеваре-л-гамәл улынып, вә Хатты һөмайуным илә истихкәм бойоролып, тарафыңыза беркөн мөкаддәм ирсал тәвәзигь улына. «Ишетмәдек вә белмәдек» димийәсез, шөйлә белә-сез, галәмәте шәрифә игътикад кыласыз.

Бәгъдә әссәләму галәййә-д-дәвам!

Фи шәһри Әждарһа, сәнәти

Хазрәти Гайсә бең йиде йөз
йегерме ике, тәммузың ун бишендә

«Манифест»ның хәзерге татар әдәби теленә тәржемәсе

*Петр Беренче Алексей улы – Русия падишаһы*¹

Раббыбызның ярдәме вә Ул – Жһиһан Хужасының² кодрәте белән, Без, Петр Беренче – Бөтенруссиянең императоры, кояш чыгышыннан кояш баешына һәм төньяктан көньякның яртысына кадәр булган жирләрнең мәлиге³, коры жирләрнең падишаһы вә диңгезләрнең хаканы⁴ һәм дә башка вә башка вә башка падишаһларның вә хөкүмәтләрнең хакиме һәм мәликәнә⁵ боерыкчысы – шәүкәтле⁶ вә бөек, тулы бәхәтле вә мәһабәтле, олы мәхәббәтебезгә лаек булган иске дустыбыз бөек дәрәжәле вә урынлы Шаһ хәзрәтләренең хөкүмәтендә вә хезмәтендә булган гыйззәтле вә хөрмәтле гаскәр башлыкларына, ханнарға, гаскәри бүлекләренең житәкчеләренә, жәяүле

¹ Тугра шәкелендәге язу.

² Жһиһан хужасы – Алла.

³ Мәлик – патша.

⁴ Хакан – император.

⁵ Мәликәнә – патшаларча.

⁶ Шәүкәтле – данлы, мактаулы.

гаскәр белән идарә итүче агаларга, мылтыкчы вә тупчы башлыкларына, солтаннар вә вәзирләргә, бәкләр бәкләренә вә башка житәкче-идарәчеләргә вә гаскәри төркөмнәрнең бәкләренә вә йөз-башларына һәм дә фазыйләтлелә¹ голәмәлә²: мулла вә хөрмәтле имамнар вә мәзиннәр һәм башка рухани затларга, һәм дә авыл башлыкларына, сәүдә әһелләренә, кәрван вә кунакханә башлыкларына, кибетчеләргә вә һөнәр әһелләренә, аларның өйрәнчекләренә, һәм, гомумән әһле зиммәгә³, кул астыгызда булган Сөзгә буйсынган халыкка – һәрберсенә мәртәбәсенә, женесенә вә мәһәбәнә аермастан – үзөбөзненң сәламнәребезне, рәхим-шәфкатебезне ирештерәбез.

Сәлам соңында, Безненң Падишаһи Указыбыз килеп ирешкәч, Сөзненң игътибарыгызга шуны житкәрәбез һәм мәгълүм кылабыз ки: Раббыбыз Гәйсә Мәсих⁴ Хазрәтләренә тууына мең жиде йөз егерме беренче елда (һижри ел белән мең бер йөз утыз дүртендә) шәүкәтле вә газәмәтле⁵, вә мәһабәтле олы дустаныбыз вә хөрмәтле күршебез – бөек мәртәбәле Шаһның – фарсы вә гәжәм⁶ жирләре Мәлиге хазрәтләренә тәхет биләмәсендә булган ләзгә⁷ вилаятенә⁸ идарәчесе Дауд бәк һәм казый-комык ияләтенә⁹ хакиме Соркай исемле кешеләр ул тарафтагы төрле төркөмнән булган ничәмә фетнәчел бәндәләренә жыеп һәм жәләлиләр¹⁰ янына кушылып, югарыда телгә алынган олуг мәртәбәле Шаһ дустаныбыз хазрәтләреннән баш тартып, Аның биләмәләреннән булган Ширван мәмләкәтендәгә Шәмахә шәһәрәнә һөжүм итеп, кылыч астында калдырып, Шаһ дустаныбыз хазрәтләренә ничә адәмнәрән һәлак итеп, шулай элеккеге югары килешүләр вә борынгы гадәтләр буенча әлегә илдә сәүдә белән шөгыйльләнгән гөнаһсыз рус кешеләрен дә мәрхәмәтсез үтереп, чиста акчага күчәргәндә барысы дүрт йөз көррә¹¹ (йөз мең рубльгә якын)

¹ Фазыйләтле – өстенлекле; укымышлы.

² Голәмә – галимнәр.

³ Әһле зиммә – мөселманнар кул астында һәм химаясында булган христианнар һәм яһүдиләр.

⁴ Мәсих – миссия үтәүче, Иисус Христос.

⁵ Газәмәтле – олы.

⁶ Гәжәм – иранлы.

⁷ Ләзгә – лезгин халкы.

⁸ Вилять – өлкә.

⁹ Ияләт – өлкә.

¹⁰ Жәләлиләр – Жәләлөддин Мәликшаһ дөверенә караучылар, сәлжуклар. Биредә – госманлы төрекләре.

¹¹ Көррә – авырлык үлчәү берәмлеге.

торган малларын талап алганнар, һәм, шулай итеп, ул килешүләрне бозып, Безнең мактаулы дәүләтебезгә каты зыян салдылар, тынычлыгыбызны боздылар.

Гарчә Безнең Бөек падишаһи Указыбыз буенча Абздархан¹ вәлие² ул халыкларны кире кайтарту өчен ул фетнәчеләрнең башлыкларына кат-кат кисәтү жибәрсә дә, һәм, гәрчә без дә сәүдәнән тукталганын күреп, Шаһ дустаныбызга берничә тапкыр мәхәббәт-намәле махсус хатлар белән мөстәкыйль илчебезне жибәреп, Сездән ул фетнәчеләрдән хакларыбызны кайтаруны таләп итүне һәм шәригать хөкеме белән эшләрен башкаруны сорап язсак та, күрсәң, Сездә мөмкинчелек булмау сәбәпле, бу вакытка кадәр һичбер хәрәкәт боерылмады.

Инде, шул рәвешчә тагын ул яман эш кылучыларның золымыннан Безнең рус халкының малына вә канына тиешле хак кайтарылмаган икән, шул сәбәпле зарурый рәвештә шуны тиешле һәм кирәк дип табабыз: Хакның тарафыннан ярдәмнәр үтенеп, сорап вә ялварып, ул гөнаһлы булган фетнәчеләрнең өстенә данлыклы вә жиңүле гаскәребез белән хәрәкәт итүне ният итәбез.

Галәмнәрнең Хужасыннан шуны көтәбез, телибез һәм өметтә торабыз ки, иншаллаһу Тәгалә, изге коралыбыз көче белән ул югарыда телгә алынган зыян итүче, зарар китерүче һәм бозыклыкка сәбәпче булган ярамасларның нык итеп хакларын кайтарабыз, эшләрен тулысынча башкарып, гамәлләренә күрә жәзаларын бирәбез.

Инде шәүкәтле, газәмәтле вә мәхәббәтле дустаныбыз Шаһ Хазрәтләренә дәүләт тәхетте тирәсенә сыенган хөкүмәт әгъзалары, әһле зиммә (һәркайсы дине-диянәте вә мәһәббә белән), һәм фарсы, гажәм, әрмән вә гүржи³ халыкларына һәм башка патшалыклардан килеп, бу вакытта шунда булганнарга, һәм, гомумән, бар халыкка Падишаһанә югары вәгъдә биреп, ул вәгъдәбезне иң югары дәрәжәдә нык итеп раслап вә дөрөсләгенә ышандырып, боерабыз: әлегә жирләрдә яшәгән, ватан тоткан һәм сәфәрдә булганнарга – һичбер кешегә һичбер зыян вә зарар булынмас, жаннарына, малларына вә авыл-шәһәрләренә бер кеше дә кул сузмас. Һәм бу хосуста гаскәр башлыкларыбызга һәм барча гаскәри бүлекләренә жәяүле һәм атлы бүлекчә башлыкларына вә башка житәкчеләргә каты фәрман вә кисәтү боерылды: һичкемгә катгый рәвештә һичнинди рәнжетү вә куркыту

¹ Абздархан – Астрахань.

² Вәли – шәһәр башлыгы, губернатор.

³ Гүржи – грузин.

булынмас, эгәр кем дә кем үз иреге белән шулай кыланса, хөкем ителеп, тиешле жәсасын алып.

Шул шарт белән сез дә торган урыннарыгызда һәм хөкүмәтегез жирләрендә дуслык йөзәннән тик торасыз һәм талауларны уйлап, мал-мөлкәтегезне йортыгыздан тышка чыгармыйсыз, таркатмыйсыз вә туздырмыйсыз, юкса башкача булса, каршы хәрәкәтегезне ишетсәк һәм белсәк, ягъни ул инсафсыз вә күп кыерсытулар күрсәтүче залимнәргә кушылсагыз, яки аларга ачыктан-ачык йә яшерен рәвештә акча белән, яки ашамлык запаслары белән ярдәм итәчәк булсагыз, яки палишаһанә юмарт вәгъдәбезгә тугрылык күрсәтмичә вә ихтирам итмичә йортларыгыздан вә авылларыгыздан чыксагыз, качып китсәгез – зарурийлыктан шул тиеш булып: барыгызны да дошман исәбәндә санап, мәрхәмәтсез рәвештә кылыч вә ут белән өстегезгә барып, үзегез һалак булырсыз, ә мал-мөлкәтегез исә талап алыныр, һәм сез гөнаһларыгыз авырлыгын өстегездә күтәрәп, Кыямәт Көнәндә ул түгелгән кан Хак Тәгаләнең каршында сездән таләп ителенер.

Шушы рәвешчә үк госманлылар дәүләте¹ тарафыннан килеп, ул жирләрдә сәүдә яки башка изге эшләр белән мәшгуль булган кешеләргә моннан элеккеге падишаһи килешүләребез тәртибенчә һәм тагын бу Югары Падишаһи Вәгъдәбез белән дәрәсләп-раслап, хөрмәтле затларына боерабыз вә белдерәбез ки: Безнең гаскәрләребез ул тарафка килеп кергән вакытта усаллык күрсәтмичә, каршылык итмичә сәүдәгездә һәм файдалы эшләрегездә барчагыз да әүвәлгечә мәшгуль булып, тыныч күңел белән торасыз, чөнки сезне һәм малларыгызны саклау вә яклау өчен гаскәр башлаыкларыбызга һәм башка житәкчеләргә буйсынучыларга Падишаһи Фәрманыбыз житкерелеп, каты кисәтү боерылды: госманлы дәүләте тарафыннан килгән сәүдәгәр халкы тыныч күңел белән торсыннар, үзләренә һәм малларына һәрберсенә рәнжетү вә куркыту булмасын, һәм шул рәвешчә Бөек Дәүләтләребез арасындагы солых мәнголлек, йөкләмәләребезнең үтәләше-торышы нык булып, хосусән, якты вәжданыбызга ярашлы рәвештә нык саклануына һәм башка хокукларыбызның үтәләше, иншалаһу Тәгалә, һич өзәлмәячәгенә падишаһи намусыбыз шәһадәт итәр². Һәм шулай ук Бөек Дәүләтләребез тарафыннан дуслыкны саклауның һәм ныклы килешенүнең жиренә житкереләчәгенә шигебез юктыр.

¹ Госманлылар дәүләте – Төркия.

² Шәһадәт итәр – таныклык бирер.

Инде ул Югары Әмер белән бoердым ки: барысы да жентекле һәм тулы чагылдырылган ошбу фәрманым тулы кодрәтем белән хәрәкәткә килсен дип, рәсми кулланылышка вә гамәлгә керсен дип падишаһи мөһерем белән беркеттем. Беркөн Сөзгә килеп ирешер һәм таратылып, «ишетмәдек вә белмәдек» димәгез, шушының белән беләсез, шәриф билгегә ышанасыз. Инде Сөзгә даимән сәламәтлек, иминлек насыйп булсын!

Әждарһа¹ шәһәре, Хазрәте Гайсә елы белән мең жиде йөз егерме икедә, тәммузның² 15 ендә.

Файдаланылган әдәбият

1. Голиков И.И. Деяния Петра Великого. – М., 1838, – Т.9. – 548, VIII с.
2. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 319 с.
3. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. – Изд-е 2-е, испр. и перераб. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 208 с.
4. Каримуллин Ә.Г. Китап дөнъясына сәяхәт. Татар басма сүзе сәхифәләреннән. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 208 б.
5. Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. – М.: Археографический центр, 1996. – 128 с.: ил.
6. Лебедев В. Поход Петра Великого в Персию // Журнал Министерства народного просвещения. – Спб., 1848. – Ч.60. – Отд.2. – С.1–39.
7. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. – Спб., 1862. – Т.II. – 694, XXX с.

¹ Әждарһа – Астрахань шәһәре.

² Тәммуз – июнь ае.

Археологическое Чаллыньское городище в бассейне р. Шумбут по дозорной книге 1619 г. Григория Кузьминского

Изучение проблем средневековой истории Среднего Поволжья затруднено узостью круга источников, малочисленностью письменных свидетельств эпохи. Важнейшим направлением дальнейшего продвижения исследований в этой области видится целенаправленная источниковедческая работа, нацеленная на выявление и введение в научный оборот комплекса новых письменных, археологических и иных источников эпохи средневековья.

В этой связи большой резерв таят в себе материалы писцового делопроизводства XVI–XVII вв. Они являлись своеобразными предшественниками ревизий населения XVIII–XIX вв. Писцовые книги составлялись в целях налогообложения податного населения, фиксации права владения землей. Подобные книги составлялись в результате деятельности особых комиссий, состоявших из писцов и подьячих, которых правительство посылало из Москвы на места. Материалы писцового делопроизводства включают в себя целый ряд их разновидностей: собственно писцовые, переписные, дозорные, отдельные, отказные, оброчные книги, которые имеют свою специфику. Они в совокупности позволяют рассмотреть весьма широкий спектр вопросов отечественной истории эпохи позднего средневековья, начиная с проблем феодального землевладения, землепользования, изучения различных социальных, этносоциальных категорий населения Русского государства XVI–XVII вв. до вопросов исторической географии и демографии, топонимии и антропонимии.

Уже с XIX в. их материалы широко и активно используются исследователями. Существует большое количество литературы, посвященной их характеристике как источника: вопросам их происхождения, достоверности и т.д. В последние годы работа по изданию материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. оживилась.

Сохранилась лишь часть материалов писцового делопроизводства по уездам Среднего Поволжья. Их основной массив в подлинниках, а также более поздних копиях с них (как правило, XVIII в.), хранится в Поместном фонде (Фонде старых вотчинных дел) РГАДА. Несмотря на то, что работа по изучению и изданию материалов писцовых книг Среднего Поволжья XVI–XVII вв. имеет свою 150-летнюю историю, ее итоги пока нельзя признать удовлетворительными. Весьма большой комплекс писцового материала XVI–

XVII вв. по Средневолжскому региону доселе остается неизданным, маловостребованным специалистами. В условиях узости круга источников, малочисленности письменных свидетельств эпохи сей факт представляется неким парадоксом.

К комплексу материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. относится и Дозорная книга 1619 г. дозорщика Григория Кузьминского, зафиксировавшая состояние известного Чаллынского городища в бассейне р. Шумбут в первой четверти XVII в. Она извлечена нами из кн. 153 фонда 1209 РГАДА (лл. 390–396).

Дозорные книги (от слова «дозирать») являлись одной из разновидностей писцового делопроизводства в Русском государстве XVI – первой четверти XVII вв. В отличие от периодически проводившихся писцовых описаний феодальных землевладений в общегосударственном масштабе, они имели локальный характер и по мере необходимости фиксировали промежуточные изменения в хозяйствовании, землевладении и землепользовании различных социальных категорий населения. В этом заключается их характерная особенность.

В целом, досоветская историография дозорных книг изучала их в общем массиве делопроизводства. В конце XIX – начале XX вв., в связи с особым интересом к истории отдельных регионов, материалы дозорных книг широко использовались местными краеведами, составившими историко-краеведческие очерки.

Советские историки смогли расширить возможности использования документов писцового делопроизводства. Они не замыкались только на изучении традиционной для XIX в. проблематики – истории феодального землевладения средневековой России и ее социально-экономического быта. Данная тенденция, особенно усилившаяся в 90-е гг. XX в., стала заметна еще в 70-е гг. Материалы писцовых, дозорных и переписных книг стали использоваться в качестве источника по исторической географии и демографии, по проблемам генеалогии, эволюции типов поселений, развития рентных отношений, налогообложения, истории городов, ремесел и торговли и т.д. Однако по-прежнему дозорными книгами ученые пользуются значительно реже, предпочитая им писцовые и переписные. До сих пор до конца не выяснены вопросы терминологии, достоверности данных этого источника, его характерных отличий от писцовых описаний XVI – XVII вв. и т.д. По проблеме дозоров исследовательские работы с разделением на уездные и городские еще не написаны. Не выяснен порядок работы дозорщиков на местах, участие местного населения и особенности проведения дозоров разными приказами и др.

Из дозорных книг земель бывшего Казанского ханства сохранилось лишь несколько книг по Казанскому уезду конца XVI – первой четверти XVII вв. (1599, 1617, 1621 гг.). Помимо того, имеется много дозоров первой четверти XVII в., описывающих отдельно взятые землевладения. За неопубликованностью, они доныне мало востребованы историками-исследователями.

В архивной описи фонда 1200 РГАДА в перечне писцовых материалов книги 153 конца XVI – первой четверти XVII вв. дозорная книга Григория Кузьминского не значится. Однако она зафиксирована в описи кн. 153, составленной до 1917 г., когда она хранилась в бывшем Московском архиве Министерства юстиции (МАМЮ), как «7127 (1619) г. Подлинная дозорная книга поместных земель служилых татар Ишеи Хозяшева и Килея Монашева в пустоши, что было Чаллыньское городище (по Зюрейской дороге) письма и дозора Григория Кузьминского» на лл. 1349–1354 кн. 153. Упоминание документа имеется в известном труде исследователя XIX в. С.М.Шпилевского «Древние города в Казанской губернии». Также в свое время его материалы к своему исследованию «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)» (М., 1950) привлек известный историк-востоковед Ш.Ф.Мухамедьяров. Сам же документ доселе оставался неопубликованным.

В целом, письменных свидетельств о средневековом Чаллыньском городище в бассейне р. Шумбут очень мало. Они приведены в сборнике «Древние Чаллы» (Казань, 2000), научно-популярных, историко-краеведческих изданиях историка-краеведа Н.Г.Гарифа. Археологические раскопки разных лет позволили прийти к заключению о существовании городища еще с XI–XII вв., т.е. с эпохи Волжской Булгарии. В период же Казанского ханства городище, наряду с такими его крупными центрами как Арск, Алат, Алабуга, являлось центром вассального княжества, сыгравшего заметную роль в политике средневекового государства. В частности, в летописных преданиях говорится о походе казанского хана на рубеже XVI в. на земли непокорного княжества, упоминаются некоторые его правители, которые, возможно, имели какое-либо отношение к ханской династии Гиреев. По одной из гипотез, Чаллыньское городище выступило последним укрепленным оплотом восставшего против завоевания в 1552 г. местного населения. Во всяком случае, хронология существования городища как поселения археологами прерывается серединой 50-х годов XVI в., а именно 1556 г.

7127 г. [1619 г.] 16 июня. Подлинная дозорная книга пустоши, что было Чаллыинское городище (по Зюрейской дороге), письма и дозора Григория Кузьминского

(РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, кн. 153, лл. 390–396)

7127 г. [1619 г. – Р.Г.] июня в 29 день подал в Григорьево место Кузьминского Лука Жолнырев да площадной подьячей Дмитрией Кривочюров пустоши, что бывала Чаллыинское городище.

№ 539 // (л. 390 об.)

[без письма – Р.Г.].....// (л. 391)

Лета 7127 г. [1619 г. – Р.Г.] июня в 16 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказу боярина и воеводы, князя Ивана Михайловича Воротынского да диаков Федора Лихачева, Ивана Васильева ездил Григорей Кузьминской по Зюрейской дороге на пустошь, что бывало Чаллыинское городище, блиско деревни Чаллов для того: В прошлом во 126-м году [в 1618 г. – Р.Г.] июня в 28 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано в Казань к боярину и воеводе, ко князю Володимеру Тимофеевичю Долгорукому с товарищи. Били челом государю казан // (л.391 об.) ские служилые тотаровя Ишей Хозяшев да Килей Монашев, чтоб государь их пожаловал двоих оклады в поместье в Казанском уезде по Зюрейской дороге, что бывало изстари городище Чаллыинское на речке на Чаллыинской вверх Мамы речки по обе стороны. А та де пустошь тотарская изстари, от казанского взятья лежит впусте. В поместье и на ясак не отдана никому. А пашни де на ней будет на двести чети. А в ясачных хлебных книгах написано прошлого 121 году [1612/13 г. – Р.Г.]: Дана грамота Зюрейские дороги, деревни Чаллов чювашенину Сатышу Урузову. А велено ему жити по той же Зюрейской // (л. 392) дороге на пустоши, что конец деревни Чаллов, на целом ясаку. И служилые тотаровя Ишей Хозяшев да Килей Монашев сказали, что тот Сатыш живет на той же пустоши. А земли за ним порожние сверх де ево дачи много. А Григорей, приехав на ту пустошь, взяв с собою тутошних и сторонних всяких людей-старожильцов, деревни Шигизды Сатлыгана Байгильдеева, Тлевберду Бегишова, деревни Пимер Тюнека Баксубина, деревни Налгози Теника Насырева, Кучюка Мамышева, деревни Мосляк Кебеша Шикземалова, Биюрмана Янгизиги // (392 об.) това, Ишкильду Мамезерева, Байтемира Псева, Каипперду Качкенева, деревни Биюрт Чюраша Шихназимова, Емикей Кадышева, деревни Верхних Чаллов Тагая

Тохтамышева, Бокаша Шихназимова, Янкшея Тевкелева, Тонная Тохташева, Урусая Нагайчюрина, деревни Новые Чаллы Нижние Чютея Косарова, Чюраша Сююндюкова, Бекбулата Бегишова, деревни Нижних Чаллов старосту Тавгения Тлевлеева, Карабая Байсарина, Батмана Кадышева, Бурнаша Кулбакшандина, Тохтамыша Урузова, До // (л.393) сая Кулбакшеева, Кунтугана Тлевшеева, Менглиша Баукеева, Аметека Дылеева, Теребердея Ураздыева, Иштюлетя Девлезерева, Ишея Кулбакшина, и теми людьми про тое пустошь, что бывало изстари городище Чаллынское на речке на Чаллынской вверх Мамит речки, изстари тотарское бывало, и от казанского взятъя впусе лежит, и к государевым дворцовым селам и к монастырским вотчинам и к ясачным землям не приписана ли. И в с[к]аску сказали чюваша деревни Шизды // (л.393 об.) Сатлыган с товарищи, кои в сех книгах имяны написаны, по своей вере по шерти: Исстари де то Чаллынское городище лежит впусе, от казанского взятъя, и не владеет им никто. И к государевым дворцовым селам и к монастырским вотчинам и к ясачным землям не прилегла. Подошла блиско Нижних Чаллов деревни. К той деревне Нижней Чалле не приписана и на ясак не отдана никому. А пашут де тое пустошь Нижних Чаллов деревни чюваша – староста Тавгень с товарищи. А грамоты на тое Чаллынскую пустошь у них нет. И Гри// (л.394) горей с теми ж сторонними людьми пустоши смечали накрепко – сколько на той пустоши по смете паш[ни] паханые и перелогу и дикого поля и сена и рыбных ловель и всяких угодей.

И по дозору и по смете на том Чаллынском городище пашни паханые по дватцати чети в поле, а в дву потому ж, да перелогу на двести чети да зарослей и дубров пашенных на сто на пятьдесят чети во всех трех полях. Сена на речке на Чаллынской и вверх Мамит речки и по дубровам на пятьсот копен. А иных никаких угодей и рыбных ловель нет. Лесу непашенново по смете // (л. 394 об.) в длину на четыре версты, а поперег на две версты.

А чювашенин Сатыш Урузов живет на целом ясаке деревни Чаллов, не на той Чаллынской пустоши за речкою за Мамитом.

З[н]амена сторонних людей:

Знамя Са тлыганово

Знамя Атесево

Знамя Тлевбердино

Знамя Кучюково // (л.395)

Знамя Кебешево

Знамя Чю рашево

Зна мя Биурганово

Зна мя Емекеево

Знамя Кош кельдино
 Знамя Байтемирево
 Зна мя Каиппердыево
 Знамя Урусаево
 Зна мя Тютеево
 Зна мя Тогонаево
 Зна мя Батманово
 Знамя Кунтуганово

Знамя То гаево
 Знамя Бокашево
 Знамя Янкшеево //(л.395 об.)
 Знамя Бурнашево
 Знамя Ишеево
 Знамя Тохтамышево
 Зна мя Досаево //(л.396)
 Знамя Аметеково

И.К.Загидуллин

Правовые основы перехода крещеных татар в ислам в начале XX в.*

Царский указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. ознаменовал собой новую эпоху межконфессиональных отношений в России. Впервые в истории империи было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания¹.

Открыто разрешался переход из православия в ислам номинальных христиан, лишь числящихся православными, а в действительности исповедующих ислам, к которому до крещения принадлежали они сами или их предки (ст.3). Правда, закон от 17 апреля 1905 г. не запрещал переход из христианства в нехристианскую религию или в язычество, но и не разрешал его. По мнению Комитета Министров, прямое разрешение принятия православными нехристианских исповеданий не соответствовало бы глубокому сознанию истинности высоких начал, лежащих в основе христианской веры, и едва ли вызывается надобностью, в виду несомненной исключительности подобных случаев.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (№09–01–29112а/В/2009).

¹ Высочайше утвержденное, 17-го апреля 1905 г., положение Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости // О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. Издание неофициальное. – М., 1905. – С.7.

Статья 3 закона от 17 апреля 1905 г. указом Сената от 2 июня 1906 г. была распространена и на лиц, желающих вернуться в ислам или другую нехристианскую конфессию из инославных вероисповеданий, а Министерством внутренних дел – на лиц, желающих перейти из христианства в язычество¹. Как видно, коренные народы Среднего Поволжья официально получили возможность возвращения в веру своих предков-язычников с опозданием более чем на год.

В законе от 17 апреля 1905 г. не предусматривалась возможность перехода из одного нехристианского исповедания в другое вероисповедание. Продолжало сохранять юридическую силу «высочайшее» повеление от 2 августа 1854 г., принятое как ответ на обращение обер-прокурора Синода по поводу предпочтения в Оренбургском крае язычниками, проживающими «между татарами», мусульманства, согласно которому предписывалось местной администрации принять самые деятельные меры для ограждения язычников от перехода в ислам. Это положение было отменено 2 апреля 1905 г. «всеподданнейше» утвержденным докладом министра внутренних дел в согласии с пунктом 6 именного указа 12 декабря 1904 г., как не основанное прямо на законе административное распоряжение, стесняющее свободу вероисповедания².

Объявление манифестом 17 октября 1905 г. о свободе совести в российских реалиях отнюдь не соответствовало подлинному значению этого понятия. В частности, за венчание в 1909 г. девицы из д.Яньль Прасковьи Егоровой с татаринцом д.Адаево Малмыжского уезда Вятской губернии Халиуллой Ибрагимовым в административном порядке был уволен 8 марта 1912 г. с должности местный мулла Хуснутдин Хисамутдинов³. Основанием для таких действий послужила ст.1564 «Уложения о наказаниях», согласно которой лица православного исповедания за вступление в брак с нехристианами, если они не обратятся в христианство, подлежат привлечению к уголовной ответственности. Согласно ст.1014 «Устава уголовного судопроизводства», дела о воспреещении браков христиан с нехристианами поступают к уголовному суду, по окончании над ними суда духовного.

¹ Справка о свободе совести. – СПб.: Типогр. Министерства внутренних дел, 1906. – С.5.

² Справка о свободе совести. – СПб.: Типогр. Министерства внутренних дел, 1906. – С.6–7.

³ НА РТ, ф.4, оп.1, д.131898, л.2–2 об.

Ликование, вызванное известием о законе от 17 апреля 1905 г., вскоре сменилось разочарованием народных масс. Дело в том, что и в этой сфере власть не успевала адекватно реагировать на обновление общественной жизни в стране: существенным опозданием был разработан механизм перехода из одной конфессии в другую.

Трое возвратившихся в ислам крещеных татар из д.Больших Савруш Казанской губернии обратились в местную администрацию с просьбой о выдаче в волостных правлениях паспортов с указанием их мусульманских имен и фамилий. (Постановлением губернского правления от 25 июня 1898 г. эта группа этноконфессионального населения показывалась в посемейных списках волостных правлений с православными именами)¹. Без соответствующего распоряжения из столицы местные власти не могли предпринимать каких-либо решений. Во избежание «нежелательных последствий» казанский губернатор 10 мая 1905 г. обратился в Министерство внутренних дел с просьбой оперативно разъяснить порядок причисления в ислам «отпавших» в ислам и тем самым разрешить возникшие затруднения, связанные с причислением их к махаллям и открытым исполнением мусульманских обрядов².

Свой «вклад» на осложнение ситуации внесло и Оренбургское магометанское духовное собрание, которое в ответ на обращения ахуна г.Буинска Симбирской губернии Нургалия Хасанова и имамов д.Сунчалеевой Цивильского уезда и д.Адав Тулумбаевой разрешило совершать браки и другие «требы» у мусульман, «именуемых отпавшими», и записывать их в метрические книги³. Это известие мгновенно распространилось по Среднему Поволжью, давая почву к более активным действиям возвратившихся в ислам крещеных татар. Между тем затянувшаяся разработка механизма смены вероисповедания вызвала у членов Духовного собрания сомнения о правомерности своего поступка. Поэтому религиозное управление 6 июля 1905 г. сообщило в Министерство внутренних дел, что в случае действительного превышения им полномочий, отменить данное распоряжение⁴.

В конце мая 1905 г. Министерство внутренних дел обратилось в Комитет Министров с предложением, установить временные правила для перехода из православия в другие вероисповедания до зако-

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.6.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.3–3 об.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.2.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.2–2 об.

нодательного решения вопроса. В результате Министерству внутренних дел был поручен разработка временных правил, получивших силу закона 25 июня 1905 г. На их основе министр внутренних дел А.Г.Булыгин циркуляром от 18 августа 1905 г. за №4628 довел до сведения губернаторов порядок перехода из одного вероисповедания в другое. Желаящие перейти из православия в другое вероисповедание обращались с заявлениями в губернскую администрацию. Губернатор должен был удостовериться: действительно ли проситель и его предки принадлежали к исламу. В случае затруднительности установить в точности данное обстоятельство, администрация обязана была ограничиться проверкой, действительно ли заявитель до издания указа от 17 апреля 1905 г. уклонялся от исполнения обрядов православной веры (не бывал на исповеди и т.д.). После подтверждения этих фактов губернатор сообщал епархиальному начальству для зависящих распоряжений свое решение об исключении заявителя из православных метрических книг¹.

За Русской православной церковью сохранялось неотъемлемое право всеми законными средствами содействовать переходу в православие и оказывать духовное воздействие на «отпадающих» и «отпавших», удерживать их в прежней вере или возвращать в православие. Местная администрация должна была оказывать православному духовенству в этом «полное содействие» и наблюдать, чтобы «лицам, отпавшим от православия, но желающим вернуться к нему, не оказывалось в том со стороны иноверцев препятствий и стеснений». Также было уточнено об установлении временного промежутка между подачей заявления и окончательным присоединением просителя к избранной им религии, чтобы дать возможность православному духовенству увещевать «отпадающего» и проверить, соответствуют ли лица, желающие быть исключенными из православия, указанным в п.3 указа 17 апреля 1905 г. условиям. Получалось, что губернатор мог сообщать духовной власти об исключении просителя от церковных списков после получения от нее заключения, что заявитель или его предки уже являются мусульманами. В случае, если проситель был зафиксирован в приходских документах, то он не мог быть отлучен от церкви.

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л. 5.

Синод 30 января 1906 г. предписал архиереям предпринять меры к укреплению православия в «инородческих епархиях» Восточной России и «улучшению постановки вообще миссионерского дела»¹.

В декабре 1905 г. Оренбургское магометанское духовное собрание, со своей стороны, подготовило наставление мусульманскому духовенству на татарском языке с разъяснением положений царского манифеста от 17 апреля 1905 г., его текст был направлен в канцелярию казанского губернатора для печатания. Начальника губернии смутил в тексте предложение о том, что на основании дарованной императором свободы совести «христиане, если пожелают, могут перейти в ислам». Казанский губернатор запретил печатать полученный из Уфы текст, заявив, что пока в России действуют прежние законы². О своем поступке он 9 января 1906 г. доложил Министерству внутренних дел, которое, в свою очередь, 7 февраля 1906 г. довел до сведения оренбургского муфтия М.Султанова это замечание³.

Благодаря предусмотрительности ОМДС и его циркуляра от 12 сентября 1905 г. за №5017 в заявлении о переходе в ислам «отпавшие» стали указывать конкретную махаллю, фамилию имама той мечети и к нему прилагали поименный список членов всех семей с указанием из возраста. По сути с момента официального перехода практически все отпавшие оказывались в религиозно-административном плане членами действующей махалли.

22 марта 1906 г. Министерство внутренних дел предписало, что согласно 4 п. циркуляра от 18 августа 1905 г., решение вопроса об исключении из православной веры зависит от губернатора, а не от духовной власти⁴. Принятие такого решения означало причисление их к мусульманам⁵. Новое правило разрядило напряженную ситуацию в местностях.

Циркуляр министра внутренних дел П.А.Столыпина от 5 ноября 1907 г. за №6428 внес существенное дополнение вышеназванному подзаконному акту. С учетом участившихся случаев отказа духовной власти по каноническим мотивам в принятии в исповедуемую ранее ими нехристианскую веру лиц, уже исключенные их православных

¹ НА РТ, ф.4, оп.1, д.121818, л.5 об.–6.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.12.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.17.

⁴ Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород: издательский дом «Медина», 2007. – С.210–211.

⁵ Кобзев А.В. Указ. соч. – С.211..

метрических списков, было предписано новое правило. До предварительного сообщения православному епархиальному руководству об исключении отпадающего лица из православных метрических списков губернаторы обязаны были получить от духовной власти согласие на принятие данного лица обратно в исповедуемую им ранее нехристианскую веру¹. Теперь губернаторы стали обращаться в Оренбургское магометанское духовное собрание за таким согласием, что сделало его решение первичным.

Таким образом, с момента объявления указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и до официального утверждения порядка открепления от православия и приписки к другой неправославной конфессии прошло более 2,5 лет. Лишь после оглашения циркуляра Министерства внутренних дел от 5 ноября 1907 г. практически все ограничения для желающих поменять вероисповедание были сняты, возможное осложнение вопроса могло произойти лишь вследствие принципиальной позиции местных духовной консистории и архиерея.

И.К.Загидуллин

Из социокультурной жизни татар г.Петропавловска (вторая половина XVIII – начало XX вв.)

В середине XVIII в., благодаря правительственной конъюнктуре, татары Среднего Поволжья оказались востребованными для налаживания и развития торгово-хозяйственных отношений с казахами и среднеазиатскими государствами. Это обстоятельство на целый век определило вектор направления развития татарского капитала, а также особенности урбанизационных процессов татар. При крепостях и других военных укреплениях на юго-востоке империи появились татарские слободы, превратившиеся за короткий период в города (в социально-экономическом отношении) российских окраин, где русское население первоначально было представлено главным образом регулярными войсками, чиновниками и казаками. Специфика урбанизации в данном регионе, помимо военно-стратегического «налета», предусматривавшего возведение крепостей-городов, заключа-

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.17.

лась в низкой плотности заселения, малочисленности русских и преобладании тюркского населения – казахов-кочевников, носителей «степного ислама». Именно поэтому урбанизационные процессы на окраине не вызвали существенных преобразований среди мусульман, имевших место во внутренних губерниях России. Вчерашние татарские крестьяне Среднего Поволжья уже в качестве предпринимателей и гильдейского купечества, как и бухарцы, стали постоянным и заметным элементом российских ярмарок. Волею судьбы на казахско-российском приграничье татары оказались в привилегированном положении.

В данной статье на основе архивных материалов мы рассмотрим основные вехи становления и развития татарской общины Петропавловска, одного из крупных городов Сибири.

Петропавловская крепость была заложена в 1752 г. От нее до Омска в одну сторону и до Оренбурга в другую сторону была построена Ново-Ишимская военная линия (1752–1755 гг.), состоявшая из 33 редутов и 42 пикетов и получившая название «Горькой линии»¹.

Первоначально в Петропавловске производилась торговля только с Западным Китаем, Кокандом и Бухарой. В XVIII в. в Западной Сибири бухарским купцам, имевшим торговые связи не только со Средней Азией, но и с Китаем, было разрешено ведение коммерческих операций на исключительно выгодных условиях, беспошлинная торговля разрешалась во всех крепостях региона². Осевшие в России среднеазиатские купцы расселялись в Оренбурге, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Тобольске, Таре, Тюмени и других городах Сибири³.

После принятия в 1757 г. ханом Среднего жуза Аблаем китайского подданства, самодержавие использовало все меры для сохранения и усиления своего влияния в степи. В противовес укрепляющимся торговым связям казахов с маньчжурскими феодалами и «для приласкания и удержания киргизцев при наших границах» указом от

¹ Дубицкий А. Акмола – город славный. Исторический очерк. – Акмолинск, 1959. – С.13.

² Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.) / Р.М.Кабо. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1949. – С.70, 71, 185–186.

³ Галиев В.З. Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX веков) / В.З. Галиев. – Алматы: Атамур, 1994. – С.24; Кабо Р.М. Указ. соч. – С.175.

22 декабря 1759 г. в Петропавловске был открыт меновой двор «со степными народами»¹. Об открытии торгового двора просили также казахи².

Меновые дворы, устроенные в ряде пограничных городов и крепостях, стали центрами торговли с казахами и среднеазиатскими купцами. Для казахов Большого жуза в географическом плане удобным местом торговли являлись крепости Троицк, Петропавловск, Омск, Усть-Каменогорск и Семиреченск³.

Во второй половине XVIII в. в Петропавловский меновой двор съезжались тобольские, тарские, томские, казанские, бухарские и ташкентские купцы⁴. Пребывали и обустроивались здесь татары из Казанской, Симбирской, Нижегородской и других губерний⁵. Часть из них проживала временно в качестве приказчиков, хозяйственных работников купцов в период менового торгового двора.

В 1782 г. императрица Екатерины II предписала построить мечеть за счет казны при меновых дворах Оренбурга, Троицка, Петропавловска и при крепости Верхне-Уральск. Мечеть при Петропавловской крепости была возведена подрядным способом в рамках данного «высочайшего» указа.

В Петропавловске казенная мечеть (1795) оказалась первым кирпичным зданием. После удара в нее молнии появились трещины, по этой причине мусульманская община отказалась от дальнейшего использования культового здания. Вместо этого мусульмане построили за свой счет три деревянные мечети в фортштадте, а полуразрушенное каменное здание за Меновым двором было разобрано в начале 1820-х гг. Повторно вопрос о строительстве мечети в Петро-

¹ Туманкин К.М. Основание и развитие Петропавловска и его уезда во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / К.М. Туманкин // УЗКГПИ. – Т. VI. – Вып. исторический. – Кустанай, 1960. – С. 44; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. / Н.Г. Аполлова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С.322.

² Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – С.318–319.

³ Аполлова Н.Г. Присоединение Младшего жуза к России в 30-х годах XVIII века / Н.Г. Аполлова // Известия Академии наук Казахской ССР. – № 4. – Серия историческая. – Вып.4. – С.71.

⁴ Смирнов А. Куяндинская ярмарка. (Ее возникновение, история развития и обороты) / А. Смирнов. – Семипалатинск: Тип. пром. кооп. т-ва «Интернационал», 1924. – С.51.

⁵ Татары на Севере Казахстана (История и современность). – Петропавловск, 2004. – С.26.

павловске за казенный счет был поднят в 1811 г., но по различным причинам данной инициативе не суждено было сбыться¹.

В 1807 г. Петропавловск получил статус города². В рамках проводимых административных реформ в регионе заштатный город стал центром округа Омской области (1824), и уездным центром Акмолинской области (1886)³.

«Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. «главными торговыми местами» в Сибири объявлялись города Петропавловск и Семипалатинск⁴. Правительство, заинтересованное в расширении торговли в степи, предоставило в 1828 г. купцам Омска, Петропавловска, Семипалатинска и Усть-Каменогорска возможность вести во внешних казахских округах, помимо оптовой, розничную торговлю даже без получения торгового свидетельства. В 1831 г. для поощрения торговли на «Сибирской линии» были отменены пошлины на торговые операции с салом и кожей. В 1835 г. разрешен беспошлинный ввоз в степь хлеба и земледельческих орудий⁵.

В 1839 г. Сенат, желая содействовать повышению благосостояния жителей Петропавловска Тобольской губернии, предоставил купцам и мещанам на пять лет ряд льгот⁶.

В 1845 г. купцы получили право ездить в степь и производить там меновую торговлю. Эти меры способствовали расширению торгов и увеличению торговых оборотов России с казахами⁷.

После пожара 1849 г. новый гостиный двор в Петропавловске был возведен на горе, здесь в конце 1850-х гг. насчитывалось 147 лавок¹.

¹ Данилов Д.Л. Из истории строительства Омской мечети / Д.Л. Данилов // Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное население народов Западной Сибири» (9–10 декабря 2002 г., г.Тобольск). – Тобольск, 2004. – С.165.

² Туманкин К.М. Указ. соч. – С.61.

³ Давлеткильдеева Р.Г. Город и его люди / Р.Г. Давлеткильдеева // Тартары на севере Казахстана (История и современность). – Петропавловск, 2004. – С.47.

⁴ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской революции) / Сост. М.Г. Масевич. – Т.1. – Алма-Ата. ССР, 1960. – Параграф 202. – С.13.

⁵ Туманкин К.М. Указ. соч. – С.53, 63.

⁶ Хронологический реестр постановлений, напечатанных во II отделении собрания указов Правительствующего Сената в течение 1-й половины 1839 года. – №8.

⁷ Туманкин К.М. Указ. соч. – С.53.

Из Петропавловска начинались два караванных пути. 1) Петропавловск – Ташкент, Коканд и Бухара (путь проходил через Амолинский приказ); 2) Петропавловк – Кульджа (через Баян-Аул, Каркалы, Аягуз и Копал)².

При Петропавловском меновом дворе располагалась таможня. В 1820 г. сюда было пригнано из казахской степи разного скота 70 тыс. голов, а в начале 1860-х гг. – ежегодно до 100 тыс. голов рогатого скота и почти до 1 млн. баранов³. Скупщики скота пригоняли их на север, в Петропавловке и Троицке осенью производился убой скота⁴.

В 1858 г. в Петропавловский меновой двор прибыло 346 среднеазиатских купцов с караванами⁵.

Основным занятием проживающих здесь татар являлась торговля с казахской степью и среднеазиатскими ханствами⁶. Сбыт казахам российских и европейских товаров осуществлялся преимущественно и деятельными татарскими купцами. Современники констатировали, что общность языка и религии у татар с казахами давала им преимущество перед конкурентами. Торговля между татарами и казахами шла, главным образом, меновая⁷.

В конце XIX в. животноводческое сырье отправлялось из степи, главным образом, в Петропавловск в «складной пункт первой степени».

При меновых дворах формировались мусульманские общины из постоянно проживающих татар и «азиатцев». Среди «лиц с солидными торговыми оборотами» в Петропавловске в первой трети XIX в. источники называют 2-й гильдии купцов С. и Т. Максютых и А. Усманова, производивших торговлю на «заграничной стороне и в российских пределах» на сотни тыс. руб. и державших в руках всю внешнюю торговлю. Проживали они в городе уже давно (С.Мак-

¹ Туманкин К.М. Указ. соч. – С.75.

² Киргизская степь сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область // ЖМВД. – 1854. – Август. – С.28.

³ Завилишин И. Описание Западной Сибири. – Т.3 / И. Завилишин. – М.: Университет. типогр., 1867. – С.57.

⁴ Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью (соч. К.Гаге и Г.Тегнера). Перевод с немецкого // Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. IV. – Омск, 1882. – С.16.

⁵ Туманкин К.М. Указ. соч. – С.72.

⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.1158, л.2 об.

⁷ Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью. – С.16.

сютов – с 1800 г.)¹. В 1850 г. городское хозяйственное управление зарегистрировало четырех купцов 2-й гильдии (среди них И.Баязитов) и 65 предпринимателей 3-й гильдии. По числу гильдейских купцов среди городов Западной Сибири Петропавловск занимал второе место после Тюмени². Большинству предпринимателям специальных свидетельств для ведения торговых операций в степи по большому счету и не требовалось.

В 1850 г. Ч.Валиханов писал: «Русские татары привозят сюда низкие сорта красного сукна, верверету, нанки, саржи, ситцу и миткаля низшей доброты, соображаясь их вкусом. Железные и чугунные вещи и котлы, привозимые ими, имеют большую ценность. Все привозимое выменивают они на баранов, быков, на кожу и на разные меха... При мене на долг на баранов бывают условия. Если торговец осенью отдает что-нибудь на барашка, то барашек получается весной бараном. 12 бараньих кож считают за одного барана. Лисий мех берут за барана, куницу – за два барана; два козленка (серкечь) равняется одному барану, а 6 баранов выменивается за быка. Татары эти приезжают из Семипалатинска и Петропавловска в Орду на зиму и летом собирают все с ростом, т.е. как сказано выше, барашков – баранами, козлят – козлами. В торговле баран принимается за 1 р. сер., барашек за 50 коп. сер. ... Как кашкарские торговцы, так и наши татары, снабжая дикокаменных киргизов необходимыми в домашнем употреблении вещами и платьем, имеют при настоящем отчуждении самого народа от торговли большую выгоду. Сами же дикокаменные киргизы решительно никакой торговли не предпринимают и даже для сбыта в Китай оленьих рогов употребляют тех же татар-торговцев»³. В начале XX в. татары сохраняли в своих руках торговлю в казахской степи скотом, кожей, продуктами животноводства.

В 1864 г. в Петропавловке были зарегистрированы и вели коммерческие операции 1-й гильдии купцы Хасан Муратов, Ибетулла Баязитов, Негматулла Биктагиров, 2-й гильдии купцы Абдуллах Акчурун, Мустафа Девлеткильдеев, Хамза Сутюшев, Хамид Бакметов, Шагиахмет Ибрагимов, Касимхан Ялымов, Хасан Сутюшев. Мухаметгалим Максюмов, Сайфутдин Мусинов, Ахмеджан Ермаков, Сапкул Мамкин, Сайфутдин Муратов, Тимергали Салимов, Габии-

¹ Гуманкин К.М. Указ. соч. – С.54, 55.

² Гуманкин К.М. Указ. соч. – С.68.

³ Валиханов Ч.Ч. Записка о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5 т. – Т.1. – С.328, 329.

дулла Абсалямов, Абдулвали Абдулвагапов, Дамизян Муратов, Мухаматвали Саматов, Ибрагим Макситов, Юсуф Шакиров, Мухаметижан Макситов, Фахретдин Нагиев и многие другие¹. В городе существовало автономное татарское купеческое общество со своей старостой.

В XIX в. татарские торговцы стали складывать капитал на предприятия, перерабатывающие животноводческую продукцию, обзавелись магазинами².

В начале XX в. меновый двор еще действовал. Однако с усилением процесса колонизации казахских степей, приведшей к ограничению кочевий, роль меновых дворов стала снижаться, большое значение приобрели внутренние степные ярмарки. В Акмолинской области значительными товарооборотами выделялась осенняя (с 20 ноября) ярмарка в г. Петропавловске, продолжающаяся целый месяц³.

Первыми поселенцами Петропавловской крепости из числа гражданских лиц мусульман стали торговцы, проводившие здесь свои торговые операции в меновом дворе. Мусульманская община Петропавловска было основана предпринимателями из числа татар и «азиатцев». После строительства укрепленной линии в регионе появились татарские селения Становое, Мамлютка, Покровка⁴.

В 1855 г. умма Петропавловска была представлена 685 оседлыми душами м.п. и временно проживающими до 1200 человек⁵.

Метрические сведения позволяют проследить происходившие демографические процессы в городской мусульманской общине (см. Табл. №1).

«Азиатские» мусульмане, как иностранцы, имели в Петропавловске свои автономные религиозные исламские институты и не подчинялись ОМДС. В 1860-е гг. казахи были выведены из ведения ОМДС. Численность казахов в Петропавловске стала расти лишь в конце XIX в. Поэтому можно смело утверждать, что в метрических книгах, поступавших в Уфу, зафиксирован естественный прирост, прежде всего, татарского населения.

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, лл.107–110.

² Золотилина-Нурмухамедова Р.М. Татары Петропавловска. Историческая справка / Р.М.Золотилина-Нурмухамедова // Татары на севере Казахстана (История и современность). – Петропавловск, 2004. – С.37.

³ Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле / И.Канделаки. – СПб., 1914. – С.26–27, 59–60.

⁴ Золотилина-Нурмухамедова Р.М. Указ. соч. – С.37.

⁵ РГИА, ф.1265, оп.4, 1855 г., д.40, лл.1–4.

**Динамика численности новорожденных, умерших, браком
сочетавшихся и разведенных среди татар-мусульман г.Петропавловска
во второй половине XIX в. и начале XX в.¹**

Годы	Новорожденные			Бра- ки	Раз- воды	Умершие		
	м. п.	ж.п.	об. пола			м.п.	ж.п.	об. пола
1857	76	76	152	67	11	44	52	96
1858	77	60	137	38	7	30	34	64
1865	81	58	139	93	15	96	55	151
1866	57	57	114	87	18	62	36	98
1900	175	163	328	102	24	140	129	26
1901	174	158	332	98	23	155	169	324
1902	179	153	332	90	25	148	128	276
1903	171	152	323	128	28	133	100	233
1904	182	178	360	110	18	189	176	365
1905	161	167	328	89	22	121	131	252
1906	200	179	379	125	25	194	154	348

В 1858 г. в татарских семьях родились 77 мальчиков и девочек, они отпраздновали 38 бракосочетаний, произошло 7 разводов, умерло 30 мужчин и 34 женщины². В 1865 г. численность татар увеличилась за счет 81 новорожденного мальчика и 58 девочек, уменьшилось вследствие смерти 96 мужчин и 55 женщин, в том же году браком сочетались 96 пар и успели развестись 15 пар³. В 1866 г. приходские имамы совершили имянаречение 57 новорожденным мальчикам и 67 девочкам, зарегистрировали 18 разводов, совершили 87 обрядов бракосочетания, погребения над 62 умершими мужчинами и 36 женщинами⁴.

Спустя четыре десятилетия в демографических процессах отчетливо проявились некоторые изменения (см. Табл. №2).

Согласно сведениям таблиц №1 и №2, в 1850–1860-е гг. соотношение ежегодно заключаемых браков и происходивших разводов составляло 5,6:1, а в 1900–1906 гг. – 4,5:1. Это означает увеличение

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.1095, л.6 об.; д.1096, л.6 об.; д.1125, л.5 об.; д.1145, лл.2 об., 7, 12, 16 об., 21, 26, 30 об.

² РГИА, ф.821, оп.6, д.1098, л.6 об.

³ РГИА, ф.821 оп.8, д.1125, л.5 об.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.1128, л.5.

разводов среди мусульман. Соотношение численности родившихся и умерших в 1850–1860-е гг. (1,33:1), в 1900–1906 г. (1,16:1) свидетельствует о том, что происходило увеличение численности умерших. Соотношение умерших мужчин и женщин в 50–60-е гг. XIX в. составляло 1,31:1, в 1900–1906 гг. – 1,1:1.

Таблица №2

**Среднестатистическая рождаемость, смертность,
бракосочетания и разводы среди мусульман г.Петропавловска
во второй половине XIX в. и начале XX в.¹**

Годы	Новорожденные			Браки	Раз- воды	Умершие		
	м.п.	ж.п.	об. пола			м.п.	ж.п.	об. пола
1857, 1858, 1865, 1866	72,75	62,75	15,5	71,25	12,75	58	44,25	102,25
1900– 1906	177,43	164,29	341,71	106	23,57	154,29	141	295,29
Еже- годный при- рост, в %	243,89	261,82	252,19	148,77	184,86	226,0	318,64	288,79

После присоединения Средней Азии к России в степных областях кардинально изменилась геополитическая ситуация, началось строительство железных дорог, которые трансформировали направления и динамику торгово-хозяйственных связей в степи, активизировалась переселенческая политика правительства, направлявшая в регион миграционные потоки, в целом наблюдалась интеграция окраин в общеимперскую хозяйственную кооперацию, усилилась конкуренция между торговцами различных конфессий.

Изменения экономической конъюнктуры, во многом обусловленные внутривосточным курсом правительства, отразились в конце XIX в. в демографических процессах: в местной мусульманской общине уменьшилась численность «азиатцев» и происходило постепенное увеличение численности казахов, что было четко зафиксировано в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.1095, л.6 об.; д.1096, л.6 об.; д.1125, л.5 об.; д.1145, лл.2 об., 7, 12, 16 об., 21, 26, 30 об. Подсчитано автором.

В 1897 г. в Петропавловске насчитывалось 19688 жителей, среди которых мусульмане составляли 43,6%. В этническом плане большинство принадлежало татарам – 6087 душ обоего пола (31%, или 2999 мужчин и 3088 женщин). Вторая группа мусульман была представлена казахами – 2184 человек (1247 мужчин и 934 женщины). Практически равная численность мужчин и женщин среди татар свидетельствует о расселении здесь оседлого городского населения. Среди казахов на 1/3 преобладали мужчины, значит, часть из них являлась временными жителями. Из числа иностранных подданных в мусульманской общине были зафиксированы 19 бухарцев (в том числе 11 мужчин) и 4 перса (из них 2 мужчин)¹.

Численность мусульман к 1910 г. достигло 11355 человек, однако их удельный вес в составе горожан уменьшился и составил 29,9%. Татары составляли 9589 человек или 25,2% жителей.

В 1912 г. в городе проживало 13226 мусульман, в том числе 1143 татар, 115 башкир, 1460 казахов, 198 представителей других народностей².

В архивных источниках сведения о татарской общине зафиксированы и в связи с благоустройством городского поселения по генеральному плану. В 1849 г. в Петропавловске случился большой пожар, сгорело две трети города. Купеческое и мещанское общества постановили о планировании города на горе³.

В 1859 г., когда выяснилось, что мусульманское кладбище Петропавловска по «высочайше» утвержденному плану поселения должно остаться на территории будущего городского сада, доверенный общины – служилый татарин из Вятской губернии Сулейман Кулаков – обратился в Главное управление Западно-Сибирского края, с тем, чтобы обвести эту территорию забором и разрешить в эту часть парка входить и гулять только мусульманам. Деликатный вопрос был с вниманием воспринят Вторым Сибирским комитетом в Санкт-Петербурге: император Александр II удовлетворил 22 декабря 1860 г. прошение мусульман⁴.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXI. Акмолинская область. – СПб.: Центральная типо-литогр. М.Я.Минькова, 1904. – С.48–51.

² РГИА, ф.821, оп.133, д.574, л.132 об.

³ Туманкин К.М. Указ. соч. – С.75.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.1158, лл.2–8.

В 1855 г. мусульмане города получили разрешение на возведение новой мечети, вместо сгоревшей в 1849 г.¹ Спустя два года положительно решилось и ходатайство торгующих «азиатцев» – бухарцев, ташкентцев, кокандцев – о постройке рядом с действующей татарской мечетью третьего по счету в городе (после пожара) исламского культового здания².

В 1858 г. в Петропавловске из 1149 зданий только 29 были каменные³. Генерал-губернатор Западной Сибири охарактеризовал в 1859 г. торговцев-татар Петропавловска как состоятельных лиц, «украшающих... город каменными постройками хорошей отделки»⁴.

Представитель комиссии, учрежденной для подготовки административной реформы в казахской степи, полковник А.К.Гейнс, впервые посетив в 1865 г. Петропавловск записал в своем дневнике свои впечатления: «Город издалека кажется очень красивым. Красивый собор и несколько мечетей смело рисовались на чистом небе»⁵.

В 1860-е гг. ахуном города состоял Искандер Максютлов⁶.

Большим авторитетом среди мусульманского населения и властей пользовался Габдулбари Габбасович Яушев. В 1852 г. он стал имамом-хатибом 2-й мечети в подгорной части города, а в 1858 г. был утвержден старшим ахуном Тобольский губернии.

Примечательно, что после смерти оренбургского муфтия Габдулвахита Сулейманова татарские купцы Петропавловска общественным приговором от 15 января 1864 г. рекомендовали старшего ахуна городской подгорной мечети «из рода князей» Габдулбария Яушева в список кандидатов для баллотирования на должность муфтия. Общественный приговор⁷ подписали 1-й гильдии купцы Хасан Юсупович Муратов, Ибетулла Баязитов, Негматулла Биктамиров,

¹ РГИА, ф.1265, оп.4, 1855 г., д.40, лл.1–4.

² РГИА, ф.1265, оп.4, 1857 г., д.21, лл.1–4.

³ Малышева М.П. Города Западной Сибири в описаниях Ф.Тышкова (конец 50-х – начало 60-х годов XIX в. / М.П.Малышева // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. – Новосибирск, 1981. – С.27.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.1158, л.2 об.

⁵ Гейнс А.К. Дневник 1865 года путешествия по киргизским степям / А.К. Гейнс // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. – СПб., 1897. – С.216.

⁶ ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.3, д.4787, л.9 об.

⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.106–112.

девятнадцать 2-й гильдии купцов¹, городские духовные лица, один кандидат в 2-й гильдии купцы², четырнадцать купцов³, двенадцать купеческих сыновей⁴, два купеческих брата⁵, духовные лица, ряд мещан и других лиц.

После кончины оренбургского муфтия С.Тевкелева в 1882 г., когда определение нового председателя ОМДС явно затянулось, накануне закрытия Ирбитской ярмарки, 15 февраля 1885 г., торговцы-мусульмане провели в присутствии полицейского чиновника и старшего ахуна Акмолинской области Габдулбария Яушева собрание и решили просить о назначении на эту должность человека «из среды магометанского духовенства, а не из другого какого-либо сословия». Ходатайствовать об этом перед министром внутренних дел было доверено ахуну Уфимской губернии Габдулле Габдулсаттарову, а перед Духовным собранием – петропавловскому ахуну Габдулбария Яушеву, исполнявшему обязанности имама ярмарочной мечети в Ирбите⁶. Этот приговор из числа жителей Петропавловска собственноручно подписали: потомственные дворяне Салимгарей Шакулов и Мухамеджан Давлеткильдеев, 18 купцов⁷, 1 бухарец⁸, 1 купеческий

¹ Абдуллах Акчурин, Мустафа Девлеткильдеев, Хамза Сутюшев, Халид Бакметов, Шагиахмет Ирагимов, Касымхан Ялимов, Хасан Сутюшев, Сайфутдин Мусинов, Ахметжан Ермаков, Сапкул Мамкин, Сайфутдин Муратов, Габидулла Апсалимов, Абдулвали Абдулвагапов, Дамизян Муратов, Мухамадвали Салитов, Ибрагим Макситов, Юсуф Шакиров, Мухмаджан Макситов и Фахретдин Нагаев.

² Махамадгалим Мухсионов.

³ Мухаматгарей Девлеткильдеев, Сайфутдин Кулаков, Хамзя Тойматов, Курбабай Биктемиров, Хасан Халитов, Фахретдин Сейфутдинов, Актай Конусбаев, Сайфутдин Монасыпов, Мухаматшариф Хуснутдинов, Ахмет Биктемов, Сайфутдин Загитов, Хуснутдин Хасанов, Мустафа Максютлов, Жигиварей Кучкильдин.

⁴ Халиулла Халитов, Тимербулат Девлеткильдеев, Тимергали Салимов, Фахретдин Саманов, Гумер Халитов, Мухаматлатиф Байгильдин, Мухаматзакир Байгильдин, Хамит Залитов, Мухаматсабир Байгильдин, Ахметжан Максютлов, Нурмухаммет Мусин, Мухаметрахим Байгильдин.

⁵ Хасан Фаткулин и Ягуд Бикташев.

⁶ РГИА, ф.821, оп.138, д.116, л.57–63.

⁷ 2-й гильдии купец Батыргарей Ялымов, купцы Шакулов, Даниял Таштимеров, Хамеди Яров, Салимгарей Маметов, Фаткулла Исаев, Мухаметжан Гадельшин, Хусаин Бикбов, Мухаметшах Курмашев, Хикматулла Яруллин, Назмутдин Бикшеев, Юсуф Усманов, Хуснутдин Каримов, Максют Бобров, Мухаметхасан Дусмитов, Хусаин Бичурин, Габидулла ходжа Саитов.

⁸ Хасян Бирганов.

брат¹, 4 купеческих сыновей², 13 торговцев³, старший ахун Гадулба-ри Яушев и 18 мещан⁴.

А 17 февраля 1885 г. духовные лица, купцы, мещане и временно проживающие в г.Петропавловске Акмолинской области провели собрание с аналогичной повесткой дня и прописали в общественном приговоре свое решение следующим образом: «как глава над лицами духовного звания так равно в рассмотрении по шариату, то для вышесказанной должности мы желаем избрать в муфти из среды духовенства, а не из другого какого-либо звания...». Купец Юсуп Исхакович Усманов, пользующийся большим доверием и авторитетом, был единогласно избран доверенным лицом общины для подачи приговора в Духовное собрание⁵. Это коллективное ходатайство, подписанное главами семейств, является важным источником для выявления регионов приезда петропавловских мусульман.

В рассматриваемый период доминантой в ландшафте уездного города выступали богослужебные здания. В конце 1850-х гг. из культовых зданий Петропавловска все четыре церкви каменные, из четырех мечетей два исламских богослужебных здания были построены из камня⁶.

Кроме мечети №2, остальные каменные исламские культовые здания были возведены на горе, в татарской слободе, примыкающей к центру поселения с западной стороны⁷.

В 1865 г. петропавловские караванбаши – ташкентский Мир-Юнбар Милкомолов и бухарский мирза Губаит Мирнадыров – пред-

¹ Закир Усманов.

² Хамза Тюминев, Мухамадшах Файзуллин, Нурмухаммат Мустаев, Нигматулла Ярмакаев.

³ Саидгарей Янбаев, Махаматгали Шагивалеев, Гизетулла Агишев, Ахметшах Назиров, Сафа Шафеев, Сулейман Таштимеров, Мухаметгата Габдулжанбаров, Ахметшариф Гатеев, Мухаматзакир Исхаков, Хусаин Тюменев, Сагадуддин Нигматуллин, Хамеджан Ярмакаев и Габдулбасир Хайбуллин.

⁴ Абдулла Юсупов, Богман Насыров, Мухаметфатих Мухаметжанов, Хусаин Ялымов, Ахметжан Ибрагимов, Галимжан Мнасыпов, Галимжан Галшин, Мухаметшакир Валеев, Мухмет Ибрагимов, Фахрутдин Негаметуллин, Гата Сукаев, Рахматулла Файзуллин, Ахметшариф Шарипов, Тухматулла Мухаметшарипов, Мухаматзакир Абдулгафаров, Тимурмали Монасыпов, Мухаметшах Назиров, Хасан Менлюшев.

⁵ РГИА, ф.821, оп.138, д.116, л.83–83 об.

⁶ Малышева М.П. Указ. соч. – С.27.

⁷ Тынчаров Р. Мечети Петропавловска / Р. Тынчаров // Из глубины веков (Татары на севере Казахстана). – С.40.

ставили в городскую полицию приговор общества ташкентцев-иностранцев о разрешении выбранному ташкентцами, кокандцами и бухарцами мулле Абдулле Хамиту Балтееву право совершения между ними религиозных ритуалов и о невмешательстве в их религиозные дела ОМДС и городских ахунов. Азиатский департамент МВД согласился с их ходатайством, выставив условием, чтобы мулла Балтеев не исполнял «требы» у мусульман – российских подданных¹.

Татары, страхуясь от возможной передачи городу территории старого мусульманского кладбища, предназначенного под парк, возвели на его территории деревянную мечеть (№3), закрепив этот район за собой. Об этом свидетельствует документ, отложившийся среди делопроизводственных материалов ОМДС. Проживающие в Петропавловске «бухарцы, ташкентцы и татары» 16 марта 1872 г. составили общественный приговор о том, что бухарец Амбай (Курбанбай?) Джалтыров решил построить за свой счет на месте существующей деревянной мечети на старом мусульманском кладбище каменное богослужebное здание. Духовное собрание, рассмотрев 21 июня 1872 г. докладную записку Петропавловского полицмейстера и приговор мусульман, дало «добро» инициативе купца².

В 1882 г. в городе насчитывалось 5 каменных церквей, 1 синагога и 6 каменных мечетей, 8 мусульманских школ (6 татарских и 2 казахские)³.

Согласно сведениям Духовного собрания, в действующей городской 1-й соборной мечети общественное богослужение мусульмане начали совершать в 1851 г., во 2-й мечети – в 1855 г., 3-й мечети – в 1874 г., 4-й мечети – в 1857 г., 5-й мечети – в 1883 г., 6-й мечети – 1883 г.⁴

Шестое по счету каменное богослужebное здание в городе построил в 1882 г.⁵ купец Вали Янгуразов, который «выписал» из медресе Бухары Бегшиева и, скрыв в его медицинской справке некоторые недостатки молодого человек (был слегка парализован), сумел определить его имамом-хатибом к своей мечети. Оказалось, что купец намеривался женить молодого человека на своей свояченице. После его отказа жениться, В. Янгузаров стал преследовать имама,

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.651, л.1–6 об.

² ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.3, д.8136, л.1–8 об.

³ Тынчаров Р. Указ. соч. – С. 39.

⁴ ЦГИА РБ, ф.И–295, оп.2, д.8, л.248 об., 250 об.

⁵ Тынчаров Р. Указ. соч. – С.40.

что нашло отражение в одной из жалоб по поводу бракосочетания муллой 15-летней Бибимагруй Фахрутдиновой с чала-казакком (родители татарин и казашка, или наоборот) с Нурмухаметом Нурмухаметовым. (Как оказалось при проверке в 1890 г. на основании неверной метрической справки о времени рождения невесты)¹.

Экономически крепкая мусульманская община Петропавловска откликнулась на призыв о сборе пожертвований на строительство соборной мечети в Санкт-Петербурге, собрав и перечислив в 1887 г. до 3 тыс. руб.² В 1903 г. она оказала помощь и населению Оша, Маргелана и Андижана, сильно пострадавшему от землетрясения в конце 1902 г.³

В 1885 г. имамом-хатибом 1-й соборной мечети состоял Ахметвали Абдрахманов, 2-й мечети – ахун Габделбари Яушев, 4-й мечети – кари Саид Абдрахманов, 5-й мечети – Мухамет-Юсуп Надыров, 6-й мечети – Рахматулла Янгузаров⁴.

Приметой мусульманских городских общин, имеющих прослойку состоятельных единоверцев, стало учреждение вакфов, доходы которых шли на содержание богослужебных зданий и на другие нужды, согласно воле дарителя. Такое явление наблюдается и в Петропавловске.

В 1885 г. на основании духовного завещания 2-й гильдии купца Сейфетдина Мустаева, засвидетельственного в Акмолинском областном правлении, в распоряжение нагорной 1-й мечети поступил капитал в сумме 5 тыс. руб.⁵ Вакфным имуществом заведовал сын покойного Мухаматамин Мустаев⁶. По условиям учредительного акта деньги были помещены в Государственный банк, а проценты с капиталов расходовались исключительно на ремонт, отопление и освещение мечети. В начале XX в. ежегодно на счет мечети поступало 214 руб., которые расходовались или оставались в руках мутаваллия. В 1916 г., например, из банка вместе с остатками прошлого года было получено 533 руб., израсходовано 487 руб. Помимо сына жертво-

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.677, л.107–107 об., 142.

² Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII – начало XX вв. / И.К. Загидуллин – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С.103.

³ Тынчаров Р. Указ. соч. – С.42.

⁴ РГИА, ф.821, оп.138, д.116, л.83–91.

⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.621, л.203.

⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.916, л.39 об.

вателя Мухаматамина мутаваллиями являлись Хасан Усманов и Гайрей Шакулов¹.

В 1886 г. вдовой чемкентского купца Сырдарьинской области Мухаметлатифа Мухаметшарифова – Бибивалейхой Гизатуллиной Баязитовой – по духовному завещанию мужа, засвидетельственному петропавловским уездным судьей, в распоряжение 2-й городской мечети были переданы сбережения в банке в сумме 4 тыс. руб.² Мутаваллием капитала стал сам ахун Г.Яушев³. С 1894 по 1900 гг. мечеть получила из банка более 1500 руб., из которых 1230 руб. были израсходованы на текущие расходы⁴.

Имам-хатиб 2-й мечети ахун Г.Яушев представил в 26 июня 1907 г. ОМДС копию духовного завещания мещанина Исмаила Ибрагимовича Тойматова, утвержденного Омским окружным судом 30 мая 1903 г., о передачи своего дворового места (17 x 14 сажень), в пользу подгорной мечети⁵. 20 сентября 1907 г. МВД утвердило передачу недвижимости⁶. Этот участок находился рядом с мечетью, присоединив его, ахун А.Яушев расширил территорию мечети и огородил ее.

Строитель 3-й соборной мечети и ее мутаваллий Курбанбай Джалтыров, уроженец юрт Полудинские Петропавловского уезда, четверть века заботился о мечети, а в 1899 г. внес в городской общественный банк 1 тыс. руб. с условием, что ежегодные расходы с этой суммы должны тратиться на содержание медресе при мечети. Его поддержали прихожане Ризван Фахретдинов и Ахмедгалий Насибуллин, внесшие по 100 руб. Еще 18 человек перечислили на его банковский счет небольшие суммы. Среди мутаваллиев значился и его сын Мухаметкабир. Общими усилиями прихожан удалось наращивать капитал мечети, который к 1918 г. вырос до 7275 руб.⁷

В 1909 г. проживающий в городе бухарец хаджи Михарбан Таштимиров пожертвовал в пользу 3-й мечети каменную лавку⁸. В

¹ Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Д.Д. Азаматов. – Уфа: Изд. Башкирск. ун-та, 2000. – С.36.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.621, л.204 об.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.916, л.39 об.

⁴ Азаматов Д.Д. Указ. соч. – С.36.

⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.937, л.117.

⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.937, л.123, 124.

⁷ Азаматов Д.Д. Указ. соч. – С.36–37.

⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.937, л.221.

1910 г. МВД разрешило передачу имущества. Согласно завещанию, обязанности мутаваллия возлагались на имама-хатиба мечети мударису Мухамеджану Бегишеву. Каменная лавка, оцененная в 500 руб., с 1909 по 1912 гг. ежегодно приносило доход в 190 руб., из которых были истрачено всего 6 руб. В 1913 г. в мечети установили электрическое освещение, что потребовало определенных затрат и привело к отрицательному балансу в 62 руб. В последующие годы долги были погашены, в 1917 г. в вакфном счету имелось 65 руб.¹

Согласно духовному завещанию 2-й гильдии купца Динмухамеда Бичурина, засвидетельствованном петропавловским уездным судьей, его деньги, хранящиеся в Государственном банке в сумме в 4 тыс. руб., были в 1892 г. пожертвованы 5-й городской мечети (на освещение, отопление и ремонт мечети шли проценты от этих средств). Мутаваллием был определен сын купца Хусаин Бичурин, который, однако, отказался от заведования вакфными суммами. ОМДС, рассмотрев этот случай, обязал Хусаина Бичурина стать мутаваллием, заявив, что в случае его смерти мутаваллием должен стать кто-нибудь из ближайших родственников дарителя². В 1897 г. МВД разрешило передачу означенных средств мечети, но не в качестве вакфа (вакфы в округе ОМДС не признавались правительственной властью), а в качестве пожертвованной суммы³. В 1897–1899 гг. доходная часть вакфа составила 500 руб., из этой суммы была израсходована 487 руб. Мутаваллием был имам мечети Абдулкадыр Надыров⁴.

В 1909 г. появился постоянный источник для содержания и у 4-й соборной мечети: потомственные дворяне Мухамеджан и Мирхайдар Файзуллоевичи Давлеткильдеевы пожертвовали ее в пользу построенную ими каменное здание медресе и пять каменных лавок⁵.

Как видно, большинство дарений мечетям были денежными. Из недвижимости, приносящей доход, одна из мечетей (№3) получила по духовному завещанию (лавку), другая (№5) – здание медресе и пять лавок. Эту особенность можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, коммерсанты выделяли часть своих сбережений, хранившихся в банковских учреждениях. Во-вторых, российские подданные, исповедующие нехристианские религии, за исключени-

¹ Азаматов Д.Д. Указ. соч. – С.37.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.897, л. 94, 110.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.897, л. 116.

⁴ Азаматов Д.Д. Указ. соч. – С.37.

⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.621, л.203, д.937, л.200.

ем туземцев, согласно Степному положению 1886 г. (ст.136), оказались по сравнению с христианским населением в ущемленном положении: им запрещалось покупать и арендовать земли в этом обширном регионе. Лишь в пределах территории, находящейся в ведении городских органов самоуправления, мусульмане и евреи могли свободно покупать недвижимость¹. Возможно поэтому дарители предпочитали жертвовать деньгами, а не лавками, жилыми домами и другой недвижимостью.

В XIX в. мусульмане сформировали в городе устойчивую систему конфессионального образования. Практически в каждом приходе существовала школа. Причем, помимо сыновей татар и ташкентцев, в них обучались дети казахов из степи.

А.К.Гейнс, обозрев в 1865 г. состояние народного просвещения в городе в конфессиональном «разрезе», писал с сожалением: «Касимовские и казанские татары ежегодно приезжают в Петропавловск, чтоб поселиться здесь. Таким образом, магометанский элемент постепенно, но постоянно берет вверх над православным. К тому же они обращают серьезное внимание на образование своих детей. На магометанское население Петропавловска существует семь школ, тогда как в городе существует только две православные школы: одна для мальчиков, другая для девочек. В магометанских училищах воспитываются даром, на счет мусульманского городского общества, до 150 киргизских мальчиков. Что же делаем мы, русские?! Неужели нам нельзя выдержать борьбу и с татарскою национальностью...»².

На его предложение о помощи русской женской школе местный татарский купец Хасан Мухаметович Сутюшев, как бы намекая на положение дел в татарской общине, обеспечивающей за свой счет подрастающее поколение возможностью обучения в традиционной школе, ответил: «Хотя мы и верноподданные (России. – И.З.), но русское общество пусть думает о себе само»³.

Коммерсанты были заинтересованы в изучении детьми государственного языка. В начале 1880-х гг. в городских училищах обучалось до 20 мальчиков. Однако после получения информации о намерении правительства через распространение русского образования добиться потери татарами своей этноконфессиональной идентичности, родите-

¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.38, л.61 об.

² Гейнс А.К. Указ. соч. – С.219–220.

³ Гейнс А.К. Указ. соч. – С.220.

ли стали забирать своих сыновей из русских учебных заведений, сосредоточив обучение русскому языку в домашних условиях¹.

В начале XX в. большую роль в обучении татар и казахов края играли мусульманские учебные заведения в Петропавловске: медресе Хуснетдина хальфы, Вали ахуна и Газиз муллы, а также возведенный на средства Гарифа Тоймата и управляемый татарами Саидом Габделжалилом и Хасаном Панаром медресе с контингентом учащихся 150 шакирдов².

Один из учительствовавших в казахских аулах татарин Ахмет Уразаев (Курмаши), уроженец Курганской области и выпускник медресе г.Петропавловска, прославился в Казахской степи своими поэмами «Буз жигит» и «Тахир и Зухра» (1874–1876). Позже «Тахир и Зухру» он изложил на казахском языке³.

Коммерческий характер деятельности лидеров мусульманской общины означал существование крепких связей с предпринимателями других регионов, прежде всего Сибири и Поволжья. Они встречались, обсуждали насущные проблемы мусульман на Ирбитской, Тюменской, Макарьевской (Нижегородской) и других ярмарках.

В частности, после появления царского указа от 16 июля 1888 г. о введении русского образовательного ценза лицам, желающим занять мусульманские духовные должности в округе ОМДС, поверенный Петропавловского мещанского общества Ахметшакир Ибрагимов 6 ноября 1889 г., поверенный городского татарского купеческого общества 2-й гильдии купец Мухаметгирей Шакулов 10 ноября 1889 г. отправили ходатайство на имя императора Александра III об отмене указа от 18 июля 1888 г. и снятии надзора за мектебами и медресе, введенного в 1874 г., со стороны Министерства народного просвещения и оставлении их по прежнему в ведении ОМДС (хотя последнее требование не распространялось на Петропавловск, в силу его крайнего положения)⁴.

Как видно, национальные сословные общества мещан и купцов выражали мнение всех мусульман Петропавловска.

¹ РГИА, ф.821. оп.8, д.791, л.86.

² Дәүләт Набир. Русия төркиләренен милли көрәш тарихы (1905–1917). – Казан, 1998. – Б.39.

³ Исаков Б. Этапы развития казахско-татарских литературных связей / Б. Исаков // Казахская литература и ее интернациональные связи. – Алма-Ата, 1973. – С.140.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8. д.1077, л.9–10, 19–120.

Это подтверждается еще одним документом, а именно – ходатайством купцов Петропавловска на имя министра внутренних дел, составленном в августе 1894 г. Его появление было обусловлено действиями властей в Оренбургской губернии по изъятию в традиционных учебных заведениях рукописей и книг, изданных за границей, без дозволения русской цензуры, как вредных «с государственной точки зрения». Купцы ходатайствовали, чтобы книги религиозно-нравственного содержания, как печатные, так и рукописные, а также заграничные были разрешены к свободному пользованию и перепечатыванию без сокращений, «как прежде», потому что ислам, как и другие религии не может существовать без книжных и рукописных изданий. Вторая их просьба заключалась в сохранении мектебов и медресе в исключительном заведовании духовных лиц под надзором приходских обществ, а не под контролем инспекторов народных училищ. Третья просьба предпринимателей сводилась к освобождению кандидатов на духовные должности от обязательного знания русского языка и грамоты. Ходатайство подписали купцы Хасан Акчуриин, Мухаметамин Мустаев, Саитгарей Янбаев, Мухаметшарип Ялымов, Ахмадисан Акчуриин, Хакимзян Тюмин, Салих Максюттов, М.-Ф. Давлеткильдеев, Закир Искаков, Батыр Бирдальмов, Саит Валиуллов, Юсуп Устюков, Мухаметали Бирюшев, Габбас Янгуразов, Мухаметша Рахматуллин, дворяне Хамзанур Шакулов, Гирей Чалаков, Алиакбар Давлеткильдеев и еще несколько человек¹.

В 1912 г. центрами религиозно-обрядовой жизни шести действующих приходов выступали шесть соборных мечетей. При мечетях находились 8 имамов, 2 муэдзина и 5 других хозяйственных служителей. Одна из мечетей владела вакфным каменным зданием стоимостью 9 тыс. руб.² Ко времени падения самодержавия, помимо 6 каменных мечетей, действовали еще 3 исламские богослужебные здания³, имелись 2 кладбища.

Процессы формирования единой нации постепенно привели к трансформации исламского менталитета в национальное самосознание. Высокая культура как культура Нового времени сопровождалась созданием, прежде всего, городах благотворительных обществ как национально-культурных центров, собственной издательской базы. Эти явления, рельефно проявившиеся в городах Приуралья и

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.82–88.

² РГИА, ф.821, оп.133, д.574, л.132 об.–133.

³ Тынчаров Р. Указ. соч. – С.40–41.

Поволжья в начале XX в., нашли отражение в общественной и культурной жизни мусульманской общины Петропавловска, несмотря на его окраинное расположение.

В 1907 г. в городе появилась общественная организация по попечению учащихся мусульман¹.

Стремление заниматься просветительской деятельностью, знакомить единоверцев новыми книжными изданиями, новостями, происходившими в российской умме, в стране и мире, выразилось в учреждении в 1909 г. купцами Хасаном Абдулловичем Акчуриным, Г.Тойметовым, Шамсутдиновым, мещанами Галимом Рахматулловичем Тюменевым, Ахмеджаном Абдулловичем Акчуриным «Общества для содержания Петропавловской библиотеки». Целью общественной организации было заявлено создание возможности и условий мусульманам города и его округа для чтения книг, газет, журналов и специальных изданий. Общество выписывало необходимую литературу и периодику на татарском, русском и других языках. Согласно уставу, действительные члены общества обязаны были ежегодно вносить взнос в размере 5 руб., звание почетного давалось лицу, пожертвовавшему 100 руб. Чтение книг, журналов и газет в читальном зале для всех посетителей было бесплатно, а те читатели, которые брали издания на дом, уплачивали подписную цену, что также составляло одну из статей дохода наряду со сборами с публичных чтений, устраиваемых в пользу библиотеки-читальни.

Правление общества состояло из 12 человек, которые избирались на общем собрании сроком на три года и работали на общественной, безвозмездной основе².

Прогрессивные деятели глубоко осознавали необходимость перемен. В силу расположения Петропавловска на периферии татарского мира, они использовали интеллектуальный потенциал нации, сосредоточенный в культурных центрах на исторической родине. Это выразилось, как было рассмотрено, в организации библиотеки-читальни с целью ознакомления единоверцев с происходившими в татарском обществе переменами. Аналогичным образом они поступили и с внедрением в городе новометодного образования.

Помимо действующих традиционных приходских школ прогрессивные деятели учредили новые учебные заведения, не подчиненные местному духовенству, пригласив для преподавания мугал-

¹ РГИА, ф.821, оп.133, д.574, л.132 об.–133.

² РГИА, ф.821, оп.10, д.1204, л.111–114.

лимов из Среднего Поволжья и обеспечив их жильем и зарплатой. В результате, к 1912 г. из восьми городских медресе пять являлись уже новометодными. В единственном мектебе обучение велось также по новому методу. Такие кардинальные изменения произошли благодаря тому, что состоятельные мусульмане платили жалованье 9 преподавателям этих учебных заведений, не занимающих духовных должностей. Системой татарского национального обучения были охвачены 635 человек¹.

Примечательно, что новометодное мектебе имело торговую лавку, доходы от которой в сумме 600 руб. поступали в его пользу.

В 1905–1910 гг. в городе на средства предпринимателей Муратова, Тюменева и Тайматова действовала новометодная трехлетняя татарская школа².

Организация мусульманами попечительств в Новое время явилась проявлением обновленческих процессов среди мусульман России. Их учреждение было вызвано стремлением наиболее активной и прогрессивной части уммы оказать посильную помощь в организации религиозно-обрядовой жизни и учебно-воспитательного дела среди единоверцев. В 1913 г. прихожане 3-й мечети учредили попечительство для ведения хозяйственных дел при мечети³.

В начале XX в. передвижной театр Салима и Зулейхи из Казани часто приехал в Петропавловск и Кокчетав⁴.

В 1913 г. в городе начала выпускаться казахско-татарская газета на двух языках «Ишим даласы»⁵.

Особенностью мусульманской общины Петропавловска конца XIX – начала XX вв. следует признать доминирование (после введения «Городового положения» 1870 г.) в крае в составе гласных городской думы нехристиан (более половины)⁶. Высокий социальный статус, наличие благополучной в экономическом плане прослойки, наличие за ней недвижимости, определенных капиталов, высокий удельный вес татар среди горожан обусловили перевес мусульман в составе гласных Петропавловской городской думы. Среди городских татарских общин Поволжья, Приуралья и Сибири Петропавловск

¹ РГИА, ф.821, оп.133, д.574, л.132 об.–133.

² Тынчаров Р. Указ. соч. – С.42.

³ РГИА, ф.821, оп.133, д.595, л.17–17 об.

⁴ Золотилина-Нурмухамедова Р.М. Указ. соч. – С.38.

⁵ Махмутов З. Татары на севере Казахстана: прошлое и настоящее / З.Махмутов // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2005. – №2 (41). – С.299.

⁶ РГИА, ф.821, оп.10, д.38, л.77 об.

был единственным городом, в органе самоуправления которого преобладали татары и решали вопросы развития городского хозяйства и благоустройства поселения.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что наряду с русским городом, в Петропавловке функционировал самодостаточный в экономическом и социокультурном плане татарский город, локализованный главным образом в татарской слободе. В середине XVIII – во второй трети XIX в. значительную роль в социокультурной и экономической жизни мусульман Петропавловска играли жизни азиатские купцы, которых к концу XIX в. в городе не осталось. Религиозно-обрядовые центры приходов – мечети – находились под контролем и попечением их строителей – купцов, которые брали на себя издержки по ремонту культовых зданий, кроме, пожалуй, 2-й мечети на подгорной части города (ахун Г.Яушев). В течение многих десятилетий татарская община Петропавловска выступала экономическим, религиозным и образовательным центром для татар и казахов ближайшей округи. В начале XX в. здесь наметились модернизационные явления, выразившиеся в учреждении библиотеки-читальни, попечительства при 3-й мечети, создании сети новометодных школ и др. Однако в целом в социокультурной жизни общины продолжала доминировать исламская ментальность, хотя встречаются сведения об употреблении татарскими купцами вина.

И.К.Загидуллин

Движения вынужденного переселения татар из Поволжья и Приуралья в Османскую империю в середине 1890-х гг.*

Аннексия Россией территорий с мусульманским населением и дальнейшая интеграция регионов в имперское политико-правовое поле постепенно приводили к изменениям и трансформации традиционных социальных институтов местных сообществ. Недоверие и нелояльность к новой власти нередко выражались в форме массовой миграции населения из окраин в соседние мусульманские страны. Волны массовых переселений крымских татар, ногайцев, кавказских

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (11–11–16010а/В/2011).

народов были спровоцированы конкретными нововведениями новой власти, имели отчетливое политическое содержание и демонстрировали нежелание на тот момент части населения признавать Россию своей новой родиной и предпочтение султана Османской империи – халифа – защитника мусульман всего мира. Следует отметить, что в определенной мере эти миграции были выгодны для российского государства – страну покидала наиболее пассионарная и недовольная новым режимом часть мусульман, освобождая место для заселения края жителями из внутренних губерний, которые служили на мусульманской окраине социальной опорой власти.

В XIX в. места традиционного расселения татар приходились на внутренние губернии или «внутреннюю окраину» России. Татары имели двухвековой опыт проживания в составе православного государства, были интегрированы в сословно-социальную структуру империи.

Вынужденное переселение татар из Поволжья и Приуралья усилилось и приобрело четкую форму локальных движений в пореформенный период. Осложнение национального вопроса, вызванное попытками установления правительства контроля над религиозной жизнью мусульман внутренних губерний, постоянно вызывало различные слухи об ожидавшемся крещении, усиливало недоверие и к другим нововведениям правительства, не имеющим ничего общего с мусульманским вопросом. При данной мотивации сохранение своей этноконфессиональной идентичности мигранты ставили превыше всего и шли на смену своего подданства. Переселение на чужбину являлось для них своеобразной формой протеста: они не хотели жить в государстве, посягающем на их религиозные права, хотя такое представление сформировалось главным образом на основании слухов.

Другой веской причиной являлось ухудшение социально-экономического положения сельского населения России, которое усугубляли частые неурожаи хлебов и голодные годы. Определенную надежду на обеспеченную жизнь давали письма соотечественников, устроившихся в Турции и сообщавших о существовании государственной поддержки для мигрантов¹. Предприимчивыми лицами переселение рассматривалось как получение новых возможностей для открытия своего дела и обогащения. Немаловажную роль играли отдельные личности, которые, исполняя функции посредников, занимались организационными вопросами, выезжали в Стамбул отнюдь

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2111, л.32–32 об.

не только из благородных побуждений и стремились извлечь личные выгоды из экстремальной ситуации.

Предприимчивые лица рассматривали переселение как получение новых возможностей для обогащения.

В отношении мусульман внутренних губерний власти проводили политику противодействия миграции, всячески пресекая такие попытки, отбирая даже у продавших уже свою недвижимость крестьян паспорта на отлучку.

Развитие железнодорожной сети существенно облегчило путь до южных границ России: Крыма, городов Ростов, Новороссийск, Анапа, Батуми, затем мигранты пересаживались на пароходы. Этот путь был одним из наиболее простых.

Некоторые локальные переселения оставались неизвестными полиции. Однако постепенно власти стали уделять серьезное внимание общественному настроению мусульман.

К началу 1890-х гг. в сознании народных масс Оренбургского края укоренилось устойчивое мнение о том, что ислам преследуется правительством, что приходское и высшее духовенство являются прислужниками власти, поэтому они не отстаивают интересы религии. Такое суждение основывалось на ряде событий: 1) требование от мулл русского образовательного ценза; 2) цензурные «стеснения» религиозных изданий 1890–1891 гг.; 3) циркуляр МНП от 10 июля 1892 г.; 4) подчинение мектебе и медресе инспекторам народных училищ; 5) смещение без основательных причин некоторых мударисов в Стерлитамакском уезде, закрытие медресе в г.Илецк, увольнение большой группы шакирдов из медресе Ханской ставки.

Циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. об изъятии из школ рукописных книг и заграничной учебной литературы, отлучение мугаллимов, получивших образование в заграничных исламских учебных центрах, от преподавательской деятельности и предписание МНП от 30 июня 1892 г. об открытии новых мектебе и медресе с разрешения директоров народных училищ привели к волнениям среди татар.

В 1892 г. командование Оренбургским казачьим войском издало приказ о закрытии всех мектебе и медресе в татарских поселках, недовольство мусульман в скором времени трансформировалось в движение переселения в Османскую империю. Антиисламские действия руководства иррегулярного войска спровоцировали волнения в Оренбургском уезде и в соседних уездах Уфимской губернии¹.

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.92 об.

Реализация циркуляра МНП от 10 июля 1892 г. началась в Оренбургской губ. Ряд сельских обществ начали составлять общественные приговоры и ходатайства на имя губернатора о выдаче заграничных паспортов для переселения в Османскую империю, причем некоторые ставили ультиматум, если власти не отменят этот циркуляр, то они уедут из России¹.

6 апреля 1894 г. оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска В.И.Ершов (1892–1899) распространил печатное объявление, в котором обосновал безосновательность слухов, доказывал отсутствие у правительства намерения крестить мусульман, угрожал расправой распространителям слухов².

О возникшем миграционном движении татар в Турцию министр внутренних дел доложил Александру III, который предписал: «остановить и успокоить население»³. С последней декады апреля 1894 г. губернаторы, жандармерия, оренбургский муфтий сосредоточили свои усилия на исполнении предписания императора⁴. В частности, стали привлекать к ответственности агитаторов, уездная администрация была подключена к разъяснению неосновательности слухов о христианизации, было распространено печатное объявление, опровергающее молву о намерении правительства крестить мусульман, запрещено публиковать в периодической печати материалы, касающиеся причин тревожного состояния мусульман и могущих еще больше усилить волнения; уездным исправникам и приставам предписывались соблюдать в общении с татарами и разъяснении «осторожность и осмотрительность»⁵.

Большую роль в успокоении населения сыграл муфтий М.Султанов. Он составил обращение к духовенству, разослал его в махаллы Уфимской, Оренбургской, Самарской, Казанской и ряда соседних губерний, выезжал в селения Уфимской губернии, разъясняя неизбежность религиозных прав мусульман в России, вызывал для собеседований некоторых духовных лиц из регионов. По собственной инициативе он 9 июля – 3 августа посетил селения Оренбургской губернии, в которых происходили волнения. Оказалось, что жители ряда казачьих селений выехали за границу после получения заграничных

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.4 об.–5.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.47.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.28–28 об.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.29–30 об., 33.

⁵ НА РТ, ф.821, оп.8, д.791, л.45–45 об.

паспортов: из Зубочистенского поселка выехало 13 семейств, из Чесноковского – 20, из Рычковского – 5 и т.п.

Именно из Оренбургской губернии по всей России распространилась информация о наступлении правительства на ислам. Прочитав в газете «Оренбургские ведомости» циркуляр МНП от 10 июля 1892 г., татары г.Оренбурга выкупили весь тираж периодического издания и распространили его по селениям Уфимской и Самарской губерний. Сведения о намерении части мусульман Оренбургского края мигрировать доходили до других регионов через два каналами: 1) уезжающие – уроженцы других уездов – перед отъездом в Турцию приезжали на родину, чтобы попрощаться с родными, рассказывали об общественной ситуации в крае, или писали письма; 2) со ссылкой на ситуацию в Оренбургской губернии распространялись прокламации «о грядущей опасности для ислама» и необходимости противодействовать открытию русских училищ¹.

Если до этого переселения происходили тайно на основании полученных паспортов на отлучку или под предлогом паломничества, то теперь впервые они приобрели правовую основу – через посредников частью желающих переселиться были оформлены коллективные прошения с указанием фамилии и имени главы семьи, ее численности и места проживания, которые подавались в соответствующие органы Османской империи. Затем эти данные через турецкие консульства поступали в МИД и губернские администрации. Российские власти заняли позицию «препятствовать выезду желающих переселиться из родных селений».

Из Казанской губернии, главным образом, из Чистопольского (8 селений) и частично Спасского уездов, официально обратилось несколько сот татарских семей. При расследовании выяснилось, что в 1893 г. поводом к переселению послужили прокламации о предстоящем крещении и слух о том, что с 1896 г. в селениях откроют школы, в которых будет проводиться обязательное обучение русскому языку детей с 8-летнего возраста. Сформировалось убеждение, что эта мера приведет к постепенному охлаждению отношения детей к исламу и к смене вероисповедания. Распродажа имущества усилилась после получения информации о предоставлении переселенцам значительных плодородных земельных угодий, льгот и погашении османским правительством их задолженности перед российским государством. Весной 1894 г. около 40 семейств из Чисто-

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.28–30, 35–37 об.

польского уезда тайно выехали из России¹. Сильно повлиял на местных жителей отъезд муллы д.Нарат-Илга Мухаметвалеева, хотя он в своих письмах из Турции правдиво информировал односельчан о трудностях, с которыми сталкиваются переселенцы: «Советую желающим переселиться – терпеть, потому что в этом государстве торговля очень плохая, сколько тысяч людей, приехавших сюда, ни один не может порядочно заняться делом. Горестную ведут жизнь. Если во всех медресе в деревнях прикажут учиться по-русски, то в этом большого вреда нет, такие вещи и здесь увидим», – предупреждал и добавлял, что если власти не касаются религии, то переселяться не стоит². В 1896 г. были приговорены к заключению на несколько месяцев трое крестьян Чистопольского у. за «подстрекательство к недозволенному оставлению отечества»³.

Переселение предполагало предварительное решение экономических вопросов с крестьянской поземельной общиной, в том числе по уплате накопившихся недоимок по налогам. Примечательно, что после получения от уехавших односельчан писем, не подтверждающих обязательство Османского государства о погашении задолженности мигрантов, переселение в 1895 г. прекратилось. Безусловно, свою роль сыграли и разъяснительная работа властей и изъятие у крестьян паспортов на отлучку. В результате из 363 семейств, ходатайствовавших перед турецким правительством о переселении, сумели уехать лишь 9⁴.

Согласно расследованию самарского губернатора слухи о христианизации распространялись вследствие: 1) неверного толкования правительственных распоряжений, которые «до некоторой степени поддерживались насмешками православных над мусульманами по поводу предстоящего будто бы крещения татар»; 2) подчинения цензурному просмотру исламских религиозных текстов, в том числе Корана, что воспринималось как изменение священных текстов; 3) циркуляра МНП от 10 июля 1892 г., что привело к слухам об обязательном, по достижении 7-летнего возраста, обучении татарских детей в русских школах; 4) стремления мулл «сохранить в неприкосновенности ислам».

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.25.

² НА РТ, ф.1, оп.3, д.10050, л.4.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.11399, л.72–73.

⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.9602, л.71–71об., 77–78.

В 1894 г. 94 домохозяина из Бугульминского уезда Самарской губернии обратились в МВД с просьбой им о разрешении переселиться в Османское государство¹. В апреле губернатор А. Брянчанинов объездил Бугульминский и Бугурусланский уезды с целью разъяснения неосновательности слухов о крещении, посетил 25 татарских селений, встречаясь с духовными лицами и вызывая в эти населенные пункты жителей близлежащих деревень. Им также было разослано печатное объявление о гарантии религиозных прав мусульман². Аналогичную цель преследовали «объявление» уфимского губернатора³ и обращение муфтия М.Султанова от 12 апреля 1894 г. к ахунам и имамам о необходимости проведения разъяснительной работы о том, что «насильственно крестить магометан никто не будет и что ислам, как прежде, так и теперь и на будущее время все прирожденные магометане могут исповедовать в России вполне свободно, как это установлено законом»⁴.

Волнения среди татар Буинского у. Симбирской губ. улеглись после посещения деревень в августе местным губернатором⁵.

Таким образом, в пореформенный период одной из форм социального протеста проводимой царским правительством политике ущемления религиозных прав мусульман, стало самое массовое движение татар внутренних губерний за переселение в Османское государство в 1893–1895 гг. В Османской империи татары Поволжья и Приуралья рассчитывали на социальную помощь мусульманского государства и поддержку халифа.

¹ ГАСО, ф.3, оп.10, д.1097, л.82–87.

² ГАСО, ф.3, оп.233, д.1373, л.2–10.

³ Тарджеман-Переводчик. – 1894. – № 23. – 1 июня.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.807, л.181–182.

⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.149.

Освещение политики христианизации татар Волго-Камья в отечественной дореволюционной историографии

Являясь одним из первых поликонфессиональных, полиэтнических регионов, вошедших в состав русского государства, Волго-Камский край длительное время выступал важнейшей площадкой выстраивания и апробации имперской модели интеграции и унификации многонационального «иноверческого» населения окраины в общегосударственное социально-политическое пространство. Одной из основных форм проведения этой политики (хотя и не единственной) длительное время являлась культурно-религиозная (христианизация) и национальная унификация местных нерусских народов. История христианизации поволжских «инородцев», так или иначе, начинает затрагиваться уже в работах историков XVIII – начала XIX вв., посвященных истории формирования многонациональной Российской империи¹.

Более специальный характер имеют исследования ученых-этнографов, посвященных описанию населения края². Акцентируя внимание на этнографических особенностях, быте коренных народов Волго-Камья, данные авторы обращали пристальное внимание на их культуру, динамику религиозных верований, затрагивали вопросы восприятия ими православной и исламской традиции, оценивали результаты миссионерской деятельности православной церкви.

Дальнейшее расширение изучения христианизации нерусских народов связано с усилением интереса исследователей к истории русской колонизации Восточной России. В 1857 г. на основе своих лекционных курсов, читанных в Казанском университете С.В. Ешевским были составлены и опубликованы сочинения: «Миссионерство

¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8 т. – М., 1994; Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Чтения Общества истории и древностей России за 1859 г. – Кн. III. – С. 61–68; Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 2003.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1773; Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российской государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. – СПб., 1799; Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька (1768–1774 гг.) // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемых Академией наук. – СПб., 1824. – Т. 3; Фукс К. Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844.

в России», «Русская колонизация Северо-Восточного края»¹. Несмотря на постановочный характер, эти работы сыграли важную роль в дальнейшей разработке истории христианско-просветительской деятельности РПЦ. Придавая большое значение роли церкви в колонизации и интеграции восточной окраины страны, С.В. Ешевский считал ее миссионерскую деятельность составной частью государственной политики по окультуриванию местного населения. В то же время, автор отмечал относительную слабость проникновения христианских понятий в повседневную жизнь местных нерусских народов, объясняя этим рост движения номинальных христиан за возвращение к традиционным религиозным верованиям. Признавая неоднозначность проводимой политики по христианизации «язычников» и мусульман, историк приходит к выводу о незаконности этого процесса, формирования у крестившихся определенной модели «двоеверия», религиозного синкретизма.

Общая традиция изучения колонизационного и миссионерского движения в Волго-Камском крае была продолжена в исследованиях приемников С.В. Ешевского на кафедре русской истории Казанского университета А.П. Щапова и Н.А. Фирсова. В 1858 г. свет увидела статья А.П. Щапова, посвященная биографии одного из самых одиозных фигур православной миссии, епископа Луки (Конашевич)². Важной заслугой данного автора стало признание насильственного, принудительного характера обращения в христианство народов края во время существования Новокрещенской конторы. Именно в этом факте, А.П. Щапов видел главную причину общего неудовлетворительного религиозно-нравственного состояния «новокрещенской» паствы, отсутствия у них элементарных представлений о православной традиции.

В фундаментальных работах профессора Н.А. Фирсова, посвященных истории русской колонизации Поволжья, нашло отражение развитие здесь миссионерской деятельности церкви³. Важную роль в распространение православия среди местных народов, утверждения русского господства в регионе, по мнению историка, сыграла монастырская ко-

¹ Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. – М., 1900. – С.202–362.

² Щапов А.П. Лука Конашевич, епископ Казанский // Православный собеседник. – 1858. – Ч.3. – С.232–464.

³ Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866; его же Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. – Казань, 1869.

лонизация. Именно организованные вскоре после покорения Казанского ханства монастыри стали крупнейшими миссионерскими центрами в крае. Исследователь небезосновательно полагал, что политика по крещению коренного населения региона занимала важное место в политике царского правительства в подчинении и интеграции этой территории в государственную систему страны.

Другим крупным центром изучения истории утверждения православия среди нерусских народов Восточной России становится воссозданная в 1842 г. Казанская духовная академия (КазДА). Открытие на ее базе в 1854 г. специальных миссионерских отделений, ставших крупнейшими научными центрами православной миссии, дало мощный толчок к изысканиям в области истории развития христианско-просветительской деятельности православной церкви. Отмечаемое в поволжских епархиях усиление процесса возвращения «новокрещен» в ислам и «язычество» требовало от миссионеров всестороннего и относительно объективного анализа причин этого явления, изучения опыта миссионерской деятельности в прошлом. Одним из первых ярких представителей казанской школы церковной истории, обративших внимание на эту тему, стал профессор «противомусульманского» отделения КазДА, известный миссионер Е.А. Малов. В основе его интересов на протяжении более чем пятидесятилетней профессиональной деятельности лежало утверждение православия среди татар-мусульман, борьба с усилением позиций ислама в регионе. Во многом практические интересы данного маститого миссионера-полемиста определили и круг его научных изысканий. Перу Е.А. Малова принадлежат первые специальные труды, посвященные развитию миссионерства среди мусульман в XVIII – первой половине XIX в.¹ Большую историографическую значимость этим исследованиям придает привлечение материалов, отложившихся в архивах местных церковных организаций и Св. Синода, личных архивах известных представителей духовного сословия, работавших в Поволжье, не сохранившихся до наших дней. Публикации Е.А. Малова, ставшие одними из первых серьезных научных исследований по изучению христианизации мусуль-

¹ Малов Е.А. Приходы старокрещеных и новокрещеных татар в Казанской епархии. – М., 1866; его же. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // Православный собеседник. – 1868. – №2. – С.225–316; №3. – С.10–135; 1869. – №1. – С.135; 1870. – №1. – С.36–48; №2. – С.115–129; его же. О Новокрещенской конторе. – Казань, 1878.

ман, оказали заметное влияние на последующих авторов, занимавшихся данной проблемой.

Во многом переплетаются с трудами Е.А. Малова работы других представителей казанской церковной историографии: А.Ф. Можаровского¹, А.Г. Хрусталева², М.А. Васильева³, в которых, наряду с изложением хода миссионерской деятельности церкви, нашло отражение стремление авторов показать пагубность старых принудительных методов христианизации, необходимость замены их на более осмысленные виды религиозного просветительства. Существенным недостатком этих исследований, как, пожалуй, и любой другой миссионерской литературы, является субъективность в оценке фактов и подаче материала. Тем не менее, они не потеряли своего значения и являются одними из немногих обобщающих трудов по теме. Особо нужно выделить работу А.Ф. Можаровского «Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года». Эта монография, увидевшая свет в 1880 г., подвела своеобразный итог научным разработкам казанских ученых, значительно дополнив предшествующие работы. Несмотря на описательный и персонафицированный характер, характерное нивелирование отрицательных сторон деятельности церкви, переоценка реальных результатов христианизации нерусского населения, книга А.Ф. Можаровского стала для своего времени определенной вехой в изучении утверждения православия в Волго-Камье.

В своих обобщающих научных трудах, посвященных развитию миссионерства церковные историки и миссионеры второй половины XIX в., акцентировали внимание на истории христианизации мусульман, что было продиктовано практической необходимостью разработки эффективных форм миссионерства среди последних, борьбой с усиливающим исламским влиянием в регионе. В отличие от других народов, мусульмане оказались практически невосприимчивы к миссионерской пропаганде церкви, а православные неофиты

¹ Можаровский А.Ф. Покорение Казани русской державе и христианству. – Казань, 1871; его же. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. – М., 1880.

² Хрусталева А. Очерк распространения христианства между инородцами Казанского края // Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. – Казань, 1897. – Вып. V.

³ Васильев М. Распространение христианства в Казанском крае. – Казань, 1904.

и их потомки из мусульман стали основным «контингентом» антицерковных движений в XVIII–XIX вв. Лишь в конце XIX – начале XX вв., с усилением интереса к национальной истории и становлением национальной интеллигенции, выходит в свет ряд исследований, посвященных утверждению православия среди немусульманских народов края. Наиболее значимыми в этом плане являются труды известного вятского историка П.Н. Луппова, освящающие историю распространения православия среди удмуртов¹, чувашского ученого-этнографа, воспитанника противомусульманского отделения КазДА Н.В. Никольского по христианизации чуваш². Для обоих авторов характерны обстоятельность и критический подход при изложении материала, привлечение большого количества неопубликованных документов. Эти сочинения значительно обогатили и расширили научные представления по этой проблеме, выявили характерные особенности и общие тенденции в развитии миссионерской деятельности в разных районах Волго-Камья среди представителей различных этноконфессиональных групп.

Отдельные аспекты деятельности церкви среди мусульман нашли отражение в работах Н.И. Ильминского³, П.В. Знаменского⁴, Н. Руновского⁵, И.П. Прокопьева⁶, А. Смирнова⁷. На примере исто-

¹ Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. – Вятка, 1899; его же. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. – Вятка, 1911.

² Никольский Н.В. Конспект по истории христианского просвещения чуваш. – Казань, 1909; его же. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Исторический очерк. – Казань, 1912.

³ Ильминский Н.И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1883; его же. К истории инородческих переводов. – Казань, 1884.

⁴ Знаменский П.В. О татарских переводах христианских книг. – Казань, 1894.

⁵ Руновский Н. Очерк истории христианского просвещения инородцев Волжско-Камского края в связи с историей переводов на их языки до половины XIX столетия // Симбирские епархиальные ведомости. – 1901. – №2. – С.49–57; №4. – С.128–135; №7. – С.237–243, №10. – С.337–345; №11. – С.383–392; №12. – С.417–423.

⁶ Прокопьев И.П. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX века. Исторический очерк. – Казань, 1904.

⁷ Смирнов А. Деятельность Российского библейского общества в Казани и в Казанском учебном округе. – Казань, 1910.

рии переводов богослужебных книг конца XVIII – первой половины XIX вв. авторы пытаются проследить эволюцию методов христианизации в этот период. Изменение позиции церкви и государства, попытка перейти от принудительных методов к более осмысленной просветительской деятельности посредством перевода христианской литературы на местные языки знаменовали собой качественные изменения в деятельности православных проповедников. Несмотря на то, что попытки активизации этой деятельности в рассматриваемое время посредством переводов православного богослужения, по мнению авторов, оказались неудачными (что связывалось с плохой научной организацией миссионерской деятельности, недостаточной разработанностью и изученностью языков местных народов, отсутствием системы подготовки миссионерских кадров), этот период в истории православной миссии стал важным этапом в разработке целостной миссионерской политики, методов христианского просвещения религиозных меньшинств.

Утверждению православия среди местных народов посредством развития начального конфессионального образования посвящены работы С. Нурминского¹, Е.А. Малова², К.В. Харламповича³, И.П. Прокопьева⁴. В сочинениях данных исследователей, охватывающий период XVIII – первой половины XIX вв., рассмотрены функционирование «новокрещенских» и приходских школ, эффективность применения миссионерского образования в деле христианизации местных народов. По-разному оценивая роль школ в подготовке национальных кадров для «инородческих» приходов, в усилении православной традиции среди «новокрещен», ученые сходились в мнение о важном значении организации конфессиональных учебных заведений для национальных меньшинств, ставших предвестниками становления новых подходов в миссионерской деятельности в эпоху Великих реформ.

¹ Нурминский С. Инородческие школы // Православное обозрение. – 1864. – Июнь, – С. 201–226, июль – С. 273–286.

² Малов Е.А. О новокрещенских школах в XVIII веке. – Отдельный оттиск без библиографических данных. – 1868.

³ Харлампович К.В. Казанские новокрещенские школы. (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII веке). – Казань, 1905.

⁴ Прокопьев И.П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительной системы Н.И. Ильминского. – Казань, 1905.

Важное место распространения идей христианства в истории РПЦ обусловило интерес к данной проблеме у значительной группы дореволюционных исследователей, занимавшихся изучением истории православной церкви в России. В обобщающих работах архиепископа Филарета (Гумилевский)¹, А.П. Доброклонского², П.В. Знаменского³, П.В. Верховского⁴, Е.Е. Голубинского⁵ раскрываются основные вехи в истории христианского просветительства в России. Подчеркивая прогрессивность христианизации религиозных меньшинств, исследователи однозначно отмечают, что ее эффективность во многом зависела от позиции государства, которое выступало не только как союзник церкви, но часто как главное действующее лицо в этом процессе.

В трудах церковных⁶ и светских⁷ правоведов, посвященных изучению государственно-церковных отношений, законодательству в

¹ Филарет История русской церкви: в 5 т. – СПб., 1859.

² Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви: в 4 вып. Вып.4. Синодальный период. 1700–1890 г. – М., 1893.

³ Знаменский П.В. История русской церкви. – М., 2000.

⁴ Верховский П.В. Очерки по истории Русской церкви в XVIII–XIX в. – Варшава, 1912.

⁵ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. – М., 1998.

⁶ Бердников И.С. Новое государство в его отношении к религии. Речь, произнесенная на торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1888 года ординарным профессором И. Бердниковым. – Казань, 1888; его же. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. – М., 1914; Красножен М. Иноверцы на Руси. Т.1. Положение неправославных христиан в России. – Юрьев, 1900; его же. Краткий очерк церковного права. – Юрьев, 1900; Айвазов И.Г. Новая вероисповедальная система русского государства. – М., 1909; Тихомиров Л. Вероисповедальный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. – 1902. – №2. – С. 433–447; Суворов Н. Церковное право. – М., 1912.

⁷ Васильев А. Веротерпимость в законодательстве и жизни в царствование Александра I (1801–1825 г.) // Наблюдатель. – 1896. – №6. – С.35–56; №7. – С.225–296; №8. – С.98–113; Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лица. – 1898. – Кн.74. – С.1–64; Тарновский Е. Религиозные преступления в России // Вестник права. – 1899. – №4. – С.1–24; Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. – СПб., 1904; Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. – М., 1906; Мельгунов С.П. Церковь и государство в России. К вопросу

этой сфере, прослеживается правовое положение православной церкви в Российской империи, ее влияние на политику государства по отношению к неправославному населению страны. Законодательное закрепление господствующего положения РПЦ, ее исключительного права на прозелитизм и миссионерскую деятельность, недопустимость перехода из православия в другие вероисповедания являлись важнейшими основами религиозной политики государства. Несмотря на различие подходов и оценочных суждений, ученые признавали неоднозначность результатов этой политики, отмечали негативные стороны излишней опеки государства православной церкви, приведшей к сращиванию церковного аппарата с государственной бюрократической системой, а в конечном итоге к глубочайшему кризису церковной организации, ущемлению религиозных прав «иноверующих» подданных империи, росту социального протеста религиозных меньшинств.

Большой объем информации по вопросам христианизации народов Волго-Камского края содержится в дореволюционных работах по истории отдельных епархий¹. Учреждение Казанской, а впоследствии Нижегородской, Вятской, Симбирской, Самарской епархий в не последнюю очередь связывалось с миссионерскими целями. Труды по истории организации и функционирования местного церков-

о свободе совести. – М., 1907; его же. Как создавалась в России государственная церковь. – М., 1917; Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. – Ярославль, 1909; Рейснер М.А. Государство и верующая личность. – СПб., 1905; его же. Духовная полиция в России. – СПб., М., 1909; Тимашев Н.С. Основания наказуемости религиозных преступлений // Право. – 1915. – №26–27. – С.1814–1819, 1859–1868; его же. Религиозные преступления по действующему русскому праву. – Пг., 1916.

¹ Макарий История Нижегородской епархии. – СПб., 1857; Богословский Г. Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о казанских архипастырях. – Казань, 1896; Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. – Оренбург, 1900; Покровский И. Казань в религиозно-церковном отношении // Православная богословская энциклопедия / сост. под ред. Н.Н. Глубовского. – СПб., 1906. – Т.VII. – С.683–791; Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и этнографический очерк. – Уфа, 1899; Бажанов Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. – Симбирск, 1903; Никитников Г. Иерархия Вятской епархии. – Вятка, 1863; Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. – Вятка, 1912.

ного управления, отдельных приходов, церквей и монастырей предоставляют обширный материал по истории развития миссионерства. Не менее важные сведения по теме содержатся в опубликованных биографиях местных архиереев¹. Являясь руководителями православных миссий на территории своих епархий, архипастыри оказывали заметное влияние на развитие проповедничества в регионе. Во многом от позиции епархиального архиерея, его миссионерского рвения зависели общая постановка христианско-просветительской деятельности, ее результаты.

Важную роль в научной организации православных миссий играли духовные учебные заведения. В работах И.А. Гвоздева², Е.А. Малова³, А.А. Благовещенского⁴, А.Ф. Можаровского⁵, П.В. Знаменского⁶, И.С. Бердникова¹, С.А. Терновского², И. Ястребова³, И.М. По-

¹ Высокопреосвященный Афанасий архиепископ бывший Казанский и Свяжский. – Казань, 1868; Сергей, архимандрит. Высокопреосвященный Антоний (Амфитеатров) архиепископ Казанский и Свяжский: в 2 т. – Казань, 1885; его же. Высокопреосвященный Филарет (Амфитеатров) митрополит Киевский и Галицкий и его время: в 3 т. – Казань, 1888; Ястребов И. Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир архиепископ Казанский и Свяжский. – Казань, 1901; Багрецов Л. Очерк архипастырской деятельности Высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Харьковского и Ахтырского, во время его пятилетнего управления Казанской епархией. – Харьков, 1905; Харлампович К.В. Архимандрит Макарий Глухарев. По поводу 75-летия алтайской миссии. – СПб., 1905; Гурий (Степанов) Преосвященный Вениамин (Пуцек-Григорович) митрополит Казанский и Свяжский. – Казань, 1906; Покровский И. Филарет (Амфитеатров) архиепископ Казанский (1828–1836) впоследствии митрополит Киевский (1837–1857) и его деятельность до вступления на митрополию. – Казань, 1908.

² Гвоздев И.А. Двадцатипятилетие Казанской духовной академии // Православный собеседник. – 1868. – №3. – С.201–238, 277–344.

³ Малов Е. Сведения о миссионерском отделении // Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. – Казань, 1873. – Вып. I. – С.3–16.

⁴ Благовещенский А.А. История старой Казанской духовной академии (1797–1818). – Казань, 1875; его же. История Казанской духовной семинарии с восьмью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. – Казань, 1881.

⁵ Можаровский А.Ф. Старая Казанская академия. – М., 1887.

⁶ Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 1–3. Вып. 1. Состояние административной части в академии до 1870 г. – Казань, 1891; Вып 2. Состояние академии по учебной части. – Казань, 1891; Вып.3

кровского⁴, П. Вознесенского⁵, К.В. Харламповича⁶ подчеркивается особое положение духовных учебных заведений Казани (КазДА, Казанской духовной семинарии, Миссионерских курсов) в синодальной образовательной системе России. Организованные как христианско-просветительские центры восточной окраины российского государства, данные учебные заведения готовили кадры практически для всех миссионерских организаций Поволжья и Сибири.

Пореформенный период, по оценке церковных публицистов, стал «золотым веком» миссионерства, временем расцвета православного проповедничества в поликонфессиональных регионах империи. Важное место в становлении и развитии новых миссионерских организаций сыграли «Православное миссионерское общество» (ПМО) и казанское «Братство святителя Гурия», ставшие важнейшими распорядительными и научными центрами православных миссий.

Наиболее полным дореволюционным исследованием, посвященным истории ПМО, является труд А. Никольского⁷. Его автор, долгие годы замещавший должность делопроизводителя общества, имел доступ ко всему комплексу документов, отложившихся в его архиве, что позволило ему довольно подробно осветить основные направле-

Часть экономическая. Жизнь студентов. Списки студентов Казанской академии, окончивших полный курс за 1846–1870 годы. – Казань, 1892.

¹ Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. – Казань, 1892.

² Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования 1842–1892 гг. – Казань, 1893.

³ Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников // Православный благовестник. – 1894. – № 22–23; 1895. – №1–7.

⁴ Покровский И.М. К столетию кафедры татарского языка в духовных учебных заведениях г. Казани (1800–1900) // Православное обозрение. – 1900 – №1. – С.577–609.

⁵ Вознесенский П. Казань и Казанская духовная академия // Православная богословская энциклопедия / сост. под ред. Н.Н. Глубовского. – СПб., 1906. – Т. VII. – С.792–820.

⁶ Харлампович К.В. Казанская духовная академия // Православная богословская энциклопедия /сост. под ред. Н.Н. Глубовского. – СПб., 1907. – Т.ХVIII. – С.702–854.

⁷ Никольский А. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее двадцатипятилетие. (1870–1895 гг.). – М., 1895.

ния работы данного миссионерского объединения, сделать наблюдения и выводы о его четверть вековой деятельности (1870–1895).

Сочинение М.А. Машанова, написанное к двадцатипятилетнему юбилею Братства св. Гурия, до сих пор является исследованием, наиболее полно и всесторонне освещающим историю этого миссионерского института¹. Автор рассмотрел основные направления деятельности братства, ее влияние на религиозное состояние местного населения. В книге основное внимание уделяется распространению православного конфессионального образования среди местных нерусских народов посредством организации «братских» миссионерских школ. Особо важную роль, по мнению М.А. Машанова, братские школы выполняли в контактных зонах, где эти учебные заведения становились центрами влияния православной традиции.

С 1860-х годов православные миссионеры начали широко использовать новые методы христианского просвещения, разработанные известным ученым-востоковедом, педагогом и миссионером Н.И. Ильминским. Жизнь и деятельность Н.И. Ильминского², ввод его системы в общую практику миссионерской деятельности³ рас-

¹ Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). – Казань, 1892.

² Витевский В.Н. Н.И. Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. – Казань, 1892; Знаменский П.В. На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. – Казань, 1892; его же. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. – Казань, 1900; его же. Несколько материалов для истории Алтайской миссии и участия в ее делах Н.И. Ильминского // Православный собеседник. – 1901. – №10. – С.449–488; Филимонов Д.М. О Николае Ивановиче Ильминском. – Казань, 1898; Никольский Н.М. Николай Иванович Ильминский: очерк его жизни и деятельности. – СПб., 1898; Рождествен А. Н.И. Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. – Казань, 1900; Спаский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. – Самара, 1900.

³ Воронец Е. Казанская учительская семинария по отношению к местному населению // Отдельный оттиск из Русского вестника. – 1873. – С.319–344; Износков И.А. Миссионерская деятельность сельского духовенства Казанской епархии. – Казань, 1892; его же. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края: в 3 вып. – Вып.1. – М., 1893; вып.2. – М., 1893; вып.3. – М., 1895; его же. Инородческие школы Братства св. Гурия // Православный благовестник. – 1901. – №1. – С.171–369, №2. – С.35; его же. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Исторический очерк. – М., 1909; Филиппов М. Система инородческого просвещения по сочинениям Н.И. Ильминского // Православный благовестник. – 1899. –

смотрены в ряде изданий. Данная тема довольно хорошо освещена в дореволюционной историографии. Это связано с тем, что после смерти Н.И. Ильминского вокруг созданной им системы разгорелась ожесточенная полемика между ее сторонниками и противниками, продолжавшаяся вплоть до 1917 г. Обе стороны для обоснования своих позиций привлекали материалы по истории развития системы, рассматривали ее эффективность в деле христианизации и русификации нерусских народов. Для этой группы работ характерна субъективизация оценок и фактов, связанных с личностью Н.И. Ильминского и созданной им системы, а часто и явное искажение его идей. Непререкаемый авторитет «апостола поволжских инородцев», обаяние личности Николая Ивановича, под влиянием которой находились практически все его биографы (подавляющее большинство из них были его близкими друзьями и учениками), порой мешали им объективно и всесторонне оценить личность и деятельность данного неординарного миссионера-просветителя.

Благодаря активизации христианского просветительства, внедрению в общую миссионерскую практику системы Ильминского, организации широкой сети миссионерских школ, ввода богослужения на национальных языках, привлечения к проповеднической деятельности национальных кадров в религиозной жизни немусульманских народов края происходят значительные перемены, усиливается влияние православия. Важные сведения об изменениях в конфессио-

№5–9; Зеленин Д.К. Н.И. Ильминский и его просвещение инородцев. – СПб., 1902; Иванов А.И. Миссионерско-педагогическая система Н.И. Ильминского и влияние ее на инородцев // Церковно-приходская школа. – 1903. – №6. – С.24–67; Краснодубовский Г.С. Инородческая школа Казанского края // Московские ведомости. – 1903. – №286–289; Бобровников Н.А. Инородческое духовенство и богослужение на инородческих языках в Казанской епархии // Православный собеседник. – 1905. – Ч.2. – С.177–181; Чичерина С.В. Положение просвещения приволжских инородцев. – СПб., 1906; ее же. О языке преподавания в школах для восточных инородцев. – СПб., 1910; Даулей Р.П. Школа среди инородцев // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.609–616; Смирнов А.В. О системе Н.И. Ильминского // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.617–618; Воскресенский А. Система Н.И. Ильминского в ряду других мероприятий по просвещению инородцев // Ильминский Н.И. О системе просвещения и о Казанской центральной крещено-татарской школе. – Казань, 1913; Афанасьев Т. Ильминский и его система школьного просвещения инородцев Казанского края // Журнал министерства народного просвещения. – 1914. – №52. – С.11–47.

нальном самосознании нерусского населения, процесс восприятия ими христианской традиции содержится в историко-этнографических сочинениях. Большой вклад в изучение религиозных представлений коренного населения края внесли представители миссионерской школы этнографии. Особое внимание миссионеров привлекало религиозное состояние крещеных татар. В работах Е.А. Малова¹, Е. Воронца², М.А. Машанова³, Н. Одигитриевского⁴, Н.И. Ильминского⁵, И.А. Износкова⁶, С.А. Багина⁷ отмечается усиление процесса конфессиональной дифференциации среди крещеных татар. Часть крещеных татар (в первую очередь «старокрещеные») под влиянием православных миссионеров укрепляется в христианстве, православие становится составной частью их этнического самосознания (этот процесс выразился в формировании устойчивой субэтнической группы православных татар-кряшен), другая их часть предпочла религиозную и национальную интеграцию в единое татарское культурно-национальное поле («отпадение» в ислам).

Наряду с работами церковных публицистов, проблема утверждения православия и ислама среди народов Волго-Камья поднималась в трудах светских исследователей. Среди них выделяется сочинение Б.М. Юзифовича⁸, написанное на основе материалов, собранных авто-

¹ Малов Е.А. Нынешнее религиозное состояние крещеных татар Заволжского края // Православное обозрение. – 1866. – Т.20. – С.62–80.

² Воронец Е. Материалы для изучения и обличения мухаммеданства. Отпадения инородцев христиан в мухаммеданство с русской государственной точки зрения. – Орел, 1876; его же. О свободе веры и современных внутри России отпадениях от христианства в мухаммеданство. Дополнение к книге: 3 вып. материалов для изучения и обличения мухаммеданства. – Казань, 1877.

³ Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. – Казань, 1875.

⁴ Одигитриевский Н. Крещеные татары Казанской губернии. Этнографический очерк. – М., 1895.

⁵ Ильминский Н.И. Записка Н.И. Ильминского по вопросу об отпадениях крещеных татар Казанской губернии 1881 года // Православный собеседник. – 1895. – №1. – С.256–275.

⁶ Износков И.А. Об отпадших и отпадающих из православия инородцах. – Казань, 1907.

⁷ Багин С.А. Об отпадании в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и причинах этого печального явления. – Казань, 1910.

⁸ Юзифович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в Восточных губерниях России. – СПб., 1883.

ром в ходе ревизионной поездки по Казанской и Уфимской губерниям в составе комиссии сенатора Ковалевского (1881 г.). Анализируя ход миссионерской деятельности РПЦ в Волго-Камье, Б.М. Юзифович приходит к выводу о полном провале приводившегося курса по утверждению христианства среди мусульман в XVIII – первой половине XIX в. Автор довольно подробно освещает процесс исламизации номинальных христиан, «отпадения» крещеных татар в ислам и методы борьбы с этим явлением. Очень интересна его оценка конфессиональной идентичности новокрещеных татар. По мнению Б.М. Юзифовича, новокрещеные, несмотря на номинальное принятие христианства, всегда сохраняли свое мусульманское самосознание.

Проблеме изменения традиционных религиозных представлений коренных народов региона под влиянием новых форм миссионерской деятельности во второй половине XIX – начале XX вв. посвящена работа ученого-этнографа С.В. Чичериной «У приволжских инородцев»¹, составленная на основе ее впечатлений от путешествия по губерниям Среднего Поволжья в 1904 г. На основании большого этнографического материала о религиозном положении местных нерусских народов, собранного от множества корреспондентов, автором был сделан вывод о значительном влиянии системы Ильминского на конфессиональную идентичность «инородцев». В то же время С.В. Чичерина была вынуждена констатировать абсолютную неэффективность применения системы в деле утверждения православия среди «официальных» и «неофициальных» мусульман. Признавая большую научную значимость этого сочинения, необходимо отметить его недостатки. С.В. Чичерина, являясь горячей поклонницей идей Н.И. Ильминского, излишне абсолютизировала и идеализировала созданные им методы христианского просвещения, не обращая внимания на другие важные этносоциальные факторы, повлиявшие на эволюцию религиозного самосознания местных нерусских народов.

Несмотря на попытки справиться с «исламской угрозой», активизировать христианизацию мусульман, решить данные задачи православным миссионерам полностью не удалось. Напротив, во второй половине XIX – начале XX вв. ислам превращается в реального оппонента православия в «борьбе за умы», что вынуждало миссионеров всерьез заняться изучением «мусульманского вопроса» в России. Пионером в данной области становится известный казанский мис-

¹ Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. – СПб., 1906.

сионер Е.А. Малов. Уже в студенческие годы он увлекся изучением положения ислама в России. В своем дипломном сочинении «История мусульманства в России»¹ он попытался показать социально-политическое положение мусульман в России, развитие исламских религиозных институтов, формирование и эволюцию религиозной политики государства по отношению к российской умме. Центральный вопрос, волнующий автора – причины усиления исламского влияния в Волго-Уральском регионе, усиление исламизации и реисламизации номинальных христиан, провал политики христианизации мусульманского населения. Главным фактором, повлиявшим на складывание этой ситуации, по мнению Е.А. Малова, стало изменение позиции светских властей по отношению к исламу, признание его одной из терпимых в империи вероисповеданий. Проводившаяся со времен Екатерины II политика по институционализации мусульманских религиозных учреждений в общеимперское пространство привела к значительному увеличению мусульманских культовых учреждений и конфессиональных учебных заведений (мектебе и медресе), оказывавших все большее влияние на религиозное состояние, как самих мусульман, так и других нерусских народов края. Данная мысль была развита ученым-миссионером в другой работе «О татарских мечетях», опубликованной в 1867 г. в печатном органе КазДА – журнале «Православный собеседник»². Опираясь на широкую базу архивных документов и законодательных актов, автор скрупулезно проследил динамику численности мечетей в Казанском крае во второй половине XVI – первой половине XIX вв., проанализировал изменение законодательства в отношении богослужебных заведений, духовенства и махаллей.

Яркой антиисламской направленностью характеризуются работы Н.П. Остроумова³ и Е. Воронца¹. Исходя из тезиса о крайней

¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. Ф.7. Оп.1. Д.1.

² Малов Е.А. О татарских мечетях // Православный собеседник. – 1867. – Ч.3. – С.285–320.

³ Остроумов Н.П. Заметка об отношении мухаммеданства к образованию крещеных татар // Отдельный оттиск без библиографических данных. – С.87–110; его же. Исторический опыт взаимоотношений между христианством и мусульманством. – СПб., 1888; его же. Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухаммедан. – Казань, 1894; его же. Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую

враждебности ислама и мусульман к христианству и его приверженцам, невозможности мирного сосуществования последователей двух религиозных традиций (исламской и христианской) внутри одного государства, авторы считали возможным интеграцию мусульман в социальное пространство России лишь путем их религиозной унификации. Одними из первых Н.П. Остроумов и Е. Воронец заговорили о мнимой «опасности» усиления ислама, «татаризации» и исламизации «инородцев», стремлении к объединению мусульман, росте среди них «пантюкистской» и «панисламистской» пропаганды.

Дальнейшее усиление интереса миссионерских публицистов к «мусульманскому вопросу» в России отмечается после объявления манифеста от 17 октября 1905 г. о введении в стране основ гражданских свобод, приведшей к росту социальной активности российской уммы, усилению исламизации нерусского населения в контактных зонах, что не могло не вызывать опасения миссионеров и церковных публицистов. В трудах М.А. Миропиева², Я.Д. Коблова³, епископа Андрея (князь Ухтомский)⁴, епископа Алексия (Дородницин)⁵,

деятельность православной русской церкви // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.336–346.

¹ Воронец Е. Основные черты распространения христианства на Руси 900 лет назад и ныне. – Харьков, 1890; его же. Будут ли открыты отделения всероссийского миссионерского общества во всех епархиях? – СПб., 1886; его же. Нужны ли для России муфтии? – М., 1891.

² Миропиев М.А. О положении русских инородцев. – СПб., 1901.

³ Коблов Я.Д. Граф Л.Н.Толстой и мусульмане (по поводу переписки Л.Н. Толстого к казанским татарам). – Казань, 1904; его же. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – №9. – С.323–325; его же. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань, 1907; его же. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. – Казань, 1908; его же. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.351–375; его же Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916.

⁴ Андрей, епископ. О мерах к охранению Казанского края от постепенного завоевания ими татарами. – Казань, 1908; его же. О нормальном положении православия в Православном русском царстве. – Казань, 1908; его же. О печальных последствиях русской некультурности и о лучшем будущем в этом отношении. – Уфа, 1916.

⁵ Алексий. Современное движение в среде русских мусульман. – Казань, 1910.

С.А. Багина¹, М.А. Машанова², П.В. Знаменского³ рассматриваются вопросы о начавшемся процессе вестернизации и модернизации мусульманской общины, поднимаются проблемы роста межкультурных контактов между крещеными татарами и татарами-мусульманами. Кроме большого фактологического материала, в этих сочинениях зафиксированы мнения идеологов православной миссии по «мусульманскому вопросу», проекты по нейтрализации влияния ислама среди народов Российской империи.

Историографический обзор дореволюционных работ был бы неполон без работ известных мусульманских ученых-просветителей Ш. Марджани⁴, Р. Фахретдина⁵. Суждения этих авторов заслуживают особого внимания, так как они выражают общую позицию татар-мусульман по отношению к проводившейся политике христианизации. В своих фундаментальных исторических хрониках эти ученые обратили внимание на взаимоотношение ислама и православия после присоединения Казанского края к русскому государству, в общих чертах осветители процесс выстраивания отношений государства с его новыми подданными из мусульман, деятельность православных проповедников среди местных народов.

В целом, можно отметить, что данная тема нашла отражение во многих работах дореволюционных исследований. Несмотря на описательный характер и идеологическую направленность большинства работ, эти труды сыграли важную роль в изучении данной проблематики, накопив богатую источниковую базу по истории христианизации татар.

¹ Багин С.А. Пропаганда ислама путем печати. – Казань, 1909; его же. Татаро-мусульманская печать // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.513–522.

² Машанов М.А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – С.235–335.

³ Знаменский П.В. Казанские татары. – Казань, 1910.

⁴ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989.

⁵ Фәхретдин Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан, 1993.

Христианское просвещение и религиозные движения
(реисламизация) крещеных татар Волго-Камья
в XIX – начале XX вв.

В ходе длительного процесса восприятия православной религиозной традиции, церковно-административной деятельности, направленной на христианизацию нерусских народов Восточной России, к началу XIX в. в Волго-Уральском регионе образовалась довольно многочисленная группа крещеных татар. Традиционно в их составе выделяют две локальные группы: это т.н. «старокрещеные» (таза керәшен) и «новокрещеные» татары (яңа керәшен). По мнению большинства дореволюционных (Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, А. Хрусталева, А.Ф. Можаровский, К.В. Харлампович, Н.В. Никольский и др.), ряда советских (В.М. Горохов, А.Н. Григорьев) и современных (И.К. Загидуллин, Р.Г. Галлям, Н.В. Крайсман и др.) исследователей рубежом в формировании этих двух групп стало создание в 1740 г. «Конторы дел новокрещенских» (Новокрещенская контора) и связанное с этим проведение акции массового обращения в христианство татар-мусульман. Другое мнение представлено в работах Ф.Г. Ислаева, который в ходе изучения данного вопроса пришел к выводу о четком разделении этих групп уже во время проведения первой общероссийской ревизии 1722 г. Несмотря на довольно условный характер этого разделения и самой его привязки к определенному событию, необходимо подчеркнуть, что она имеет определенные основания. Старокрещеные и новокрещеные татары, имевшие общие этнические корни (принадлежность к татарской общности), официально относившиеся к одной конфессии (православию) и часто упоминавшиеся в дореволюционных документах под общим названием «крещеные татары», имели значительные различия в религиозности и традиционной культуре.

В отличие от старокрещеных татар, религиозные верования которых носили сложный синкретический характер, составной частью которых являлось христианство, основная масса новокрещен, несмотря на номинальное принятие православия, продолжала считать себя частью мусульманской общины и тайно соблюдала предписания исламского вероучения. Важную роль в сохранении у данной группы мусульманского самосознания сыграло их совместное проживание с татарами-мусульманами.

Двойственное положение новокрещен, придававшее им маргинальный статус внутри татарского общества, вынуждало их искать пути к легализации своего действительного конфессионального статуса. Ослабление церковно-административного контроля, либерализация религиозного законодательства в последней трети XVIII – начале XIX вв. привели к попыткам отдельных лиц из ранее крестившихся официально вернуться в ислам.

Первые случаи «отпадений» от православия стали отмечаться вскоре после роспуска Новокрещенской конторы и провозглашения запрета насильно обращать мусульман в православие (1764 г.). К началу XIX в. это движение приобрело массовый характер. В 1802–1803 гг. о своем желании открыто исповедовать ислам заявили новокрещенные татары деревень Маклаково, Базлово, Ишеево, Андреевка Васильского (Васильсурского) уезда Нижегородской губернии¹. Движение затронуло также соседнюю Казанскую губернию, хотя здесь случаи отхода от православия были единичными². В ходе расследования причин «отпадений» в Нижегородской губернии выяснилось, что эти татары, несмотря на принятие православия, продолжали исполнять мусульманские обряды, отдавать своих детей для обучения в мусульманские конфессиональные школы.

Рост реисламизации новокрещенных татар сыграл важную роль в пересмотре политики государства по религиозной унификации татар. Произошел отказ от дальнейшего массового крещения татар-мусульман и переход от территориального расширения влияния православия к утверждению в христианстве обращенных в предшествующее время – фактически это явилось началом действительной христианизации (т.е. процесса внутреннего утверждения в православии крестившихся). Именно первые случаи массовых «отпадений» 1802–1803 гг. привели к попыткам государственной и церковной администраций усилить христианско-просветительскую деятельность среди крещеных татар. Для этого указом от 22 января 1803 г. духовному начальству Поволжских и Сибирских епархий было предписано перевести на татарский язык символы веры, десятословие и некоторые употребительные православные молитвы. Обращалось внимание на необходимость активизации миссионерской деятельности среди крещеных татар, изучения

¹ РГИА, ф.796, оп.84, д.4, л.31.

² Малов Е.А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // Православный собеседник. – 1868. – № 2. – С.325.

церковным причтом смешанных приходов татарского языка, чтения проповедей на родном языке прихожан¹.

Впрочем, стремление духовного ведомства изменить сложившуюся среди крещеных татар религиозную ситуацию, качественно улучшить постановку проповеднической деятельности не привело к заметным последствиям и существенным изменениям в их религиозном сознании. Православное духовенство, не владевшее татарским языком и не имевшее специальной подготовки, не смогло решить возложенные на него задачи. Сами новокрещены, желание которых исповедовать ислам было связано не только с религиозными, но и этнокультурными предпочтениями, также не были готовы к отказу от прежнего конфессионального состояния и действительному принятию христианства.

В 1811 г. и 1824 г. отмечаются новые «отпадения», в которых приняли участие жители дер. Каюково (Куюк), Азеево, Ромашкино Чистопольского уезда Казанской губернии². В 1825 г. на высочайшее имя было подано 2 прошения о желании вернуться в ислам от крещеных татар Елабужского уезда Вятской губернии³. Еще большие масштабы движение приобрело в 1827 г., когда только по официальным данным о своем желании публично исповедовать ислам заявили 3 274 чел., проживавших в Свяжском, Цивильском, Тетюшском, Буинском, Симбирском, Ставропольском уездах Казанской епархии, Бузулукском уезде Оренбургской епархии⁴.

Для борьбы с «отпадениями» указом от 23 июня 1827 г. Св. Синод предписал казанскому архиепископу Иону (Павинский) учредить в Казанской епархии должности особых проповедников, назначаемых из числа священников, знающих языки местных народов, предоставить им наставления и направить в селения «отпавших»⁵. Были назначены: по Свяжскому и Тетюшскому уездам протоиерей Иоанн Световидов, по Цивильскому – протоиерей Андриан Гальбан-

¹ ПСЗ–1. – Т. XXVII. – №20535.

² Малов Е.А. Указ. соч. – С.229.

³ РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, л.11.

⁴ Там же. Л.159.

⁵ Необходимо отметить, что данный термин, закрепившийся в русскоязычной историографии (в татарской традиции – *رل موركم* (махруклар)), имеет довольно условный характер.

ский, по Симбирскому, Буинскому и Ставропольскому уездам – про-
тоиерей Андрей Милонов¹.

При поддержке чиновников уездных правлений и местной поли-
ции православные миссионеры должны были путем увещаний воз-
вращать «уклонившихся» в лоно церкви. Не имея реальных рычагов
воздействия на религиозные воззрения «отпавших», миссионеры ак-
тивно применяли принудительные методы, привлекали администра-
тивный ресурс. Вполне понятно, что в таких условиях сама процеду-
ра увещевания мало напоминала религиозное наставление. Основы-
ваясь на рапортах миссионеров, можно выделить общую форму, по
которой велись эти увещевания. Органы полиции собирали в при-
ходском селе «уклонившихся» в ислам татар, после чего в присутст-
вии местной полиции приезжие миссионеры через переводчика из
татар-мусульман (ни один из назначенных проповедников не владел
татарским языком) сообщалось новокрещенам, что их просьбы «не-
лестные и богопротивные и не только удовлетворены быть не могут, а
напротив преложа монаршее милосердие... могут их подвергнуть
жестокому наказанию»². «Отпавших» подвергали допросам с раз-
личными формами «воздействия», самых «несговорчивых» подвер-
гались аресту и отправлялись для дальнейшего увещевания в духов-
ную консисторию, против них возбуждались уголовные дела, они
лишались права состояния, а их имущество переходило под опеку
государства. С согласившихся оставить мусульманство бралась осо-
бая подписка в том, что они в дальнейшем будут неукоснительно
соблюдать предписания православной церкви.

Конечно, такие действия могли привести только к внешним ре-
зультатам. Многие крещеные татары, запуганные действиями вла-
стей и разуверившиеся в возможности легализации своего положе-
ния, предпочитали вернуться в прежнее состояние. Уже к концу
1828 г. подавляющее большинство татар, подавших в 1827 г. проше-
ния о дозволении им исповедовать ислам, вернулись в православие.
Несмотря на это, они продолжали тайно исповедовать ислам.

Попытку изменить сложившуюся ситуацию предпринял назначен-
ный 25 февраля 1828 г. на казанскую кафедру молодой и энергичный

¹ ПСПР. Царствование государя императора Николая I. – Т.1. – № 169.
– С.224.

² Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просве-
щению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. – М.: Университетская
тип., 1880. – С.121.

архиепископ Филарет (Амфитеатров). По его инициативе были приняты меры по проведению объективного анализа причин возвращения крещеных татар в ислам, реального религиозного положения ново-крещен. Указом от 13 декабря 1828 г. он предписал духовной консистории собрать данные: «1) сколько вообще крещеных инородцев по племенам в Казанской губернии и особо в губернии Симбирской; 2) сколько из этого числа оставили свои магометанские и языческие заблуждения; 3) сколько... придерживающих тех заблуждений»¹.

Согласно присланным сведениям оказалось, что большинство новокрещеных татар (10 526 чел. (87%) по Казанской губернии и 2 532 чел. (95%) по Симбирской губернии) продолжало придерживаться своих «магометанских заблуждений»². При этом выяснилось, что местные священники не только не занимались утверждением в православии своей «новокрещенской» паствы, но, напротив, «потворствовали их заблуждениям». В частности, некоторые священники, полностью завися от денежных пособий своих прихожан из крещеных татар, закрывали глаза на то, что они не посящают церковь, не бывают на исповеди и причастии, а ходят в мечеть и принимают у себя мулл, возбуждая дела и преследуя их лишь в случае неуплаты ими положенных за духовные требы денег³.

Эти сведения, наглядно раскрывая реальное положение дел, заставили руководство духовного ведомства всерьез задуматься о методах утверждения крещеных татар в православии. Разработка новой концепции миссионерского дела была поручена казанскому архиепископу Филарету. Составленные им проекты («Правила о наставлении и утверждении новокрещеных в вере христианской», «Инструкция миссионерам как потребное для них руководство и наставление при исполнении миссионерских обязанностей», «Проект особого учреждения для образования миссионеров при Казанской семинарии применительно к потребностям Казанской и окрестных епархий») были найдены Св. Синодом «весьма основательными» и 11 мая 1830 г. получили высочайшее утверждение⁴. Теоретические разработки казанского архипастыря стали «инструкцией для применения»

¹ Можаровский А. Указ. соч. – С.150–151.

² Там же. – С.151.

³ РГИА, ф.797, оп.15, д.35644, л.4.

⁴ ПСПР. Царствование государя императора Николая I. – Т.1. – №303. – С.438.

для всех православных миссий внутренней России¹. В этих проектах предусматривались учреждение постоянной миссии во главе с архиереем, назначение в национальные приходы священников, хорошо знающих язык своих прихожан, привлечение к христианско-просветительской деятельности сельских священников, перевод религиозной литературы на местные языки, проведение православного богослужения на местных языках, устройство особого учебного заведения для подготовки миссионеров².

План Филарета представлял собой новый взгляд на задачи православной миссии. В соответствии с идеями казанского архипастыря главной целью организации новых институтов должны были стать перестройка миссионерского дела и переход от принудительных методов к христианскому просветительству. Но проект Филарета, намного опередивший свое время, в исторических реалиях николаевской России оказался практически невыполним. Именно с этим, на наш взгляд, связан тот факт, что ни один из его основных пунктов, несмотря на государственную поддержку, так и не был полностью реализован. Система местного церковного управления оказалась явно не готовой воплотить в жизнь те грандиозные планы, которые предлагались автором. Хотя указом от 23 мая 1830 г. Св. Синодом предписывалось, «чтобы в воскресные и праздничные дни во всех новокрещеных церквях, при служении литургии и прочих молитвословия... читаны были на их (родном. – *Р.И.*) языке»³, вследствие незнания священниками языков нерусского населения края, отсутствия качественных переводов православных молитв это предписание практически не выполнялось.

Не имея возможности качественно улучшить христианско-просветительскую деятельность среди номинальных христиан, православная церковь была вынуждена все активнее прибегать к помощи администрации и полиции. По инициативе архиепископа Филарета «упорствующих» стали ссылать в монастыри. По решению Св. Синода от 19 апреля 1829 г. 16 «отступников» были отправлены в Раифский и Свяжский монастыри⁴. Над крещено-татарскими при-

¹ Там же. – №298. – С.428–432.

² Сергей, архимандрит. Высокопреосвященный Филарет (Амфитеатов) митрополит Киевский и Галицкий и его время. – Казань, 1888. – Т.2. – С.65.

³ Цит. по: Казанская центральная крещено-татарская школа. – Казань, 1887. – С.344.

⁴ ГАУО, ф.322, оп.3, д.8, л.115.

ходами был установлен строгий контроль. Функции наблюдения и контроля за национальными приходами и их причтом стали ключевыми направлениями деятельности миссионеров.

Усиление церковного контроля и административного давления само по себе не могло решить проблему «отпадений». Как справедливо отмечает современный исследователь Л.А. Таймасов, данные действия не лечили болезнь, а загоняли ее внутрь, усиливая антицерковные настроения среди новокрещен¹. Ужесточение контроля за крещено-татарскими приходами привело к новому всплеску волны «уклонений» в ислам. В условиях, когда церковные и государственные структуры начали строго следить за исполнением предписаний православного вероучения, пресекать любые формы отклонений от православия, новокрещенам становилось все тяжелее оставаться в своем прежнем религиозном состоянии. Эти действия разрушали традиционный религиозный уклад их жизни, ставили вопрос о четком определении конфессиональной принадлежности. Именно этим можно объяснить тот факт, что новые «отпадения» принимали все более ожесточенный и бескомпромиссный характер. «Отпавшие» не могли, как прежде, формально вернуться в православие, продолжая тайно исповедовать мусульманское вероучение. Теперь от них требовалось полностью отказаться от ислама и стать «настоящими» христианами. В этой ситуации «неофициальные» мусульмане, «отпав», уже ни при каких условиях не соглашались вернуться в православие.

Попытки справиться с отходом в ислам старыми методами не приносили каких-либо видимых результатов. Это вынудило правительство поддержать предложение казанских миссионеров по массовому переселению «уклонившихся» в русские селения. В ответ на новые «отпадения», охватившие в 1832–1836 гг. татарские деревни Спасского, Свяжского, Лаишевского, Чистопольского уездов Казанской губернии, Симбирского, Буинского, Корсунского уездов Симбирской губернии, Бузулукского уезда Оренбургской губернии, власти начали переселять крещеных татар в русские селения. Всего с 1834 г. по 1850 г., по неполным данным, по высочайшей воле было

¹ Таймасов Л.А. К истории православного миссионерства в Среднем Поволжье: утверждение идей христианского просвещения в Казанской епархии в конце XVIII – начале XX века // Всероссийская научная конференция «Волжские земли в истории и культуре России» // Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r60729/rgnfl.pdf.

предписано переселить в русские селения 2 696 крещеных татар и чуваш Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний.

Неповоротливость административно-полицейской машины николаевской России, различные злоупотребления превращали переселения в жестокую экзекуцию, подрывали экономическое состояние крестьянских хозяйств «отпавших»¹. Положение усугублялось тем, что местные власти не особо утруждали себя внимательным разбором этого сложного вопроса. Сами действия носили явно репрессивный характер, направленный, в первую очередь, на давление и запугивание «отступивших» с целью возвращения их в православие.

Несмотря на жесткие действия властей, полностью подавить вспыхнувшее движение не удавалось. В начале 1840-х гг. обнаружались новые случаи отхода крещеных татар от православия. В ответ на усиление «отпадений», которые начали рассматриваться властью как серьезная угроза интересам православной церкви и государства в регионе, правительство пошло на дальнейшее ужесточение мер борьбы с отходом «новокрещен» от православия. Наряду с переселениями, судебными делами против «совратителей», на основе высочайше утвержденных указов от 20 ноября 1849 г. и 4 июля 1855 г. стали применяться такие меры, как расторжение браков, совершенных по мусульманскому обряду, «отобрание» детей у родителей до возвращения их в православие, их насильное крещение². Но применение даже самых суровых административных мер оказывалось все менее эффективным в борьбе с реисламизацией крещеных татар. Как показала практика, эти действия приводили лишь к озлоблению основной массы «отпавших», осложнению межконфессиональной ситуации в регионе. Кроме того, применение административного ресурса создавало значительные трудности для местных органов исполнительной и судебной власти. Вследствие массовости «отпадений» в ислам переселять «уклонившихся» в русские селения становилось все сложнее. Несмотря на высочайшие указания о массовом переселении «отпавших», с середины 40-х гг. XIX в. эти предписания практически перестали выполняться, принятие решений по данным делам затягивалось на неопределенное время³. Немаловажной

¹ НА РГ, ф.1, оп.2, д.292, л.1.–1 об.

² НА РГ, ф.4, оп.97, д.34, л. 232–233.

³ НА РГ, ф.2, оп.1, д.1372, л.1.

причиной свертывания данной деятельности стало осознание ее неэффективности в деле утверждения крещеных в православии¹.

Еще большие сложности возникали у местных властей с крещением детей «отпавших». «Уклонившиеся» в ислам, по наблюдениям местных чиновников и полицейских, готовы были скорее подвергнуться суду и ссылке в Сибирь, чем отдать своих детей для крещения православным священникам. Так в селе Омары после объявления мамадышским уездным исправником решения о принудительном отобрании детей и их крещении, татары, закрывшись в одной из деревенских изб, «взять себя и детей под надзор не позволили, угрожая при этом скорее лишиться себя и детей жизни, чем отдать их в посторонние руки»². К тому времени многие из этих детей были уже взрослыми, что создавало дополнительные трудности в утверждении их в православии. Не признавая их мусульманами, государство и церковь в то же время не имели возможности крестить их, так как это противоречило церковным канонам и российскому законодательству³.

Не лучше обстояло дело и с борьбой против «незаконных браков». Согласно указу Св. Синода от 23 мая 1855 г., «вступивших... в супружество, без всякого обряда, если окажется, что жены их крещены, принять меры к соглашению их на брак по христианскому обряду; но в случае несогласия их на то, выслать их в прежнее жителство и подчинить их строгому надзору сельского общества»⁴. Попытки властей привести данную меру в исполнение вызвали сильные волнения, вылившиеся в акции массового неповиновения. Даже там, где посредством частей внутренней стражи полиции удавалось выслать жен к родителям, они при первой же возможности возвращались к своим мужьям⁵.

Массовость движения и упорство его участников в отстаивании своих прав привели к тому, что рассмотрение вопросов по этим процессам растягивалось на долгие годы. Суды и уездные управы были буквально завалены нерешенными делами об «отпадениях». Несмотря на попытки ускорить их решение, многие из этих дел не сдвигались с мертвой точки в течение десятилетий. Как жаловались представители местных органов полиции, для расследования всех случа-

¹ НА РТ, ф.2, оп.1, д.1372, л.2.

² НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.234.

³ НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.237.

⁴ НА РТ, ф.4, оп.86, д.66, л.24об.-25

⁵ НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.237.

ев «отпадения» от них требовалось бы отказаться от решения всех остальных уголовных дел во вверенных им округах, но даже при этом полностью закончить все дела, связанные с «отпадениями», было бы практически невозможно¹.

Осознавая невозможность дальнейшего ужесточения административного преследования «отпавших», что могло привести к усугублению и без того сложной ситуации, невозможности решения проблемы путем использования лишь принудительных методов воздействия, государство приступило к постепенному свертыванию репрессивных мер в отношении «неофициальных» мусульман. В 1858 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев уведомил обер-прокурора Св. Синода о том, что «находит меру разлучения татарок с их сожителями и отображение детей их... крайне для них тягостной и с видами правительства о благосостоянии целого селения не согласною»². П.Д. Киселева поддержал министр внутренних дел, с подачи которого 14 июля 1861 г. Александр II приостановил действие указа от 29 мая 1855 г.³

В 1860-х гг. отмечается новая волна отхода крещеных татар от православия в ислам. В начале 1865 г. среди татар стали муссироваться слухи о вышедшем царском указе, в котором якобы крещеным разрешалось исповедовать ислам, что вызвало среди них сильное брожение, а вскоре и открытое движение за переход в ислам⁴. В 1866 г. движение охватывает Чебоксарский, Цивильский, Свяжский, Царевококшайский, Казанский, Мамадышские уезды Казанской губ. (125 селений)⁵, Симбирский и Буинские уезды Симбирской губернии (35 селений, включая г. Буинск)⁶. Кроме Казанской и Симбирской, движение за возвращение в ислам отмечались в соседних Вятской и Нижегородской губерниях, где прошения о причислении к мусульманским приходом подали жители 18 деревень⁷.

¹ НА РТ, ф.13, оп.1, д.322, л.4 об.

² НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.249.

³ НА РТ, ф.2, оп.1, д.2087, л.99.

⁴ Малов Е.А. Нынешнее религиозное состояние крещеных татар Заволжского края // Православное обозрение. – 1866. – Т.20. – С.62.

⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.229, 230.

⁶ Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород, 2007. – С.190.

⁷ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. – СПб., 1870. – С.56–57, РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.743. Л.160–160 об.

Наиболее массовый характер движение приобрело в Казанской губернии, где по официальным данным количество «отпавших» достигает цифры в 9 000 человек¹. Только в Казанском уезде из всех крещено-татарских приходов, в которых до «отпадения» насчитывалось 2 500 номинальных христиан, верным церкви остался лишь один приход².

Отличительной чертой этих «отпадений» было то, что в них наряду с новокрещеными активное участие принимали и старокрещеные татары. В 1866 г. в ислам «уклонились» старокрещеные татары дер. Большие Кибяк-Кози (Кибяк-Ходжа) Лаишевского уезда, Елышево³, Никифорово (Чия баш) (2 семейства)⁴ Мамадышского уезда Казанской губернии, Сорока-Сайдак, Нижний Чепкас, Утево, Ишмурзино, Большие Аксы Буинского уезда Симбирской губернии⁵. Еще больше случаев «отпадений» старокрещен отмечалось во время движения 1870–1872 гг., охватившего Казанский, Мамадышский, Лаишевский уезды Казанской, Елабужский и Малмыжский уезд Вятской, Буинский и Симбирский уезды Симбирской губерний, Бугульминский и Самарский уезды Самарской губернии. Прошения о признании их мусульманами подали старокрещеные деревень Верхние Билятлы, Янылы, Отары⁶, Янасал⁷, Живут себе Усадом⁸, Починок Шемордан⁹, Три сосны, Большие и Малые Савруши, Салтыган Ключ, Сосновый Ключ¹⁰ Мамадышского уезда, Верхний и Нижний Азяк Казанского уезда и губернии¹¹, Новая Салаван Самарского уез-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. – Казань, 1884. – С.8.

² Малов Е.А. Отпадения крещеных татар от православия // Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Дневник миссионера: сб. ст. – Казань, 1892. – С.329.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.226, л.1.

⁴ НА РТ, ф.967, оп.1, д.179, л.1.

⁵ ГАУО, ф.134, оп.7, д.149, 155.

⁶ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2813, л.1.

⁷ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2563, л.59.

⁸ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2813, л.14.

⁹ НА РТ, ф.4, оп.98, д.9, л.9.

¹⁰ Малов Е.А. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых других епархий, в Волжском бассейне // Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар: сб. ст. – Казань, 1892. – С.380–382.

¹¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2812, л.27.

да и губернии¹. Случаи перехода в ислам отмечались и среди старокрещеных татар Елабужского уезда Вятской губернии².

Практически всеобщий отход из православия новокрещеных татар и рост числа «отпадений» среди старокрещеных татар в 1860–1870-х гг., наряду с внешними причинами, связанными с либерализацией политики государства в конфессиональной сфере, проведением Великих реформ, были напрямую связаны со сложными этнокультурными процессами, протекавшими в татарском обществе. Рост консолидационных процессов среди татар, отмечаемое в это время, формирование татарской нации и создание единого культурно-информационного пространства, привели к разрушению прежних сословно-социальных, культурных, а также частично конфессиональных границ между отдельными группами татар. Для крещеных татар этот процесс характеризовался отходом от православия в ислам, что связывалось с их желанием интегрироваться в татарское культурное и национальное пространство, возможным лишь при условии принадлежности к мусульманской конфессии.

Усиление исламизации старокрещеных татар, которые до этого считались более укрепленными в христианстве, чем новокрещены, отмечаемое с 1830-х гг., было вызвано разрушением их прежней замкнутой системы организации сельской общины и кризисом традиционного религиозного («языческого») мировоззрения, делавшими их восприимчивыми к внешним религиозным влияниям. Повышение трудовой мобильности (отхожих промыслов), которые начинают играть все большее значение в жизни старокрещеных татар в пореформенный период привело к укреплению их культурных контактов с соплеменниками из числа мусульман, и как следствие, к усилению влияния ислама. Большинство «отпавших» из дер. Елышево, Кибяк-Козей, Верхней и Нижней Азяки, Отары, Апазово занимались портняжничеством среди татар-мусульман Казанской и соседних губерний. Подолгу проживая среди последних, они подпадали под их культурное и религиозное влияние, начали одеваться «по-татарски», брить головы, посещать мечеть, отдавать своих детей на обучение мусульманскому духовенству³. Именно этим можно объяснить тот факт, что, в отличие от новокрещен, которые «отпадали» всем сельским обществом, среди старокрещен в ислам переходило преимущественно молодое поколе-

¹ ГАСО, ф.32, оп.1, д.2245, л.4–5.

² Вятские епархиальные ведомости. – 1872. – №15. – С.357.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.1818, л.4.

ние, занятое на отхожих промыслах. «Эта молодежь, – по словам казанского архиепископа Антония (Амфитеатров), – обращаясь с магометанами, очень легко усваивала обычаи и учение их, переняла совершенно магометанский костюм и делалась особой партией в деревне»¹. В то же время старое поколение преимущественно оставалось в православии, «желая жить так, как жили их отцы и деды». В отличие от новокрещен, старокрещены при «отпадениях» не отрицали своего христианского прошлого, но при этом подчеркивали, что «они татары, а у татар должна быть вера татарская, то есть мусульманская, а не русская православная»². Не случайно старокрещеные (как, впрочем, и другие нерусские народы) для обозначения своего отхода от православия использовали такие понятия, как «вышедший», «ушедший в татары», ставший «настоящим татарин»³.

В целом, по наблюдениям православных миссионеров в обыденной жизни старокрещеных татар отмечались повышение уровня присутствия исламской религиозной обрядовости, усиление культурного влияния татар-мусульман. По отзыву М.А. Машанова, совершившего летом 1874 г. поездку по селениям старокрещеных татар Мамадышского уезда: «Все крещеные без исключения имеют громадное знание мухаммеданства. Часто высказывая мухаммеданское понятие или исполняя мухаммеданский обряд, крещеный и не подозревает, что тут таится мухаммеданство, а считает его христианским наследием... Вся жизнь крещеного проникнута этим мухаммеданским элементом. Стоит только посмотреть на религиозные отправления крещеных, чтобы убедиться в этом; стоит только прислушаться к молитвенным воззваниям, и вы увидите, что мухаммеданство занимает довольно большой уголок в сердце крещеного. От крещенина никогда не услышишь христианской молитвы... а между тем везде слышатся мухаммеданские молитвы предначинательные и заключительные»⁴.

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.3068, л.19.

² НА РТ, ф.4, оп.1, д.121647, л.217 об.

³ Андреев И. Дневник учителя Трехсосенской школы Ильи Андреева за октябрь, ноябрь и декабрь 1874 г. // Известия по Казанской епархии. – 1877. – №18. – С.488–498; Малов Е. Очерк религиозного состояния крещеных татар подвергшихся влиянию магометанства (миссионерский дневник). – Казань, 1872. – С.75.

⁴ Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. – Казань, 1875. – С.14, 20.

Наряду со случаями открытых «отпадений», среди старокрещен повсеместно фиксировались случаи тайного отхода от христианства¹. Многие из «тайных» мусульман, наряду с «отпавшими», для исправления духовных треб начинают пользоваться услугами мусульманского духовенства, тайно соблюдать предписания исламского вероучения². Одним из каналов исламизации старокрещен были их семейные контакты с «отпавшими». Женясь (или выходя замуж) на крещеных татарках тех селений, где были сильны исламские традиции, муж (или жена) попадал под влияние ислама. В таких семьях часто устанавливались мусульманские традиции, дети получали исламское воспитание. Рост исламизации старокрещен отмечается повсеместно, при этом данный процесс был слабо связан с ростом прозелитической активности «официальных» мусульман. Анализируя этот процесс, Н.И. Ильминский писал: «В религиозном отношении большинство крещеных татар, длительное время безразличное к христианству и магометанству, в новейшее время более и более проникала магометанскими понятиями, расположено сочувственно к магометанству. Среди так подготовленного и одушевленного населения отдельные энергичные и фанатичные личности – упорные отступники и агитаторы, пользующиеся уважением, сочувствием и доверием [...] держат все общество в руках. Магометане даже не имеют надобности явно и действительно помогать отступникам, вполне достаточно и того, что они сочувствуют вожакам отпадения, дружат с ними»³.

Конечно, не только религиозные предпочтения толкали старокрещен к смене конфессиональной принадлежности. Для многих из «отпавших» старокрещен, индифферентно относившихся как к православию, так и к исламу, главными причинами являлись бытовые преимущества, предоставляемые им «статусом» мусульманина, в частности, всесторонняя поддержка, оказываемая «неофитам» татарами-мусульманами, повышение материального благосостояния, налаживание культурных и бытовых отношений с соплеменниками. Если ранее, в условиях самоизоляции, для старокрещен эта проблема была не столь актуальна, то в условиях значительных социальных изменений эпохи Великих реформ, приведших к росту национального самосоз-

¹ Эту категорию крещеных татар в миссионерской литературе было принято называть «татарсымаками», т.е. такими как татары, подверженными татарскому (мусульманскому) влиянию.

² НА РГ, ф.4, оп.1, д.121647, л.132.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.743, л.95 об.

нения, для представителей этой конфессиональной группы определение своего места в культурно-национальном пространстве становилось определяющей мировоззренческой задачей, ставило перед ними вопрос: являются ли они частью татаро-мусульманской или русско-православной цивилизационной системы. Только при определении этого статуса было возможно нивелирование их прежнего маргинального положения в татарском (мусульманском) или русском (православном) сообществе. Вполне понятно, что наиболее сильно эта тенденция ощущалась в регионах, где старокрещеные татары составляли меньшинство и проживали совместно с татарами-мусульманами («официальными» мусульманами и «отпавшими») или православным русским населением, в меньшей степени – в местностях, где они жили компактными многочисленными группами.

Рост исламизации крещеных татар, приобретавший все более широкие масштабы, не мог не вызывать опасений у церковной и светской администрации стремившихся, по крайней мере, сохранить конфессиональную архитектуру, сложившуюся в регионе во второй половине XVIII в. и доминирующее положение православия, которое могло нарушиться при дальнейшем территориальном расширении границ влияния ислама. Во многом благодаря этому проблема реисламизации крещеных татар стала важнейшим дестабилизирующим фактором во взаимоотношениях имперского руководства и татар, приведшим к принятию ряда дискриминационных мер по отношению к мусульманскому большинству татарского общества. Сохранение православной ориентации основной массы старокрещеных татар и представителей других нерусских народов края являлась для правительства не только задачей поддержки господствующего в стране религиозного института, «особого» патерналистского подхода к РПЦ, но, в первую очередь, задачей идеологической, направленной на сохранение основных принципов вероисповедальной политики и законодательно-правового регулирования функционирования имперского строя в многонациональном и поликонфессиональном государстве. В связи с этим с 1860-х гг. были предприняты меры, направленные как на административное сдерживание крещеных татар в православии, так и утверждение их в христианстве.

Сложность противодействия исламизации крещеных татар, напомилавшего по образному выражению Н.И. Ильминского, починку ветхого здания, «едва успеешь починить в одном месте, глядишь,

разваливаются другие места»¹, потребовала выработки принципиально новых подходов в миссионерской и просветительской деятельности. Главным идеологом и реализатором новой миссионерской политики стал известный тюрколог и миссионер Н.И. Ильминский (1822–1891). В ходе знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований местных народов он пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в сфере миссионерского движения РПЦ. В ряде своих работ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии². Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к национальной унификации (русификации). Во многом из-за боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни с восприятием «русской» веры, православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства народов региона, несмотря на их номинальное крещение. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил идею «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля.

Н.И. Ильминским была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на национальных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Важнейшим каналом христианизации должно было стать национальное образование в миссионерском духе. Понимая невозможность добиться существенных результатов принудительными методами, Н.И. Ильминский считал единственной реальной возможностью решить проблему интеграции местного населения в русское культурное и религиозное пространство созданием условий, при которых «инородцы» сами захотели бы воспринять православие как основной базис русской культуры

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.743, л.95.

² См.: Проект миссии для татар бакалавра Казанской духовной академии Н.И. Ильминского (1849 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1/232; Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И.Ильминского и Г.С.Саблукова в академическое правление о причинах отпадения крещеных татар из православия в магометанство (1858 г.) // НА РТ, ф.10, оп.1, д.1655. л.15–23 об.; Мысли Н.И.Ильминского экстраординарного профессора Казанской духовной академии о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар (1859 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1/214.

и идентичности, это и было в его понимании настоящим, глубоким обрусением¹.

Опираясь на первых ревнителей православия из среды крещеных татар, финансовые возможности общественных миссионерских объединений, МНП и Св. Синода, за относительно короткое время он сумел создать мощную миссионерскую инфраструктуру, включавшую в себя, наряду с широкой сетью миссионерских школ, земские и министерские (МНП) «инородческие» училища, местные приходские учреждения православной церкви с духовенством из представителей коренных народов Поволжья и Приуралья. Для нужд образования и христианского просвещения старокрещен Н.И. Ильминским совместно с В.Т. Тимофеевым был разработан татарский алфавит на основе кириллицы, начались переводы православного богослужения на разговорный татарский язык.

Основным каналом продвижения православной идеологии среди крещеных татар стало созданная миссионерами широкая сеть конфессиональных школ, а ее координирующим и культурно-религиозным центром – открытая в 1863 г. Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ). Кроме обучения детей и подготовки педагогических кадров, здесь осуществлялись переводы богослужебной и учебной литературы на татарский язык, ее централизованное распространение, популяризировались идеи православия среди основной массы старокрещен². Благодаря своему центральному положению, особой роли в координации деятельности местных начальных школ, подготовки учителей и контролю над их деятельностью, КЦКТШ при отсутствии других значимых общекрышенских культурных институтов, выступала в роли коммуникатора связи между отдельными, ранее мало связанными между собой группами старокрещен, способствовала их консолидации и формированию единого культурно-образовательного пространства, а ее воспитанники, замещающие должности учителей и православных священников, становились основными деятелями школьного просвещения и миссионерства среди соплеменников.

Хороший психолог и талантливый педагог Н.И. Ильминский понимал, что, в отличие от взрослых, молодое поколение, у которого еще не сформировалось устойчивое религиозное восприятие мира,

¹ Geraci R.P. Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia. – Ithaca and London: Cornell university press, 1997. – P.54–55.

² РГИА, ф.733, оп.173, д.101, л.5.

легко поддается миссионерскому внушению, впитывает новые идеи, предлагаемые учителем-миссионером. Осознавая, что для крещеного татарина, живущего в патриархальном, несекурилизованном обществе религия является основой мировоззрения, просветитель делал ставку не столько на обучение, сколько на воспитание ребенка, формирование у него глубокорелигиозного мировоззрения, основанного на православии. Таким образом, с развитием сети миссионерских школ в православной традиции воспитывалось молодое поколение крещеных татар, будучи оторванным от религиозной традиции старшего поколения, не восприимчивым к культурному и религиозному влиянию татар-мусульман. Крещено-татарские школы представляли собой в определенном роде христианский центр – «школу-церковь», где прихожане «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку»¹. По образцу КЦКТШ в них из числа учеников повсеместно организовывались церковные певческие хоры, для местных жителей в воскресные и праздничные дни совершались церковное богослужение на татарском языке, служились молебны, проводились пастырские собеседования.

Важнейшим событием в истории христианского просвещения старокрещен стало введение православного богослужения на татарском языке, впервые совершенного в стенах КЦКТШ алтайским миссионером иеромонахом Макарием (Невский), и рукоположение в священнический сан В.Т. Тимофеева (1869 г.).

Развитие школьной сети и переводов православных книг позволили расширить практику богослужения для крещеных татар, привлекать в духовное сословие представителей зарождающейся интеллигенции. При этом от них, в отличие от русских кандидатов, не требовалось наличие специального духовного образования. Им было достаточно обладать высокой православной религиозностью, знать основы христианского вероучения и русский язык, заручиться поддержкой местного епархиального руководства. К 1891 г. богослужение на татарском языке совершалось в 37 селах и 100 деревнях Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Симбирской епархий², а количество крещеных татар, посвященных в сан, достигло 53. К началу XX в. число священников из их числа выросло настолько, что наряду с кре-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. – Казань, 1873. – С.15.

² Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). Казань, 1892. – С.168.

щено-татарскими их стали назначать в русские и смешанные по национальному составу приходы, в миссионерские станы в Казахской степи и Западной Сибири. Всего к 1904 г. в епархиях Восточной России служило 88 крещенских священников¹. Благодаря активному привлечению в духовное сословие воспитанников КЦКТШ по количеству национального православного духовенства на душу населения крещены значительно опережали другие нерусские народы края. Например, в Казанской епархии к 1904 г. священники из крещеных татар составляли 39,7%, чувашаи – 44,1%, марийцы – 6,8%, удмурты – 0,6% от общего количества национального духовенства (белого). Таким образом, 1 крещенский священник приходился на 1 742 крещеных татар живших в епархии, 1 чувашский – на 18 113, 1 марийский – на 12 818, 1 удмуртский – на 26 179 соплеменников².

Наряду с массовым посвящением в сан крещеных татар, с 1870-х гг. началось масштабное строительство новых церквей и открытие приходов. Для этого духовное ведомство выделило особые квоты и денежные субсидии³. Только по Казанской и Уфимской губерниям с конца 1860-х по 1890-е гг. было построено 36 православных храмов в крещено-татарских селениях⁴, что составляло 60% от общего количества существовавших к тому времени крещенских церквей⁵.

Благодаря религиозной и культуртрегерской деятельности миссионеров, созданию разветвленной сети религиозно-просветительских учреждений, неофициального «Ведомства инородческого образования Востока России» Н.И. Ильминского⁶ в религиозной жизни

¹ РГИА, ф.733, оп.173, д.101, л.9 об. Данные по Казанской епархии даются по материалам: Бобровников Н.А. Инородческое духовенство и богослужение на инородческих языках в Казанской епархии // Православный собеседник. – 1905. – Ч.2. – С.178.

² Бобровников Н.А. Указ. соч. – С.178.

³ Большую роль в строительстве православных храмов в крещенских селениях сыграли частные благотворители из русских купцов, такие как елабужские купцы Стахеевы (Уфимская и Вятская епархия), казанский купец П.В. Щетинкин (Казанская епархия) и др.

⁴ Здесь были учтены также церкви в селах со смешанным национальным составом, в приходах которых жили преимущественно крещены.

⁵ См.: Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Татары, вотяки, мордва. – Казань, 1899; Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. – Уфа, 1899.

⁶ Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. – Самара: Тип. Самарской духовной консистории, 1900.– С.137.

большинства старокрещен произошли заметные изменения, усилилась православная конфессиональная идентичность. Одним из показателей этого стало развитие духовно-религиозного движения, монашества. С 70-х гг. XIX в. богомольцы из крещеных татар стали совершать ежегодные паломничества в Казань на встречу особо почитаемой иконы Седмиозерской Смоленской Божией Матери (18–26 июня). Например, в 1893 г. на торжественную встречу этой иконы в город прибыло около 300 крещено-татарских богомольцев¹. Среди старокрещен появляется большое количество ревностных последователей православия, которые по личной инициативе начинают заниматься христианским просвещением своих соплеменников.

Рост православной ориентации, наряду с изменениями в религиозной идентичности привел и к другим не менее важным изменениям в общественной и культурной жизни старокрещен, выразившихся в их консолидации, росте их самосознания. Примечательно, что с 1880-х гг. в этнографической литературе для обозначения крещеных татар, укрепленных в православии, все чаще начинает использоваться термин «кряшен». Это факт далеко не случаен и имеет большое значение для понимания изменений, происходивших в конфессиональном самосознании старокрещен. Для укрепленных в православии крещеных татар обозначение «кряшен» приобрело новое звучание, оно стало не просто традиционным самоназванием всех крестившихся татар², а лишь той ее группы, для которой православие стало составной частью конфессиональной идентификации. Формирование идеологии особой кряшенской идентичности³, впервые обо-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать шестой учебный год. С 4 октября 1892 года по 4 октября 1893 года. – Казань, 1895. – С.6.

² «Кряшенами» (искаженное русское «крещеный») татары-мусульмане, а также чуваш и удмурты-язычники, называли всех своих соплеменников принявших христианство. При этом, по всей видимости, данный термин изначально применялся исключительно для обозначения конфессионального статуса лица.

³ Интересно, что сам Н.И. Ильминский никогда не поддерживал идеи особой кряшенской идентичности, считая старокрещен составной частью татарского социума. В частности в своем письме к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 16 апреля 1883 г., критикуя позицию Б.М. Юзифовича, автора работы «Христианство, Магометанство и Язычество в Восточных губерниях России» Н.И. Ильминский писал: «Автор разделяет крещеных татар на старокрещеных и новокрещеных и, признавая последних за настоящих татар, старокрещеных принимает за какое-то особое племя, но

только не татарское Старокрещеные татары, по его мнению, природные шаманисты подобно чувашам, черемисам и другим инородцам здешнего края, поэтому они легко приняли крещение тотчас по завоевании Казани царем Иваном Васильевичем. Напротив новокрещеные татары искони были настоящие природные татары, а татары суть природные магометане; крестившись, не раньше как с половины прошлого столетия, по каким ни будь внешним побуждениям, они не хотели и не могли, да и не могут искренне усвоить христианскую веру, чему главным образом препятствовало непобедимое и фанатичное магометанство их.... Свою оригинальную теорию о племенном и коренном различии старокрещеных и новокрещеных татар автор основывает главным образом на домашнем быте и обстановке, на внешнем виде (костюме и проч.) и на религиозных обрядах, которые уподобляют старокрещеных татар чувашам язычникам и отчасти русским, а новокрещеных татар, даже еще не заявивших формально свое отпадение, уподобляют непременно и исключительно магометанам. К этому у него присоединяется резкое разделение их по времени крещения: старокрещеные крестились сейчас по взятии Казани, как бы все вдруг, а новокрещеные стали креститься уже с половины прошлого века. Разграничение старокрещеных и новокрещеных татар на два разные племени мне представляется неверным.... во-первых против теории г[осподина]. Юзифовича говорит то, что даже в настоящее время у многих сельских татар-магометан существуют шаманские обычаи, например жертвы водяным, вера в домовых и т.д. — это есть очевидно остаток шаманской старины вообще татарского народа. Во-вторых, есть немало упорных и отчаянных отступников среди несомненно старокрещеных татар. Я укажу на село Елышево Мамадышского и деревню Кибяккози Лаишевского уезда — это поистине центры отступнического движения. Это были, повторяю, настоящие старо-крещеные, а теперь они ничем не отличаются от магометан, как новокрещеные отступники. У инородцев, как вообще у простого народа, костюм и внешний обряд вполне соответствует религиозности. Как скоро крещеный татарин расположился к магометанству, он уже стрижет свои волосы, как можно глаже и украдкой надевает тюбетейку (татарскую шапочку); затем женский пол начинает одеваться, как магометанки. И это не только у крещеных татар, но и чуваш, отпадших от православия в магометанство, вся наружность и бритые головы в чапашках, как у настоящих татар магометан. Стало быть, сохранность у старокрещеных татар языческих обрядов несколько не доказывает их племенную особенность от татар и невозможность перехода в магометанство. Как день и ночь, как лето и зима, при всей по видимому противоположности, незаметно сливаются окраинами, точно также старокрещеные и новокрещеные татары сливаются как по времени крещения, так и по степени своего убеждения в христианстве или в магометанстве». (Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. — Казань, 1893. — С.30–33). Вполне понятно, что данная позиция была связана наряду с чисто научными, этнографическими выкладками ученого, с практическими вопросами миссионерской деятельно-

значенной в произведениях священника Я. Емельянова¹, а впоследствии развитой в программной статье Д. Григорьева «Зовите нас крещенными»², базировалось на идее невозможности совмещения татарской этнической и национальной принадлежности, важной составляющей которой было исламское религиозное самосознание и православной конфессиональной ориентации лица. Сам процесс повышения кряшенского самосознания был в том числе и формой рефлексии, связанной с формированием татарской гражданской (буржуазной) нации, строившейся на мусульманской основе и традиции (милет) и усилением культурного разрыва между двумя группами (татар-мусульман и татар-кряшен) в основе которого лежало различие литературных традиций, образовательной системы и религии. Как отмечал, в начале XX в. студент КазДА П. Памфилов, «крещенные благодаря влиянию местных школ (системы Ильминского. – *Р.И.*)» уже не считают себя братьями мухаммедан, а заявляют мы кряшены и в силу этого холодны с мусульманами (татарам. – *Р.И.*)»³.

Хотя введение системы Ильминского в миссионерскую и образовательную практику сыграло ключевую роль в христианском просвещении старокрещен, формировании у них устойчивой кряшенской

сти среди татарского населения. По мнению Н.И. Ильминского, при искусственном разделении старокрещен с основной массой татар-мусульман терялась важная составляющая всей его миссионерской системы. Лишь сохраняя внутреннее национальное единство крещеных и некрещеных татар, по мнению Н.И. Ильминского было возможно надеется в дальнейшем на культурную и религиозную интеграцию татар-мусульман в православно-русское общество посредством воздействия на них их соплеменников из крещеных татар, воспитанных в православном духе. В своей переписке он отмечал: «крещеных татар, несмотря на их малочисленность в сравнении с татарами магометанами, нужно считать однакож составной частью татарского народа в среде которого крещеные татары, рано или поздно при помощи Божьей составят тот мал квас, который переработает и возродит все смешение. Поэтому меры, применимые к магометанскому ли большинству или к христианскому меньшинству, должны, в конце концов, произвести действие, прямое или посредственное, на тех и других» (НА РТ, ф.968, оп.1, д.17, л.17.).

¹ См.: Емельянов И. Стихи на крещено-татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань, 1879.

² Григорьев Д. Зовите нас крещенными // Известия по Казанской епархии. – 1906. – № 14–15. – С.450–54.

³ Памфилов П. Село Никифорово Мамадышского уезда (о причинах отпадения крещеных татар от православия). Рукопись // НА РТ, ф. 967, оп.1, д.179, л.48.

идентичности, оно, по объективным причинам, не могло полностью решить проблему «отпадений» в ислам крещеных татар. На протяжении 1880–1914 гг. среди старокрещен периодически отмечались движения за отход в ислам (1880–1881 гг. среди крещеных татар Казанского и Мамадышского уездов Казанской, Малмыжского и Елабужского уездов Вятской, Мензелинского уезда Уфимской губернии, в 1891–1898 гг. среди нагайбаков (казаков) Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии, в 1903 г. в Мамадышском и Казанском уездах Казанской губернии, в 1905–1910-х гг. в Казанской, Уфимской, Самарской губерниях). Тем не менее, во многом благодаря этим новациям большинство старокрещен и часть новокрещен (молькеевские кряшены) сознательно выбрали православную традицию как основу своего религиозного мировоззрения и татаро-кряшенскую идентичность как особую модель этнокультурного самосознания. Устойчивость этой этноконфессиональной идентичности показали события 1905 г., когда государство пошло на отмену устаревших законодательных актов об искусственном сдерживании номинальных христиан в лоне православной церкви, разрешив крещеным татарам открыто переходить в ислам. Эти действия не привели к массовому отходу старокрещен в ислам. Напротив, интенсивная конфессиональная дифференциация и причисление к мусульманским общинам «отпавших» способствовало формированию четких границ между татарами-мусульманами и крещеными татарами.

Н.А.Кореева

«Журнал мануфактур и торговли» за 1825–1861 гг.
как источник по социально-экономической
истории Казанской губернии

Один из первых научно-технических журналов в России – «Журнал мануфактур и торговли» – ежемесячно выходил в Санкт-Петербурге в 1825–1861 гг. и являлся периодическим органом Министерства финансов¹.

¹ В 1861–1863 гг. «Журнал мануфактур и торговли» стал называться «Промышленность»; в 1864–1866 гг. выходил под прежним названием.

Предметами интереса издания были заявлены: 1) действия правительства по части мануфактур и «внутренней торговли»; 2) «Мануфактурные сведения»; 3) «Сведения по части торговли, ближайшую связь с мануфактурами имеющие»¹.

Журнал публиковал правительственные распоряжения, относящиеся к области торговли и промышленности, статьи по техническим вопросам, сообщал сведения о развитии промышленности в России и за границей, биржевые и акционерные известия. Журнал почти целиком состоял из переводных статей. В качестве источника для переводов были выбраны 2–3 французских и английских журнала (напр., *Dictionnaire de l'industrie manufacturiase*, *Transactions of the Society of Arts, Manufact and Commerce*), которые, в свою очередь, перепечатывали материалы из других французских периодических изданий. Редактор зачастую ссылался на первоначальный источник, а не на тот, с которого непосредственно делался перевод². Это создавало видимость большего охвата материала.

Судя по архивным данным, «Журнал мануфактур и торговли» имел только 22 подписчика³, всего же тираж в 1825 г. был 600 экземпляров. На издание 1825 года было употреблено 14757 р. Издание было явно убыточным. 149 экземпляров в этом же году осталось нераспроданным⁴.

В ведении Министерства финансов находились горные и таможенные учреждения, а также местные органы коммерческого и мануфактурного советов (отделения Коммерческого совета и мануфактурные комитеты). Как известно, основным документом, регламентирующим деятельность министерств, было «Общее учреждение министерств», принятое 25 июня 1811 года. Закон предписывал министерствам подавать ежегодные финансовые отчеты в Министерство финансов и Государственный контроль. Поэтому, будучи периодическим органом государственного учреждения, «Журнал мануфактур и торговли» имеет определенную историческую ценность, а сведения, публикующиеся в нем, проверенные цензурой того време-

¹ Журнал мануфактур и торговли. – 1825. – № 1. – С. I–XV.

² Фамилии редакторов в самом журнале ни разу не встречаются. Первоначально редактором был объявлен Г.М.Яценков. В издании, объявленном на 1826 год, фамилия Яценкова Г.М. уже не фигурирует. Подписчикам предлагали обращаться к «г.секретарю Алексею Богдановичу Бетхеру». В журнале указывалась только фамилия цензора.

³ РГИА, ф.18, оп.7, д.80, л.3 об.–4.

⁴ Там же. Л.9–9об.

ни, обладают, на наш взгляд, высокой степенью достоверности. Однако следует оговориться, что сам процесс сбора материала по некоторым проблемам социально-экономического развития страны отличался хаотичностью. Ряд исследователей отмечает формальный характер отчетов или несовершенство статистических методов¹.

По поводу достоверности публикуемых сведений в одном из номеров журнала автор статьи (фамилии авторов не всегда публиковались – Н.К.) поясняет: «Получив от корреспондентов наших, известных русских торговцев, довольно подробные сообщения о нынешней ярмарке Нижегородской, мы дополнили их, проверили с полученными поныне официальными по этому предмету сведениями, и сообщаем здесь читателям в виде общего обозрения этого торжища»². Тем не менее, современные исследователи полагают, что из всех данных, публикуемых о ярмарке, только сведения о ценах товаров можно считать достоверными, а остальные, за исключением сведений о чае и железе, представляют собой лишь приблизительные оценки³. Это утверждение находит свое подтверждение при сравнении оборотов Нижегородской ярмарки за несколько лет: так, сведения о количестве проданного товара, опубликованные в 1828 году, отличаются от сведений, опубликованных в 1836 г. (при совпадении суммы привоза товара на 103883586 руб., сумма выручки опубликована разная: в 1828 г. – 86740426 руб., в 1836 г. – 50104971⁴).

На презентабельность исторических сведений, публикуемых в журнале, оказали определенное влияние изменения, происходящие в системе делопроизводства: так, в 1834 году была изменена форма ведомостей о фабриках, собираемых через гражданских губернаторов, в связи с тем, что «фабриканты и заводчики империи встречают затруднения в представлении ведомостей о фабриках и заводах»⁵. По новым правилам требовалось указывать количество ма-

¹ Н.П.Ерошкин. Указ. соч. С.200.; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – С.43; Рожкова М.К. Торговля. Ярмарки в первых десятилетиях XIX века // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. – М., 1959. – С.251.

² Журнал мануфактур и торговли. – 1835. – №10.

³ Остроухов П.А. Нижегородская ярмарка в 1817–1867 гг. // Исторические записки. – №90. – М., 1972.

⁴ Журнал мануфактур и торговли. – 1829. – №11; 1836. – №7.

⁵ Журнал мануфактур и торговли. – 1835. – №1.

шин, станков, работников, но отменялись статьи положения 1830 года об указании годовых доходов с предприятий.

«Журнал мануфактур и торговли» является важным источником по изучению развития отечественной экономики в дореформенной России. На страницах правительственного периодического издания представлены основные промышленные губернии Российской империи, среди которых важное место занимает Казанская губерния. Сведения о торгово-промышленном развитии, имена выдающихся купцов, промышленников и меценатов, хотя и не дают полной картины социально-экономического положения региона, но позволяют восполнить имеющиеся пробелы в источниковой базе по данной проблеме. Кроме того, ряд номеров журнала посвящен официальной статистике, которая еще не введена в научный оборот при изучении тем, связанных с социально-экономическим и промышленным развитием Казанской губернии в первой половине XIX века.

Начиная с 1830-х годов в журнале регулярно появляются ведомости о количестве заводов и фабрик, рабочих, работающих на них, а также произведенной продукции. Ценность этой информации обусловлена двумя факторами – возможностью провести сопоставительный анализ развития всех промышленных губерний России и выявить динамику численности заводов и фабрик Казанской губернии на сопоставимых промежутках времени (например, подобные ведомости обнаружены за 1838, 1846, 1852 и 1854 гг.).

Казанская губерния специализировалась на производстве мыла, свеч, обработке кож и изделий из них, мехов, шерстяных изделий (перчаток, варежек), а также продовольственных товаров – муки, круп. Кроме собственно произведенных товаров, казанские купцы реализовывали также товары других губерний и государств, занимаясь посреднической торговлей со странами Азии и Востока.

Рассматривая проблемы предпринимательства и торговли, главное внимание журнал сосредоточивает на ярмарках, которые в рассматриваемый период являлись важнейшей формой торговли¹, прежде всего, торговым оборотам главного торжища страны – Нижегородской ярмарки. Являясь крупнейшим центром внутренней и внешней торговли, Нижегородская ярмарка презентовала лучшие произведения отечественной промышленности, в том числе продукцию и товары предпринимателей из Казанской губернии. Изучая

¹ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – С.106.

ежегодные отчеты губернаторов о проведении Нижегородской ярмарки, опубликованные в журнале, исследователь может почерпнуть сведения о торговом ассортименте казанского купечества: например, в сезон 1828 года предприниматели из Казанской губернии торговали перчатками, шерстяными варежками, китайкой, кумачом, платками, затканых мишурою (мишурным товаром), юфтью, козловыми и бараными кожами, башмаками, сапогами, мукой, лошадьми, мылом и т.д. В ряде случаев имеется информация о количестве проданного товара и покупателях: «Казанского строченого товара (сапогов, башмаков, тюфяков, подушек, кисетов и пр.) [продано] на 25000 р. Непроданными остались разве пятая часть. Главные покупщики были армяне и персияне»¹. Кроме того, указанные отчеты позволяют сравнивать количественные и ценовые показатели товаров, представленных предпринимателями Казанской и других губерний: «Крупитчатая мука [продана] до 4000 мешков пятипудовых: Елецкая 17 р., Казанская 12 р., Муромская 14 р. мешок, на 60000 рублей, продана вся»².

Журнал предоставляет также сведения о механизме торговых оборотов Нижегородской ярмарки: в ряде случаев возможно определить откуда поступил товар и куда он будет отправлен после ярмарки: «Кожевенные изделия большею частью привозятся на продажу казанскими купцами Кукорниковым и Корольковым, которые не имеют собственных заводов, но собирают или откупают товары этого рода у разных продавцов»³. «Мишурных изделий большая часть куплена бухарцами, хивинцами и персиянами, а несколько русскими и татарскими купцами для перепродажи азиатским народам, живущим по Оренбургской и Сибирской линиям»; «Козловых кож, выделанных казанских, 60000 р., от 20 до 60 р. десятков, на 200000 р. продано около двух третей. Хотя в Москву для внутренней продажи привезены были большие партии еще до ярмарки, а на Кяхту, где китайцы кожи сии берут охотно, отправляется оных от 200000 до 300000 прямо из Казани»⁴. Таким образом, сведения, помещаемые в опубликованных губернаторских отчетах, позволяют определить ассортимент, цену (в сравнении с другими губерниями), количество привезенного или проданного товара, его качество, контингент по-

¹ Журнал мануфактур и торговли. – 1828. – №11.

² Журнал мануфактур и торговли. – 1828. – № 11.

³ Журнал мануфактур и торговли. – 1835. – № 1.

⁴ Журнал мануфактур и торговли. – 1828. – № 11.

купателей, маршрут движения. Указанный источник ценен еще и тем, что позволяет сравнивать процессы, происходящие на ярмарке, на протяжении всего периода издания журнала: так, подобные сведения имеются о ярмарке 1828, 1833¹, 1835, 1836 гг.² и т.д. Следует отметить, что, начиная с 1840-х годов сведения носят ограниченный характер: авторы статей о Нижегородской ярмарке помещают лишь сведения об ассортименте товаров, количестве привоза и общего дохода. Увеличивается количество статей, посвященных экономическому анализу происходящих явлений: описание ярмарки носит оценочный характер с раскрытием известных автору причинно-следственных связей: «Торговля шелковыми и полушелковыми изделиями была сравнительно хуже прошлогодней; торгующие сими товарами держались в ценах и требовали уплатить наличными деньгами, а через то, упустив время, одни уже под исход ярмарки вынуждены были согласиться на продажу в долг с значительным понижением первоначально просимой цены, другие вовсе товара не сбыли»³. Таким образом, сведения о торговых оборотах казанского купечества носят неполный, эпизодический характер и требуют поиска в архивных источниках и сопоставления с ними. Тем не менее, они позволяют понять механизм торговых операций и проблемы, возникавшие в указанный период, с точки зрения современников.

Тесная связь Нижегородской ярмарки с внутренней торговлей страны выражалась, в частности, в зависимости ее от других ярмарок, прежде всего Ирбитской, деятельности которой на страницах журнала также уделяется внимание. Журнал уделяет достаточное внимание и другим крупным ярмаркам страны.

С целью поощрения предпринимателей, правительство разработало определенные меры. Казанские купцы в системе мер поощрения заняли достойную нишу. Процедура представления к наградам была сложной и многоступенчатой. В 1835 году в Москве проходила выставка произведений отечественной промышленности. Комитет устройства выставки, согласно разработанным правилам, отправил представление к наградам военному губернатору, тот, в свою очередь, министру финансов, а затем дело было передано на «воззрение его императорского величества»⁴. Из казанских купцов тогда были

¹ Журнал мануфактур и торговли. – 1833. – №11.

² Журнал мануфактур и торговли. – 1836. – №7.

³ Журнал мануфактур и торговли. – 1845. – №10,11,12.

⁴ Журнал мануфактур и торговли. – 1836. – №1.

награждены первой гильдии купец Крупеников и Петр Котелов (первый – золотой медалью для ношения на Александровской ленте, а второй – публичной похвалой и одобрением). На страницах журнала имеются сведения о выставке отечественных изделий, проходившей с 30 мая по 3 июля 1839 года в Санкт-Петербурге, по результатам которой казанскому первой гильдии купцу Леонтию Крупеникову за «кожи козловые черные хорошей выделки, приготовляемых в большом количестве исключительно для Кяхтинской торговли», по ходатайству Мануфактурного совета, было предоставлено право употреблять на вывесках и изделиях государственный герб¹. Тогда же был награжден большой серебряной медалью казанский 2-й гильдии купец Николай Урванцов за козловые черные кожи лучшей окраски.

Право на использование государственного герба давалось только тем фабрикантам, изделия которых были признаны «мануфактурным начальством» доведенными до надлежащего совершенства, это право служило наградой и поощрением в мануфактурной промышленности. Чтобы предупредить использование герба без разрешения, на страницах журнала было опубликовано соответствующее объявление².

С обособлением торгово-промышленного законодательства в первой половине XIX в. происходил процесс закрепления в гражданских законах сословных прав и привилегий купечества. 27 марта 1800 г. указом Павла I Сенату было введено особое отличие – почетное звание «коммерции-советник». Это звание давало право их обладателям на общий титул «ваше высокоблагородие». Они также приглашались правительством к совещаниям по делам торговли и промышленности.

Анализируя издание за несколько лет, можно проследить этапы карьерного роста отдельных представителей купечества. В этом плане чаще других встречается фамилия Крупениковых. 18 ноября 1855 года потомственный почетный гражданин Александр Крупеников, купец 1-й гильдии «всемилодивейше пожалован» в коммерции-советники «за полезные действия на поприще мануфактурной промышленности»³. Кроме того, на страницах журнала была помещена целая статья «О торговом доме и козловом заводе Крупениковых в Казани», в которой дается положительная оценка деятельности ку-

¹ Журнал мануфактур и торговли. – 1839. – №7.

² Журнал мануфактур и торговли. – 1832. – №12.

³ Журнал мануфактур и торговли. – 1855. – №10,11,12.

печеской династии и приводятся сведения об объемах их торговли с Кяхтой за 1812–1840-е годы¹.

Сословие почетных граждан было установлено манифестом Николая I от 10 апреля 1832 года. Приобрести потомственное почетное гражданство можно было одновременно с обретением званий мануфактур- и коммерции-советников; при награждении одним из государственных орденов; при условии, что купечество состояло в 1-й гильдии в течение 10 лет и во 2-й в течение 20 лет. Причисление к почетным гражданам освобождало купечество от подушного оклада, от рекрутской повинности и от телесного наказания в случае совершения преступления². К наградам представляли не только купца – непосредственного владельца мануфактуры, но и всю его семью: так, в 1855 году были возведены в потомственное почетное гражданство 1-й гильдии купец Абдряшит Абдулкаримов Юнусов, его жена и дети (два сына и три дочери)³.

«Журнал мануфактур и торговли» является ценным источником по истории России дореформенного периода, а также Казанской губернии, раскрывая основные тенденции торгово-экономического развития. Сопоставляя приведенные в журнале сведения с региональными архивами, можно восполнить пробелы в изучении проблем, связанных с деятельностью предпринимателей Казанской губернии, понять механизмы торговых операций и определить уровень промышленного развития региона.

В его номерах за 1825–1861 гг. социально-экономические процессы в Казанской губернии нашли отражение по следующим направлениям, проблемам:

1) Торговые отношения. Импорт и экспорт товаров, производимых в Казанской губернии. Участие предпринимателей края в ярмарочной торговле.

2) Промышленное развитие. Количество «фабрик» и «заводов», их владельцы, объем выпускаемой продукции. Сравнительная характеристика Казанской губернии с другими губерниями Российской империи. Участие в промышленных выставках.

3) Казанские купцы в системе мер поощрения правительством. Награждение купцов и промышленников.

¹ Журнал мануфактур и торговли. – 1843. – №1.

² ПСЗ. II собр. – Т.7. – № 5284.

³ Журнал мануфактур и торговли. – 1855. – № 10, 11, 12.

Департамент мануфактур и внутренней торговли считал свои сведения неполными. В отчете за 1827 г. было записано: «Здесь нельзя не повторить, как то изъяснено в отчете за 1826 г., что соби- рание сведений о существующих фабриках сопряжено с большими затруднениями и что сведения сии еще весьма неудовлетворительны для познания и соображения во всей точности хода мануфактурной промышленности в России»¹.

Никакой проверки показаний предпринимателей полиция, через которую шли ведомости о фабриках и заводах, не производила. Предприниматели нередко составляли ведомости довольно небрежно. Часто данные о продукции давались в округленных, приблизи- тельных цифрах.

Цифры о количестве привезенных и проданных товаров на яр- марках страны основаны на показаниях купцов, принимавших уча- стие в ярмарочной торговле. Купцы не были склонны давать точные сведения о количестве проданных ими товаров. Поэтому данные от- четов Департамента о размерах ярмарочных оборотов следует счита- ть ориентировочными и, вероятно, заниженными по сравнению с действительностью. Но будучи сопоставлены друг с другом на про- тяжении ряда лет, эти данные все же дают приблизительное пред- ставление о динамике торговли.

Таким образом, общий вывод, который можно сделать о стати- стической части отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли, сводится к утверждению о необходимости тщательного источниковедческого анализа этих статистических данных. С помо- щью такого анализа из этих сведений можно извлечь полезные для исторического исследования наблюдения.

¹ См.: Цит. по: В.К.Яцунский. Отчеты департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи как исторический источник// Археографический ежегодник за 1958 год. – М., 1960. – С. 195.

Исполнение татарскими крестьянскими общинами
Казанской губернии натуральных повинностей
(60–90-е гг. XIX в.)

В пореформенный период в обязанности крестьян входило уплата ряда налогов и исполнение повинностей. К земским повинностям относились дорожная (исправление и поддержание в работоспособном состоянии дорожной инфраструктуры), подводная (предоставление транспортных средств на земских, полицейских и судебно-следственных чиновников), этапная и арестантская (содержание помещений для заключения правонарушителей и преступников), постоянная (предоставление квартир для нужд чинов полиции и гражданских чиновников). Местное население должно было также бороться с вредоносными насекомыми и животными. Эти повинности исполнялись натурой или могли быть переведены на денежную основу¹.

Наиболее обременительной для населения являлась дорожная повинность. Безлошадные крестьяне несли дополнительные расходы, нанимая за свой счет лошадей². Исходя из степени значимости дороги, законодательством определялись ответственные за ее содержание: за «проселочные» дороги несли ответственность те сельские общества, на территории которых они находилась, имеющие особую значимость тракты содержалась за счет земства, бюджет которых формировались за счет сборов с крестьян³. В 1886 г. жители деревни Каргалы Чистопольского уезда ходатайствовали о передаче участка дороги Оренбургского тракта, проходившего через их деревню, обратно в ведение земства⁴. Они сообщали о непосильных расходах на содержание в исправности всех сооружений на старом тракте: необходимо построить четыре моста на общую сумму 1037 руб. Чистопольское уездное земское собрание высказалось за удовлетворение просьбы крестьян в случае, если последние возьмут на себя расходы по строительству означенных четырех мостов, необходимых соору-

¹ Устав о земских повинностях. Изд. 1899 // Свод законов Российской Империи. Т.4. Ст.2, 32, 263, 264, 267.

² Загидуллин И.К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1992. – С.77.

³ Устав о земских повинностях. Ст.295.

⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.3975, л.176.

жений и будут ремонтировать построенное полотно в течении 5 лет¹. После переоценки крестьян обязали построить пять мостов (вместо четырех) на сумму в 1612 руб. 72 коп.²

Ремонт дорог, строительство мостов требовали привлечения подрядчиков, что существенно увеличивало расходы крестьянских общин. Этим объяснялось желание крестьян передавать дороги, содержание которых находилось в их ведении, в ведение земств. В ряде уездов, например, в Царевококшайском уезде она с 1894 г. была преобразована в денежный сбор³.

Для обеспечения безопасности на путях сообщения крестьяне устраивали так называемые пикеты. Выполнение пикетной повинности являлась обременительным. По этой причине Мамадышская уездная управа в 1872 г. перевела повинность из натуральной в денежную⁴.

Отправление постоянной повинности в условиях многонациональной Казанской губернии встречало препятствие, связанное с различными национальными обычаями местных жителей. В частности, в Спасском уезде (1867 г.) постоянную повинность поквартированию войск выполняли только крестьяне православного вероисповедания. Крестьяне-мусульмане же уклонялись от этой обязанности. Причиной тому являлось отсутствие у татар отдельных помещений, так как, согласно нормам ислама, не допускалось проживание в одном помещении мужчин и женщин, не имевших близкого родства. Кроме того, в качестве довода татары приводили отсутствие у них отдельной посуды для квартирантов и питание татар кониной, что считалось, в том числе и чиновниками, не соответствующим традиционной русской кухни⁵.

В случае отсутствия главы семейства, хозяйки-чувашки и маришки также не впускали в дом чиновников. В таких случаях местному сельскому начальству приходилось прибегать к принудительному вселению. Дополнительные трудности создавали отсутствие бытовых удобств, наличие больных членов в семье. Выходом из ситуации при приезде одного или нескольких чиновников могло стать вселение их во «въезжие избы», санитарные состояние которых ос-

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.3975, л.168.

² НА РТ, ф.1, оп.3, д.3975, л.168, 186.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.9511, л.3, 12, 16 об., 18, 33–34.

⁴ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2885, л.214–212 об.

⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.594, л.12–13.

тавляло желать лучшего, однако они не имелись во всех селениях. Например, в 1892 г. в селениях Тетюшского уезда сложно было найти помещения для проживания сестер милосердия, отправленных для борьбы с эпидемией холеры. Крестьяне не соглашались предоставлять квартиру даже за оплату¹.

«Мирскими» повинностями признавались те мероприятия, которые были направлены на удовлетворение «внутренних потребностей» поземельных общин². Это – обязательства по содержанию сельских запасных хлебных магазинов и принятие мер против заразных болезней (эпидемии и эпизоотии), пожарной безопасности, исправление проселочных дорог и содержание сельского органа управления³.

Запасные хлебные магазины были призваны обеспечить продовольственную безопасность сельского населения в неурожайные годы. Строительство специальных помещений для хранения хлеба требовало материальных затрат, поэтому, в случае согласия сельских общин и уездной земской управы, дозволялось организовать один «волостной магазин» для нескольких сельских обществ. Здания запасных магазинов должны были соответствовать определенным критериям противопожарной безопасности⁴.

Крестьяне не желали содержать запасные магазины и самовольно разбирали хранящийся в них хлеб. Властям, как правило, не удавалось найти конкретных виновных. За подобные упущения должностные лица подвергались наказанию наложением штрафа, который в итоге уплачивался всем сельским обществом. Такое поведение крестьян и должностных лиц свидетельствовало о том, что само же общество поощряло действия, направленные на уничтожение запасных магазинов⁵.

Содержание запасных магазинов крестьяне воспринимали в качестве повинности, а не мерой к предупреждению голода. Так, в ноябре 1893 г. волостной старшина Петропавловской волости Мамадышского уезда при содействии полицейского урядника потребовал от жителей деревень Нижние и Средние Ошланы засыпать хлеб в

¹ НА РТ, ф.1. оп.3, д.8904, л.23–23 об., 83.

² Общее Положение о крестьянах. Изд. 1902 // Свод законов Российской Империи. Т.9. Ст.395.

³ Там же. Ст.361.

⁴ Устав об обеспечении народного продовольствия. Изд. 1892 // Свод законов Российской Империи. Т.13. Ст.1, 28–30, 32.

⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.3975, л.396 (2).

запасные магазины, и тем самым возместить долг за взятый ими ранее хлеб. После отказа крестьян волостной старшина принудительно собрал с должников деревни Средний Ошлан хлеб. Его действия вызвало возмущение, крестьяне не дали сельскому старосте и волостному старшине выехать со двора для засыпки собранного хлеба. Волостной старшина вынужден был обратиться за помощью к полицейскому сотскому. Свой поступок крестьяне объясняли тем, что никогда не пользовались запасами магазина¹.

Для охраны запасных магазинов предусматривалось определение особого смотрителя, жалование которому определяло сельское общество. Однако эта должность была не популярна среди татарских крестьян: требовалась большая ответственность и внимание, «приемщики» не имели времени для того, чтобы заниматься своим хозяйством. Например, Крестьянин Царевококшайского уезда деревни Малый Куюк Сафиулла Халикова в 1892 г. сдал свой амбар в аренду с оплатой по 4 руб. в месяц, взял на себя обязательства приемщика (охранника), за дополнительное жалование 7 руб. в месяц. Также он обязался, в случае растраты, оплатить недостачу за счет жалования или своего имущества, и должен был следить за качеством принимаемого хлеба².

Крестьяне должны были заботиться о предотвращении распространения заразных болезней, как среди людей, так и среди животных³. Расходы санитарно-медицинских мероприятий, как правило, несла крестьянская община⁴. Татарские крестьяне относились с крайним недоверием к действиям медицинских работников. Например, во время эпидемии холеры, летом 1892 г., в Тетюшский уезд была направлена рота солдат для ограждения медиков от возможности проявления агрессии со стороны татарских крестьян⁵.

Более всего успеху санитарно-медицинских мероприятий мешало то, что многонациональное население скрывало факты появления болезни. Это было характерно для всего многонационального крестьянства губернии. В татарских селениях, особенно там, где был мулла, было невозможно зарегистрировать больных и умерших. О

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.9187, л. 1–3 об., 11–13, 15–15 об., 18–18 об.

² НА РТ, ф.1, оп.3, д.8881, л.248, 498–499.

³ Общее положение о крестьянах. Ст.361, п.2.

⁴ Там же. Ст.753.

⁵ Отчет о холерной эпидемии 1892 года в Казанской губернии по сведениям губернской управы. – Казань, 1893. – С.39–40.

численности последних можно было узнать лишь по появившимся на кладбище новым захоронениям. Например, в 1892 г. в дер. Карелина Казанского уезда жители скрывали факт распространения холеры. Лишь случайно было обнаружено 12 больных, а до этого умерло 4 человека¹.

В период эпидемии население отказывалось лечиться у врачей. Крестьяне, независимо от религиозной принадлежности, даже в самый критический момент не обращались к врачам, в случае назначения лечения не следовали указаниям медиков, не давали даже измерить температуру, не говоря уже о приеме лекарств².

Санитарно-медицинские мероприятия они оценивали как вторжение и изменение традиционного уклада жизни, в значительной степени регламентированных нормами шариата и местными традициями³. Татарские крестьяне самоотстранялись от неполярных ветеринарных профилактических мероприятий земств. В таких случаях запрещалась общая пастьба скота, пользоваться продукцией животного происхождения. В случае возникновения угрозы распространения эпизоотии могли забить домашний скот без права использования мяса. За убитых животных крестьяне получали вознаграждение в размере $\frac{3}{4}$ их оценочной стоимости в случае, если хозяева заявляли властям о случае болезни⁴.

Неудивительно, что крестьяне всячески старались скрывать факты падежа скота. В дер. Татарские Саралы Лаишевского уезда в 1867 г. на сельском русские и татарские крестьяне заверили начальство об отсутствии падежа в местности. Однако при обследовании местности приставом около татарской деревни Епанчина, на берегу реки Мешы, полицией были обнаружены трупы павшего мелкого и крупного рогатого скота. Таким образом, раскрылся факт сокрытия местными жителями наличия угрозы возникновения и распространения эпизоотии⁵.

Модернизация пореформенной России слабо отразилась на взаимоотношениях правительства и жителей бывшей государственной деревни. Большинство местных проблем, связанных благоу-

¹ Там же. С.40–41.

² Там же. С.40–42.

³ НА РТ, ф.41, оп.2, д.3604, л.2, 4 об.

⁴ Устав врачебный. Изд. 1905. // Свод законов Российской Империи. Т.13. Ст.1127–1129, 1136, 1137, 1145, 1152, 1163, 1164, 1167–1169.

⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.769, л.19–19 об., 31–31 об.

ройством местности, развитием медицинского, ветеринарного обслуживания и т.п. были возложены на бессловные земские учреждения, которые содержались за счет налогов от крестьян. Государство продолжало прежнюю линию: не вкладывая дополнительных средств, стремилось добиться позитивных перемен в регионах за счет эксплуатации сельского населения, выражением которого являлась система отбывания натуральных повинностей и уплата налогов. В условиях усиления малоземелья, естественного прироста населения, частых неурожаев хлебов выполнение натуральных повинностей становилось тяжелым бременем на земледельцев: они отвлекали от сезонных сельскохозяйственных работ, вынуждали переводить натуральные повинности на денежные, которые, в конечном счете, нужно было выплачивать. К содержанию сельских хлебных магазинов, призванных обеспечивать продовольственную безопасность, крестьяне относились негативно, рассматривая их как на тяжелую повинность.

Меры властей по борьбе с заразными болезнями, помимо ощутимых материальных потерь, нарушали традиционный экономический и религиозный уклад татарских земледельцев, что вызывало их неодобрение, а порой бойкотирование непопулярных мер.

И.З.Файзрахманов

Мастеровые и служащие Казанского адмиралтейства в первой трети XIX в. (по формулярным спискам)

Мастеровые и служащие адмиралтейств являлись одной из важных групп казенных рабочих. На основе изучения их социально-экономического положения можно составить общее представление о некоторых особенностях организации труда на казенных предприятиях, так как в рамках одного ведомства статус большинства рабочих различался не сильно.

Источники по истории Казанского адмиралтейства имеются в Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге, куда доставлялись отчеты предприятия в Адмиралтейскую коллегию и в другие центральные учреждения. Сам архив Казанской адмиралтейской конторы, видимо, был полностью

безвозвратно утерян в начале 1860-х гг., когда был продан в табачные лавки¹.

Однако сохранились документы Низового округа корабельных лесов, образованного в 1817 г. и впоследствии ставшего правопреемником окончательно упраздненного в 1831 г. Казанского адмиралтейства по части заготовок корабельных лесов для флота. На основе анализа документов его фонда в Национальном архиве РТ (ф. 385) можно восстановить многие подробности последних 30 лет существования Казанского адмиралтейства.

Для изучения социально-экономического положения мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства необходимо проанализировать общие данные о составе рабочих на этом предприятии. Решить эту задачу помогают такие массовые источники, как формулярные списки. В основу настоящей статьи положено «Собрание формулярных списков о чиновниках и нижних чинах первых четырех рот 10-го рабочего экипажа за 1832 г.»², в котором наиболее полно представлены сведения о бывших мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства.

Мастеровые рабочих экипажей – это «нижние чины при судостроении», отбывавшие свой срок военной службы в портовых мастерских и «заводах» морского ведомства, составляли основную постоянную рабочую силу. В соответствии с положением от 15 декабря 1826 г. были сформированы 10 рабочих экипажей в разных адмиралтействах³. Их создание вызывалось стремлением организовать труд мастеровых адмиралтейств на чисто военной основе. В состав 10-го рабочего экипажа вошли 1 рота кораблестроительной команды Казанского адмиралтейства, 3 роты правления Низового округа корабельных лесов, 3 роты кораблестроительной команды астраханского порта и 1 рота правления Северного округа корабельных лесов⁴.

В указанном «Собрании ...» представлены формулярные списки 510 мастеровых и служащих, 418 из которых прежде работали в Казанском адмиралтействе. В статье анализируются сведения, содержащиеся в формулярах рабочих последней группы.

В формулярных списках нашли отражение следующие вопросы: фамилия, имя, отчество и возраст мастерового, его рост и внешность,

¹ Казанские губернские ведомости. – 1862. – № 9. – 5 марта. – С.91.

² НА РТ, ф.385, оп.1, д.615, л.244.

³ ПСЗ. – СПб., 1830. – Собр. 2-е. – Т. 1, № 756.

⁴ НА РТ, ф.385, оп.1, д.200, л.12–15.

происхождение, место рождения, национальность, время и место вступления в службу, изменения по службе в течение всей жизни, награды за службу, образование и знания мастерового, его поведение, наказания и штрафы, отпуска, участие в военных походах, семейное положение, число детей, их имена, возраст и занятия.

По формулярным спискам видно, что были достаточно распространенными родовые фамилии мастеровых, но большинство имело фамилию, производную из отчества. Многих писали следующим образом: «Григорий Осипов сын Осипов», «Мустафа Муслюмов сын Муслюмов» и т.д.¹

Формулярные списки дают четкое представление о системе комплектования мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства, существовавшей на этом предприятии в первой трети XIX в.

Рабочие кадры для Казанского адмиралтейства формировались, главным образом, рекрутами из крестьян (239 человек или 57%). Среди них были как государственные, экономические, крепостные, дворцовые, монастырские крестьяне, так и ясачные и служилые (главным образом татары). В меньшей степени Адмиралтейство пополнялось детьми мастеровых и военнослужащих (158 человек или 37,8%).

Таблица 1

**Место рождения (бывших) мастеровых
и служащих Казанского адмиралтейства**

Место рождения	Количество (чел.)	В процентном соотношении к итогу
Казань	160	38,3
Казанская губерния	167	40
Костромская губерния	29	6,9
Нижегородская губерния	25	6
Симбирск	10	2,4
Пермская губерния	5	1,2
Прочие губернии и города	22	5,2
Итого	418	100

¹ НА РТ, ф.385, оп.1, д.615, л.71 об.–72.

Из таблицы 1 можно понять, что подавляющее большинство мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства (78,3%) были выходцами из Казани (дети мастеровых и военнослужащих) и Казанской губернии (рекруты). Наибольшее количество рекрутов давали близлежащие к Казани Свияжский (42), Казанский (39) и Лаишевский (28 человек) уезды. Значительное количество работников составляли выходцы из Костромской и Нижегородской губерний.

Таблица 2

Национальный состав (бывших) мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства

Национальность	Количество (чел.)	В процентном соотношении к итогу
русские	290	69,4
татары	107 (в том числе 5 крещеных татар)	25,6
чуваши	14	3,4
марийцы	6	1,4
мордва	1	0,2
Итого	418	100

Исходя из данных таблицы 2, мы можем сказать, что большинство рабочих Казанского адмиралтейства были русскими (69,4%), значительную группу составляли татары (25,6%). Среди работников встречаются также чуваши, марийцы и мордва. Таким образом, наличие в составе мастеровых и служащих Казанского адмиралтейства наряду с русскими представителей коренных народов являлось региональной спецификой.

В Адмиралтейской слободе мастеровые-татары жили преимущественно на улицах Большая и Жировка – несколько обособленно от русских. Мастеровые женились в основном на крестьянских дочерях и на дочерях мастеровых исключительно по этноконфессиональному признаку. Факты смешанных браков нами не выявлены.

Таблица 3 показывает возрастной состав мастеровых и служащих при поступлении на работу в Казанское адмиралтейство. Число детей, начинавших работу в возрасте 10–13 лет, было невелико (8 человек или 1,9%). Участие на работах 14–15 летних (27 человек или 6,5%) и 16–17 летних (71 человек или 17%) подростков считалось обычным явлением. Большинство мастеровых начинало работать в Адмиралтействе в возрасте до 22 лет (61,3%).

**Возраст мастеровых и служащих при поступлении
на работу в Казанское адмиралтейство**

Возраст (лет)	Количество (чел.)	В процентном соотношении к итогу
10–13	8	1,9
14–17	98	23,5
18–21	150	35,9
22–25	64	15,3
26–29	33	7,9
30–33	33	7,9
34–37	12	2,9
38–41	12	2,9
42 и выше	8	1,9
Итого	418	100

Приходившие в Казанское адмиралтейство мастеровые старшего возраста уже имели за плечами определенный стаж работы – обычно в других адмиралтействах или на флоте. Например, 26-летний крестьянин деревни Средние Алаты Казанского уезда Бикбов Валитов в 1808 г. был принят рекрутом и определен плотником 3-го класса в Санкт-Петербургское адмиралтейство. В 1818 г. он был командирован в Казань в качестве мастерового 2-го класса¹.

Возраст основной массы мастеровых составлял 20–40 лет. Работниками в возрасте свыше 50 лет были единицы. По формулярным спискам, самым старшим по возрасту работником был Иов Иванов (в 1831 г. ему исполнилось 64 года) – рекрут из Тульской губернии, проработавший в Казанском адмиралтействе почти три десятка лет².

Таким образом, в отличие, например, от Казанской суконной фабрики, где широко использовался труд детей, женщин и стариков, работа в Адмиралтействе, требовавшая большой физической силы и выносливости, исключала широкое применение труда этих групп населения.

Как показывают формулярные списки, мастеровые, как правило, начинали службу в качестве работников 3-го класса и дослуживались до 1-го класса. Некоторые шли еще дальше: достигали высокого положения на предприятии и получали низшие офицерские чины.

¹ Там же. Л.81 об.

² Там же. Л.53 об.–54.

Часть из них имела на левом рукаве нашивки из желтой тесьмы. Одна нашивка означала десятилетнюю, две – пятнадцатилетнюю, три – двадцатилетнюю беспорочную службу.

Биографии мастеровых были однотипными, поэтому ограничимся приведением лишь одной из них. Петр Смирнов происходил из семьи служащего. В 1800 г. после окончания школы в 17 лет он был назначен плотником 3-го класса, в 1816 г. определен во 2-й класс, с 1818 г. состоял в Правлении Низового округа, в 1824 г. стал подрезчиком (занимался обрезанием нижних сучьев пригодных для судостроения деревьев), в 1831 г. переведен в мастеровые 1-го класса в 10-й рабочий экипаж¹.

В массе своей, мастеровые, попав из крестьян в рекруты, направлялись в адмиралтейства и становились постоянными работниками. Однако были мастеровые, жизнь которых складывалась иначе. Они участвовали в военных походах, направлялись в командировки. Приведем несколько примеров. Крестьянин из деревни Куюк Царевokokшайского уезда Казанской губернии Биктемир Усманов был принят в рекруты в 1810 г. и поступил в херсонскую команду в корабельные плотники. Проработав там 16 лет, вернулся в Казань и продолжил службу в Адмиралтействе². Рекрут из Казанского уезда Ихсан Муртазин в 1806 г. был принят в матросы, участвовал в компаниях 1808–1816 гг. и 1818 г., в 1821 г. по причине болезни перевелся в Казанское адмиралтейство³. Муртаза Мураев из числа казанских школьников в 1810 г. был определен матросом, участвовал в компаниях 1810–1814 гг., 1816 г. и 1818 г., в 1821 г. переведен плотником в Казань⁴.

В Казанском адмиралтействе имелся широкий профиль специальностей. Однако учтенные в формулярных списках мастеровые 10-го рабочего экипажа преимущественно были плотниками, столярами, резчиками. Среди них кузнецов, парусников, конопатчиков, моляров и работников некоторых других специальностей, столь необходимых для работы в адмиралтействах, очень мало. Видимо, мастеровые этих профессий после упразднения Казанского адмиралтейства частью были переведены в другие адмиралтейства, частью уволе-

¹ Там же. Л.69 об.–70.

² Там же. Л.56 об.–57.

³ Там же. Л.97 об.–98.

⁴ Там же. Л.148 об.–149.

ны. Также следует учитывать, что переходы мастеровых из одного казенного ведомства в другое происходили довольно часто.

В XVIII в. при адмиралтействах существовали школы, в которых дети мастеровых и служащих получали начальное образование. Однако по положению от 23 декабря 1798 г. при разных гарнизонах были образованы военно-сиротские отделения, объединившие гарнизонные и адмиралтейские школы¹. В соответствии с этим положением Казанская адмиралтейская школа, действовавшая с 1726 г., была расформирована, а ее ученики для дальнейшей учебы определены в Казанское военно-сиротское отделение.

Из таблицы 4 видно, что мастеровые большей частью были неграмотными (63,2%). Высокая неграмотность среди них объяснялась, главным образом, преобладанием рекрутов из крестьян, среди которых лишь 8 (3,3%) умели читать и писать. Однако и из военно-сиротских отделений значительное количество выпускников выходило неграмотными (19% по Казанскому военно-сиротскому отделению). В то же время среди выпускников Казанской адмиралтейской школы все были грамотными. Таким образом, состояние преподавания в военно-сиротских отделениях оставляло желать лучшего.

Таблица 4

**Грамотность (бывших) мастеровых
и служащих Казанского адмиралтейства**

Группы по происхождению	Безграмотные (в %)	Грамотные (в %)	Количество (в % к итогу)
Рекруты из крестьян	231 (96,7)	8 (3,3)	239 (57,2)
Выпускники Казанской адмиралтейской школы и Казанского военно-сиротского отделения (дети мастеровых и военнослужащих)	30 (19)	128 (81)	158 (37,8)
Выпускники военно-сиротских отделений других городов: Симбирска, Н.Новгорода, Петербурга, Перми и Роченсальма	2 (11,8)	15 (88,2)	17 (4)
Прочие	1 (25)	3 (75)	4 (1)
Итого	264 (63,2)	154 (36,8)	418 (100)

¹ ПСЗ. – СПб., 1830. – Собр. 1-е. – Т.25, № 18793.

Все грамотные мастеровые умели читать и писать, но арифметику и геометрию знали единицы. Эти познания мастеровых специально фиксировались в их формулярных списках. Например, выпускник Казанского военно-сиротского отделения Галей Арсланов, кроме грамоты и письма, знал и арифметику¹. О другом выпускнике Петре Ипатовиче Артемьеве говорилось, что он «читать, писать, арифметике, черчению планов и практике знает»².

Адмиралтейские школы и военно-сиротские отделения представляли собой ведомственные школы, в которых могли учиться только мальчики, отцы которых работали в соответствующем ведомстве.

Число мастеровых, обучившихся грамоте самостоятельно, очень невелико: это, возможно, те 8 грамотных рекрутов и в одном случае писарь Казанского адмиралтейства Никита Спиридонов – сын денщика, который «обучен на собственном коште, не быв в отделении»³.

Обучившиеся к 17–18 годам в военно-сиротских отделениях юноши, как правило, начинали работу в Адмиралтействе в качестве воспитанников (учеников) и таким образом получали профессиональные навыки. Через год-два обучения их распределяли по профессиям: плотником, столяром, кузнецом, писарем и т.д.

Как свидетельствуют формулярные списки, отпуск мастеровым предоставлялся лишь в исключительных случаях. Подавляющая часть мастеровых добросовестно относилась к работе и отличалась хорошим поведением как в рабочее, так и в свободное время. Большинство из них ни разу в жизни не подвергались серьезным наказаниям – таким, которые бы фиксировались в формулярных списках. Лишь в редких случаях мы находим сведения о наказаниях. Причины – грабежи, побег, пьянство, драки. Например, плотник Забир Гумеров был наказан за самовольный уход из работы 25 ударами палки. Плотник Матвей Савельев за кражу юбки у солдатской жены был приведен в полицию и «наказан по рассмотрению»⁴. Несколько десятков мастеровых, главным образом, из числа татар находились под следствием по жалобам лашман, но вина ни одного из них не была доказана.

¹ НА РГ, ф.385, оп.1, д.615, л.52 об.–53.

² Там же. Л.58 об.–59.

³ Там же. Л.65 об.–66.

⁴ Там же. Л.78 об.–80.

Таблица 5

**Семейное положение (бывших) мастеровых
и служащих Казанского адмиралтейства**

Семейное положение		Число детей в семье	Количество лю- дей (в % к итогу)
Холостяки		–	61 (14,6)
Женатые или вдовы	Бездетные	–	135 (32,3)
	Имеющие детей	1	96 (23)
		2	69 (16,5)
		3	39 (9,3)
		4	14 (3,3)
		5	2 (0,5)
	6	2 (0,5)	
Итого			418 (100)

На основании формулярных списков можно составить представление о семейном положении работников предприятия (см. таблицу 5). Среди холостых мастеровых преобладали юноши. Среди женатых или вдовых было большое число мастеровых, не имевших детей. Это объясняется, прежде всего, способом комплектования рабочих адмиралтейств, в основе которого лежала рекрутчина. Фактически люди несли солдатскую службу, поэтому вопрос об обустройстве семьи или же детьми не имел первостепенного значения. По этой же причине в семьях мастеровых, где имелись дети, их число было крайне малым. Мы насчитали всего 4 многодетных семей (5–6 детей). Значительная часть семейных рабочих (32,3%) детей вовсе не имела. Число мастеровых с одним или двумя детьми составляло 39,5% от их общего количества. Высокая детская смертность, особенно младенцев младше одного года, была результатом неустроенности быта мастеровых. Бедность, антисанитария вносили свои коррективы в эту статистику. Нередко мастеровые заводили детей в солидном возрасте. Например, мастеровой Менглыбай Миднев в 49 лет имел 8-ми, 7-милетних дочерей и 4-х однолетних сыновей. Степан Харламов в 55 лет имел 9-летнюю дочь и трех летнего сына¹. Значительная часть детей мастеровых из рекрутов проживала в деревнях, откуда были родом их отцы.

Сохранились краткие записи о внешнем облике мастеровых, которые зафиксировали производственные травмы и болезни. Напри-

¹ Там же. Л. 82 об.–83, 97 об.–98.

мер, у мастеровых Ивана Рулева, Ахмера Адымова, Ермухамета Ермухаметова имелись рубцы на руках. Степан Федотов хромал на левую ногу¹. Об увечьях Якова Торгашева говорилось следующее: «глазом крив, у правой руки всех пяти перстов нет и на левом указательный мизинец поврежден от мороза». Несмотря на все указанные физические недостатки, он числился в комплекте и, по-видимому, выполнял свои обязанности².

Малочисленность детей мастеровых вела к тому, что Адмиралтейство не могло удовлетворить свои потребности в рабочей силе за счет естественного прироста работников и было вынуждено восполнять недостаток в кадрах за счет рекрутирования. В конце XVIII в. выявилась и другая причина нехватки собственных кадров: дети адмиралтейских мастеровых после окончания Казанского военно-сиротского отделения не обязательно направлялись в Адмиралтейство, их могли распределить в армию или на другие государственные службы.

Анализ формулярных списков мастеровых открывает перед нами большие возможности: рассмотрению подвергаются не только социально-экономическое положение рабочих, но и судьба конкретных лиц. Ряды цифр и колонки таблиц невольно вызывают у нас представление об однородной веренице бесцветных человеческих судеб. Но вопреки схеме жизнь мастеровых представляет порой яркие и богатые на события картины.

И.З.Файзрахманов

Особенности развития мануфактурной промышленности в Казанском крае во второй половине XVIII в.

Изучение процесса возникновения и развития мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. на примере отдельных отраслей раскрывает его особенности и общие с российской промышленностью закономерности. Существовавшие тогда в России отрасли промышленности в большинстве своем были представлены и в крае. Рост мануфактурной промышленности про-

¹ Там же. Л. 88 об., 131 об., 165 об., 167 об.

² Там же. Л. 98 об.

являлся в образовании новых и расширении ранее существовавших производств. Отдельные отрасли производства, по причине различных условий для развития, которые определялись потребностями населения в промышленных товарах, обеспеченностью отечественным сырьем, государственной поддержкой, наличием производственных навыков у населения, особенностями технологического процесса, скоростью оборота капитала и другими факторами, развивались неравномерно.

Источники указывают, что в конце XVIII в. в Казанской губернии действовало 149 «заводов» и «фабрик»¹. Распределение промышленных заведений по территории края было неравномерным. Центром мануфактурной промышленности края являлась Казань, где было сосредоточено большинство предприятий. Наиболее известные – адмиралтейство, суконная «фабрика», пороховой «завод» – считались одними из самых крупных мануфактур страны. Они имели многочисленные производственные помещения, отличались большими объемами производства, число работающих достигало 1 тысячи и более человек. Так, в наиболее крупном адмиралтействе Волжского бассейна – в Казанском адмиралтействе (1718–1830) – во второй половине XVIII в., по нашим подсчетам, было построено 42 морских судна и много других вспомогательных судов для Каспийского флота. Казанская суконная фабрика являлась одной из трех крупнейших суконных мануфактур России. Если в середине XVIII в. в этом отношении она стояла в одном ряду с мануфактурами Матвеева в Глушкове и Докучаева в Москве, то к концу века могла конкурировать с мануфактурой князя Юсупова и с казенной Иркутской «фабрикой»². В конце XVIII в. Казанский пороховой «завод» (начал действовать с 1788 г.) был одним из пяти работающих в России пороховых предприятий. Во второй половине XVIII в. на десяти медеплавильных «заводах» расположенных на территории Казанского края (Коринский, Шильвинский, Таишевский и др.), было произведено немногим более 270 тыс. пудов меди (около 3,75% от общероссийского производства)³.

¹ РГАДА, ф.1355, оп.1, д.398, л.1.

² Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX в. – М.: Госполитиздат, 1947. – С.46, 51.

³ Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – С.140–141.

Остальные предприятия, преимущественно кожевенные, мыловаренные и кумачные, использовавшие вольнонаемный труд, были небольших размеров. Например, в середине 1790-х гг., по описи шестигласной думы, в Казани (без учета адмиралтейства, порохового, кожевенных и мыловаренных предприятий в пригородных селах Пороховое, Ягодное, Игумново, Бишбалта и в Подмонастырской слободке) было зарегистрировано 89 «заводов». Из них 46 принадлежали татарам, 43 – русским¹. В зависимости от производства в них работало от нескольких до нескольких десятков человек.

Из указанного количества предприятий 42 находилось во владении купцов, 8 – у служилых торговых татар, 20 – у служилых татар и вдов, 12 – у русских мещан и еще 7 производств – у разных владельцев. Некоторые владели 2–3 и более предприятиями. Так, у Юсупа Измайлова были кожевенный, козловой и 2 мыловаренных «завода» (всего 4). Абдрашит Бикбов Галанский владел 3 мануфактурами: кожевенной, кумачной и мыловаренной. По два предприятия имели Абдрашит Рахманкулов (кожевенное и мыловаренное), Муртаза Рахманкулов (не указано), Мазит Баширов (мыловаренные), Муртаза Давыдов Апаков (мыловаренное и салотопенное), Муса Шафеев (кожевенное и мыловаренное), Исай Аитов с братом Давыдом (мыловаренное и козловое). У русских заводчиков по два предприятия содержали Петр Гушин (пивоваренное и солодовенное) и Осокин (суконное и красильное)². К большинству этих заведений применим термин «домашняя мануфактура», так как они располагались в доме или при доме, в котором проживал хозяин предприятия.

В целом, промышленность Казанского края, являясь частью российской экономики, развивалась по общим законам российской промышленности, но были у нее и свои особенности. Одной из особенностей является то, что многие промышленные предприятия капиталистического типа стали открываться татарами из числа купцов, служилых людей и мещан. Татарские предприятия располагались преимущественно на селе, что легко объяснить – практически все татарское население проживало в сельской местности. Вторая половина XVIII в. была переломной в развитии мануфактурной промышленности у татар, которые стали совмещать торговлю с предпринимательской деятельностью. Роль татар в торговле и промышленности города заметно повысилась после указа Сената от 1763 г., под-

¹ НА РТ, ф.114, оп.1, д.2, л.11 об.–92 об.

² НА РТ, ф.114, оп.1, д.2.л.11 об.–92 об.

твердившего право казанских служилых татар вести беспрепятственную торговлю¹. В этот период определились основные отрасли мануфактурной промышленности, являвшиеся традиционными для татар. Успешно развивались такие производства, как кожевенное, мыловаренное и кумачное. Основными промышленными товарами, отправлявшимися на российские ярмарки и за границу, были кожа и мыло. Они выгодно отличались своим качеством и пользовались большим спросом.

Следующая особенность развития мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. заключалась в наличии не только городской, но и сельской промышленности. Многие предприятия, если не большинство, создавались в сельской местности. Нам известно множество примеров того, как казанские купцы и предприниматели открывали свои мануфактуры далеко от города. Так, казанский купец Асаф Иноземцев основал Таишевский медеплавильный «завод» в Кукморе. В 1760-х гг. братья Иван и Афанасий Кобелевы открыли Пыжманский медеплавильный «завод» в Вятской губернии. Казанский купец Губей Мусин владел кожевенными и кумачными предприятиями в деревнях Менгер и Урнашбаш Казанского уезда. У казанского 1-й гильдии купца Назира Баязитова в деревне Новый Кишит того же уезда имелись кожевенные и кумачные мануфактуры. Множество кожевенных предприятий находилось в селе Ягодном и Игумново недалеко от Казани². Таких примеров можно привести много. Основными причинами того, что эти предприятия создавались не в Казани, являются близость к сырьевым ресурсам и наличие свободной рабочей силы в сельской местности.

Еще одной особенностью развития промышленности края был рост числа новых производств. Во второй половине XVIII в. из ремесленных и промысловых занятий в ранг мануфактурной промышленности поднялись многие предприятия суконного, кумачного, мыловаренного, кожевенного, поташного, лесопильного, стекольного, писчебумажного, кирпичного, винокуренного и некоторых других производств. В то же время изменение количества отраслей и производств по причине отсутствия единообразия в их классификации не всегда может служить основанием для выявления той или иной ди-

¹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т.16, № 11856.

² Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. // История Татарии в материалах и документах / Институт истории АН и Тат НИИ марксизма-ленинизма. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С.290.

намики, но, так или иначе, отражает происходившие в промышленности процессы, усложнение ее структуры.

Одно из весьма распространенных явлений – комбинирование под командой одного и того же капитала разного рода производств. Типичным примером может служить хозяйство помещика А.И. Сахарова в селе Алексеевском Лаишевского уезда, где располагались его суконная, полотняная, канатная, свечная и мыловаренная мануфактуры, конный, овчарный и коровий «заводы»¹. Часто одно производство давало сырье для другого производства. Например, при стекольных предприятиях создавались и поташные «заводы», дававшие необходимое сырье для производства стекла. Таким способом предприниматели старались обезопасить себя от резких колебаний рынка, чтобы в случае разорения одного предприятия по причине снижения спроса на его продукцию, можно было застраховать капиталы на другом производстве. Кроме того, обеспечивалась круглогодичная занятость капитала в условиях, когда в отраслях, связанных с обработкой сырья, производство носило сезонный характер. Капитал, занятый только в одной отрасли, не приносил достаточной прибыли.

В отраслях военно-оборонного значения казенная промышленность сохраняла свои позиции. Значение порохового «завода» и адмиралтейства определялось их вкладом в укрепление обороноспособности страны, в обеспечение армии и флота боеприпасами, судами разного назначения и т.д. Казанская суконная «фабрика», хотя и находилась в частном владении, исполняла исключительно казенные заказы – производила сукно для армии. Система государственных заказов (или политика «государственного попечительства») способствовала развитию медеплавильных, суконных, полотняных, винокуренных и некоторых других предприятий, но делала их продукцию совершенно неконкурентоспособной на рынке, не содействовала совершенствованию техники и технологий. Такая система сковывала экономическую инициативу предпринимателей, формировала потребительскую психологию. В отличие от названных предприятий, большинство мануфактур в кожевенной, мыловаренной, кумачной, лесопильной и других отраслях, не зависевших от казенных поставок и работавших на удовлетворение широких потребностей населения, не только снабжали соответствующими товарами местные рынки, но и вывозили определенную или большую часть изготавливаемой продукции в соседние и дальние регионы страны и за границу. «Особо

¹ РГАДА, ф.1355, оп.1, д.412, л.83–85 об.

ходовыми товарами» являлись кожа, мыло и кумач, что во многом и определило быстрый рост предприятий, вырабатывавших такую продукцию.

Мануфактуры работали как на местном, так и привозном сырье. Местным сырьем можно назвать лес для судостроения и других целей, хлеб для винокурения и лен для изготовления полотен, медную руду. Кожа, овчина, пушнина, шерсть, сало частично были местного происхождения, частично привозились из оренбургских и казахских степей, пушнина – с севера и из Сибири. Хлопчатобумажная пряжа полностью доставлялась из Средней Азии. Производство было непосредственно связано с торговлей – владельцами мануфактур большей частью выступали купцы, а также дворяне, мещане представители других сословий.

По характеру используемого труда предприятия делились на вольнонаемные, посессионные и крепостные¹. Если мануфактуры первой группы рассматривались как несомненно капиталистические, то две последние оцениваются не столь однозначно. Им свойствен синтез черт обоих способов производства – капиталистического и крепостнического. На многих производствах переплетались различные виды труда. Имелись предприятия, на которых применялся труд всех трех категорий рабочих. С другой стороны, подавляющее большинство людей, работавших на мануфактурах, в той или иной степени еще оставались связанными с сельским хозяйством. Значительная часть рабочих людей имела пашню и приусадебные участки, сенокосы, что было необходимым дополнением к получаемой на мануфактурах заработной плате. Поэтому значительная часть рабочих летом уезжала в деревни на полевые работы, а осенью возвращалась на заводы.

Комплектование кадров рабочих людей вотчинных предприятий происходило на крепостнической основе. Вотчинная мануфактура возникла на базе помещичьего хозяйства и была тесно с ним связана. Применение крепостного труда имело для нее решающее значение. В этом заключался первоисточник доходов, и крепостничество определяло весь строй производства и организацию труда. Для крестьян работа на вотчинных предприятиях была своего рода отбыванием повинностей. Крестьяне теперь отбывали барщину не только на помещичьем поле, но и на мануфактуре работали с большим напряжением и в крайне тяжелых условиях. Не зря они сравнивали мануфактуру с

¹ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М.: Наука, 1990. – С.151–152.

чумой. Вместе с тем вотчинная мануфактура в ряде случаев все же не была простым придатком к помещичьему хозяйству. На этих предприятиях имелись и «капиталистические» элементы: частичное применение наемного труда, работа на рынок, значительные капиталовложения – то, что было характерно для купеческих мануфактур.

Вольнонаемные работные люди, находившиеся преимущественно на купеческих мануфактурах, не были связаны с хозяином узами крепостничества. Они выступали свободными продавцами рабочей силы. В отличие от рабочих принудительного труда, они имели возможность свободно поступить и уйти из мануфактуры. Однако отношения найма в частных мануфактурах не всегда существовали в чистом виде. В большинстве случаев они были «опутаны» крепостническими отношениями. Поэтому работные люди в период работы по найму часто оказывались в положении, близком к положению крепостных. В конечном счете, они не могли свободно распоряжаться своей рабочей силой. Главной их повинностью становилась работа на мануфактуре. Добровольно пришедшие фактически уравнивались в правах с работниками принудительного труда.

Согласно «Ведомости о мануфактурах в России за 1812 г.», на предприятиях Казанской губернии работало 3982 человека (13-е место по России). Из общего количества занятых на мануфактурах вольнонаемных работников насчитывалось 2095 (52,6%), крепостных – 1048 (26,3%), приписных – 839 (21,1%). В стекольном, укусном, стальном, мыловаренном, кожевенном, хлопчатобумажном, канатно-прядельном и писчебумажном производствах применялся исключительно вольнонаемный труд, в полотняной промышленности – только труд крепостных. На медных и поташных мануфактурах работали вольнонаемные и крепостные, в суконном производстве использовался труд всех трех категорий рабочих¹.

Основная часть работных людей была представлена русскими. Однако открытие мануфактур представителями нерусских национальностей, особенно татарами, способствовало формированию контингента татарских рабочих. Татарские мануфактуры основывались на вольнонаемном труде, так как крепостных крестьян среди татар практически не было, а пользоваться трудом крепостных христианского вероисповедания им запрещалось.

¹ Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. // История Татарии в материалах и документах / Институт истории АН и Тат НИИ марксизма-ленинизма. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С.290.

Характерно, что на мануфактурах на протяжении всего рассматриваемого периода продолжал использоваться ручной труд. Одной из причин отсутствия побудительного мотива введения нового оборудования, особенно в медеплавильном и суконном производствах, было широкомасштабное использование дешевого принудительного труда. Труд приписных, посессионных и крепостных рабочих на первых порах преобладал на производстве. Однако в течение второй половины XVIII в. он постепенно вытеснялся вольнонаемным трудом. При этом в различных отраслях производства темпы этого процесса были неодинаковыми. В то же время продолжал использоваться и принудительный труд.

Таким образом, развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. предстает перед нами как переходный и противоречивый процесс, в котором переплетались крепостнические и капиталистические тенденции. Ведущим процессом во второй половине XVIII в. было повсеместное расширение применения на мануфактурах края наемного труда. Однако сохранялось влияние общих крепостных условий на характер и развитие мануфактур, выражавшееся в применении подневольного труда приписных крестьян и крепостных рабочих. Вольнонаемный труд получил особенно широкое распространение на частных купеческих мануфактурах, но он все больше начал применяться и на помещичьих предприятиях. Преимущество наемного труда выявилось в его высокой производительности.

В целом, можно сказать, что вторая половина XVIII в. являлась промежуточным этапом в развитии промышленности, временем формирования и роста отечественной мануфактуры, создания условий для появления крупного машинного производства.

Н.С.Хамитбаева, Х.З.Багаутдинова

Из истории воскресных школ г. Казани во второй половине XIX века

Накануне отмены крепостного права в стране усилилось общественно-педагогическое движение, которое рассматривало школу, и воспитание человека как составные части раскрепощения российских подданных. Не дожидаясь правительственной инициативы по

открытию школ для народа, общественность начала устраивать так называемые воскресные школы.

Первая мужская воскресная школа в Казани была открыта в марте 1860 года. Из описания газетой «Казанские губернские ведомости» первых шагов воскресной школы видно насколько трудно шло ее становление. Это и отсутствие опыта, и непостоянный состав учеников, принадлежавших в основном к ремесленному сословию. Различная степень развития учеников вынуждала преподавателя заниматься в основном с небольшой группой учащихся, тогда как остальные скучали без дела или же каждому ученику приходилось уделять по несколько минут, что для многих учеников было недостаточно. Поэтому в первое время многие ученики бросали воскресную школу. Однако, несмотря на постоянную смену состава учащихся, их число составляло не менее 35–40 человек. Вместо выбывших приходили новые ученики. Такая же картина наблюдалась и в отношении преподавателей. Только, с августа месяца 1860 г. школа стала «подниматься на свои нетвердые ноги, – пишет газета, – началось более аккуратное посещение школы со стороны преподавателей, водворился некоторый порядок в самом преподавании, так что в настоящее время устройство школы, в основание которого приняты правила петербургских воскресных школ, можно назвать довольно сносным»¹.

В сентябре воскресную школу посещало от 62 до 66 человек в основном русских учеников, кроме того, в школе было 9 евреев и 1 поляк. Основному контингенту учеников школы было от 8 до 17, хотя одному из них было 50 лет. Ученики воскресной школы в основном относились к ремесленному сословию. Преподавателей в школе было 28 человек: из них 2 учителя гимназии, 1 – чиновник, 1 – гимназист, 1 – священник, остальные – студенты университета².

Хотя средства школы были невелики, корреспондент газеты «Казанские губернские ведомости» в успехе школы не сомневался, так как количество желающих учиться постоянно увеличивалось, многие ученики, искренне желающие учиться, приводили в школу своих товарищей. Что касается преподавателей, то и в них, по мнению газеты, не будет недостатка: «Образованный, высший класс нашего общества, – пишет газета, – не должен оставаться равнодушным к делу воскресных школ, которые представляют ему удобный случай сблизиться с народом, и, подавая последнему руку в деле об-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 17 сентября.

² Там же.

разования, установить с ним отношения мира, согласия и симпатии, взамен нерасположения и неприязни, разделяющих их в настоящее время»¹.

По правилам Казанской бесплатной воскресной школы она была открыта по воскресным и праздничным дням с 9 до 12 часов утра и с 3 до 5 часов по полудни. Школу мог посещать каждый, желающий учиться, учебные пособия выдавались в школе бесплатно. В школе преподавались: Закон Божий, чтение, чистописание, арифметика и рисование. Учащиеся в школе разделялись на два отделения: в 1-е отделение зачисляли учащихся, начинающих обучение с азбуки, во 2-е – умеющих читать, писать и обучающихся арифметике и рисованию. Каждое отделение делилось на группы по степени развития и познания учащихся. В каждой группе первого отделения вел занятия один преподаватель, в каждой группе второго отделения – два или три преподавателя. Преподаватели школы составляли учебный совет, обсуждению которого подлежали все вопросы, касающиеся устройства школы.

Как известно, к 1860 г. в Казани специальных начальных училищ для девочек не было, хотя вопрос об открытии таких школ впервые был поднят штатным смотрителем еще в 1849 г.

К 60-м годам XIX в. потребность в обучении девочек стала очевидной. В 1860 г. смотритель городских училищ Андреев доносил директору, что осознанная им потребность в обучении девочек, заставляет его ходатайствовать об открытии женского приходского училища. Городская дума, рассмотрев это ходатайство, ответила, что хотя она и разделяет идею полезности обучения девочек, но учреждение особых женских училищ «оставляет до более благоприятного момента», так как в Казани уже существует Маринское училище, в котором за умеренную плату могут обучаться девицы всех сословий².

В результате отказа думы учредить женское училище, учитель первого приходского училища Николаев обратился с ходатайством о разрешении ему открыть воскресную женскую школу при первом училище, предложив преподавать грамоту девочкам бесплатно. Его инициативу поддержали многие преподаватели казанских училищ, изъявив готовность преподавать в воскресные дни. Учредителями второй воскресной бесплатной школы в редакцию газеты «Казанские

¹ Там же.

² Исторический очерк казанских городских начальных училищ с 1806 по 1890 г. / Составил учитель Г. Алексеев. – Казань, 1890. – С.4.

губернские ведомости» было послано следующее извещение: «Благая мысль распространения грамотности в народе посредством воскресных школ осуществилась у нас в Казани в марте месяце настоящего года, когда разрешено было открыть первую таковую школу в доме уездного училища. Первый опыт показал, что народ довольно ясно понял цель этих школ и принял их с тем сочувствием, какого следовало ожидать от здравого смысла русского человека. Желая со своей стороны содействовать доброму делу, штатный смотритель казанских училищ Андреев; учителя уездного училища Проскураков, Носов, Телешев и Мартынов; законоучителя приходских училищ священники Потехин и Спасский; также учителя приходских училищ Николаев, Солнцев и Кук изъявили желание открыть вторую воскресную школу в доме купца Блохина на Проломной улице, где помещается первое приходское училище, так как место это центральное и для города вообще, и для ремесленного населения в особенности». В объявлении газеты указывалось, что в этом училище «могут обучаться лица всех состояний и возрастов бесплатно. Обучать в нем будут: Закону Божьему, чтению, письму, арифметике и практическому рисованию»¹.

Ходатайство, представленное попечителю Казанского учебного округа, было одобрено, и казанским губернатором из суммы, пожертвованной купцом Коровиным, выделено директору новой воскресной школы 100 руб. серебром на первоначальное материальное обеспечение. Таким образом, с разрешения попечителя округа эта школа была открыта 25 сентября 1860 г., и вскоре в ней училось 100 учениц².

12 ноября 1860 года газета «Казанские губернские ведомости» сообщала о том, что в Казани 13 ноября предполагалось открыть женскую воскресную школу в здании университета, что при составлении правил ее деятельности были приняты во внимание правила, уже объявленные первой мужской воскресной школы³.

Бесконтрольный рост числа воскресных школ не только в Казани, но и в целом по России обеспокоил власти, и все самодеятельные школы в 1862 г. были закрыты. Одновременно правительство приступило к выработке нового законоположения о народных школах.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 24 сентября.

² Исторический очерк казанских городских начальных училищ с 1806 по 1890 г. / Составил учитель Г. Алексеев. – Казань, 1890. – С.4.

³ Казанские губернские ведомости. – 1860. – 12 ноября.

14 июля 1864 г. было принято «Положение о начальных народных училищах». Согласно закону, школы могли открываться не только правительством, но и местными обществами и частными лицами¹. С этого времени воскресные школы стали возникать не только в столицах и губернских городах, но и маленьких городках и даже в селах и деревнях России. Воскресные школы были мужские, женские, иногда смешанные. Обычно они открывались по инициативе частных лиц с разрешения инспектора народных училищ, и тогда они относились к ведомству Министерства народного просвещения. Если воскресные школы открывались епархиальным начальством, то они относились к духовному ведомству².

Из имеющихся источников известно, что в Казани после принятого 14 июня 1864 г. «Положения о начальных народных училищах» воскресная школа была открыта лишь в 70-е годы при Казанской духовной семинарии.

Дело в том, что в эти годы в курс Казанской духовной семинарии был введен новый предмет – педагогика. По поводу введения в семинарии курса педагогики А. Зеленецкий писал: «Народная школа есть одно из средств духовного развития народа и с этой точки зрения должна быть вспомогательным средством для пастыря, хотя бы она и не была строго клерикального и не носила чисто церковного характера. Отсюда выясняется прямая задача духовных семинарий знакомить своих воспитанников с разумными педагогическими приемами и основаниями, в целях содействовать чрез это прочному влиянию приходского духовенства на народное образование»³. Таким образом, по мнению А. Зеленецкого, целью народной школы являлось не только научить грамотности, «но саму грамотность сде-

¹ Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного просвещения. – Уфа, 2005. – С.52.

² В 1891 г. Министерством народного просвещения было принято распоряжение о том, чтобы все учреждаемые впредь в виде самостоятельных учебных заведений воскресные школы для православного населения были подчинены духовному ведомству. (Ключ к распоряжениям по низшим учебным заведениям Министерства Народного Просвещения, напечатанным в циркуляре по Казанскому учебному округу за время с января 1871 г. по июнь 1906 г. включительно. – Казань, 1907).

³ Зеленецкий А. Воскресная школа при Казанской духовной семинарии в 1873 году // Православный собеседник. Издание Казанской духовной академии. 1874. – Март. – Ч.3. – С.311.

ать средством, образующим и просвещающим человека»¹. А так как одних теоретических знаний по педагогике было недостаточно, то для практических занятий воспитанников семинарии и была открыта при семинарии воскресная школа, где они знакомились с педагогическими приемами, приобретали навыки новейших методов обучения, знакомились с учебно-воспитательной деятельностью учителя в начальных школах.

Ученики воскресной школы при семинарии делились на два отделения: начинающих и грамотных.

В первом отделении обучались: молитвам, первоначальному чтению и письму, чтению логическому, декламации, чистописанию, арифметике и пению молитв.

Во втором отделении обучались священной истории ветхого и нового завета, пересказу прочитанного, письму под диктовку, грамматическим правилам, изложению устно и письменно различных произведений, обучались первым четырем действиям арифметики, отвлеченным и дробным числам, пению одиночному и хоровому. Это были обязательные предметы воскресной школы. Необязательными предметами считались история, география, латинский язык. Этим предметам обучали по их желанию группу мальчиков отдельно от занятий в воскресной школе.

Всего обучалось в воскресной школе при духовной семинарии в 1873 г. 324 человека. Из них дети мещан и цеховых – 190 человек, детей крестьян было 50 человек, детей нижних воинских чинов – 47, детей чиновников – 22, детей духовенства – 9, детей купцов – 6 человек. Возраст учащихся составлял от 7 до 22 лет. В основном воскресную школу посещали дети христианского вероисповедания, но был в школе и один татарин-мусульманин². В 1885 году воскресная школа при духовной семинарии была преобразована в образцовую начальную школу, учрежденную для того, чтобы ученики последних курсов, изучающие педагогику, могли практически подготовиться к учительской должности в церковно-приходских школах³.

Инициатива открытия Покровской женской воскресной школы принадлежит жене инспектора Казанской духовной академии Раисе

¹ Там же.

² Зеленецкий А. Воскресная школа при Казанской духовной семинарии в 1873 году // Православный собеседник. Издание Казанской духовной академии, 1874. – Март. – Ч.3. – С.311.

³ Волжский вестник. – 1885. – 11 января.

Никандровне Виноградовой и дочери профессора той же академии Софье Николаевне Ивановской. Они нескольких лет преподавали в Покровской церковно-приходской школе и решили помочь девушкам и женщинам прихода, желавшим учиться. Профессор Ивановский поддержал их инициативу и взял на себя решение организационных вопросов. Получив разрешение на открытие воскресной школы, Ивановский собрал всех учительниц, желающих обучать в новой школе, и на этом собрании были выработаны правила учебного заведения, которые были утверждены архиепископом Владимиром.

17 ноября 1896 года Покровская женская воскресная школа была открыта в помещении Владимирской читальни и функционировала здесь до 1898 г. В начале 1898–1899 учебного года, ввиду большого числа желающих учиться, школа перешла в более обширное помещение, в Михайловское городское приходское училище. Здесь, вследствие большого количества классных комнат воскресная школа получила возможность устроиться с большими удобствами, чем в помещении Владимирской читальни, где в одной комнате приходилось вести занятия нескольким учительницам с разными группами одновременно.

Уже в первый же год открытия школы в ней обучалось более 230 учениц, в следующем учебном году их было 287 человек, в 1898–1899 учебном году – 343. По возрасту большинство учениц находились в возрасте от 13 до 27 лет, хотя были люди старшего поколения: от 56 до 67 лет. По сословию большинство учащихся были крестьянки и мещанки. Так, в 1898–1899 учебном году в школе обучалось: крестьянок – 178 человек, мещанок – 147, дочерей и жен солдат – 7, цеховых – 4, дочерей и жен чиновников – 3, духовных – 2, дворянок – 1 и 1 почетная гражданка. По вероисповеданию учащиеся были в основном православные, хотя в отдельные годы воскресную школу посещали 10–15 татарок-мусульманок¹.

Обучение в школе проводилось по программе 2-х классной церковно-приходской школы. Учащиеся делились на 4–5 основных групп, которые, в свою очередь, делились на более мелкие группы сообразно возрасту, времени поступления учащихся в школу, уровню их познаний. Такое деление стало возможным благодаря большому количеству учительниц, число которых в течение шестилетне-

¹ Волжский вестник. – 1885. – 11 января.

го существования школы колебалось от 18 до 40¹. Среди учительниц воскресной школы было много девиц, окончивших курс гимназии, стремившихся приложить приобретенные ими познания к делу начального образования среди городского женского населения, которое не имело возможности получить его в обычной школе.

В первую группу воскресной школы зачислялись совершенно неграмотные, во вторую – ученицы, умеющие более-менее свободно читать и немного писать, к третьей группе причислялись ученицы, которые по своим познаниям приравнивались к учащимся третьего отделения начальной школы. Контингент этой группы составляли лица, проучившиеся два года в воскресной школе или в начальном училище. В состав четвертой группы входили ученицы, окончившие курс в начальном училище, и желающие расширить свой кругозор и пополнить или возобновить запас знаний, полученный ими в начальной школе. В пятую группу выделялись ученицы, окончившие курс в начальном училище и желающие подготовиться к испытаниям на звание учительницы. Ученицы пятой группы, поставившие себе определенную цель, готовились в основном самостоятельно дома и приходили в школу не для приобретения каких-либо сведений, а для разъяснения того, что они узнавали из учебников.

Среди городской интеллигенции, как отмечали современники, было мало людей, которые знали о существовании воскресной женской школы, и еще меньше таких, которые принимали участие в ее развитии. В университетском, просвещенном городе существовал лишь небольшой круг социально активных образованных людей, которые шли навстречу стремлению простого народа к грамотности. Тем не менее, как подчеркивали современники, воскресная женская школа, «благодаря преданности делу и любви к нему со стороны ее руководителей, заслужила симпатию среди населения и достигала всегда очень хороших результатов»².

23 ноября 1896 г. газета «Казанские губернские ведомости» опубликовала объявление, в котором сообщалось, что по инициативе профессора университета А.И. Александрова и с благословения и разрешения архиепископа Владимира при участии студентов духовной академии в Забулачной части г. Казани, в церковно-приходской

¹ Сосунцов Е.Ф. Описание церковных школ гор. Казани и Казанского уезда. – Казань, 1903. – С.276.

² Захарьевский Н. Церковные школы Казанской епархии за 25 лет их существования (1884–1909). – Казань, 1909. – С.56.

школе при Владимирском соборе, открывается бесплатная мужская воскресная двухклассная школа. Предметами обучения, как сообщала газета, будут: Закон Божий, русское и церковнославянское чтение, письмо, арифметика и краткие сведения из отечественной истории и географии¹.

Открытие мужской воскресной двухклассной школы состоялось 24 ноября 1896 г. В школу принимались все желающие мужчины, взрослые и подростки, кто по тем или иным причинам не мог учиться в обычной школе по будням. В школу принимали как неграмотных, так и тех, кто прошел уже некоторый курс обучения и желающих продолжить свое обучение, или повторить свой прежний курс. Поэтому все учащиеся школы делились на группы неграмотных и знакомых с грамотой. Кроме того, в школе была создана еще особая группа – «учительская» из лиц, «прошедших основательно уже школьный курс, в большинстве случаев четырех и трехклассных училищ и двухклассных сельских школ, и желающих расширить свои знания занятиями в воскресной школе до возможности сдачи экзамена на звание учителя церковно-приходской школы»².

Затем, в особую группу выделились учащиеся-служители духовной академии, не имевшие возможности по условиям своей академической службы посещать городскую школу. В эту группу записались 31 человек, желающие возобновить и расширить свои школьные познания и выучиться грамоте. Эта группа учеников занималась в одном из свободных служительских помещений в здании академии.

Так как помещение, выделенное под воскресную двухклассную школу, было очень тесным, с разрешения архиепископа Владимира, городского управления и попечителя училища Т.О. Тихомирнова она была переведена в 1-е начальное городское училище, в прежнем помещении остались только две первые группы с малолетними учениками.

Занятия в школе начинались в 12 часов дня пением общей молитвы и кратким объяснением воскресных евангелий и продолжались до 16 или 16½ часов.

В воскресную двухклассную школу записалось 204 человека (4 человека выбыло по разным причинам). По вероисповеданию – все учащиеся были православными, кроме 1 мусульманина, 2 евреев и 1

¹ Волжский вестник. – 1896. – 23 ноября.

² Александров А. Отчет мужской воскресной школы со времени ее открытия по 1 января 1897 г. в Казани. – Казань, 1897. – С.2.

католика. По возрасту – все в пределах от 8 до 42 лет. По сословию – крестьяне, мещане, цеховые, чиновники и др. В школе обучались люди самых разных профессий. Но больше всего среди учащихся было разнорабочих – 57 человек и служителей духовной академии – 31 человек¹. По мнению заведующего школой, профессора университета А.И. Александрова, «посвящение взрослыми единственного свободного дня в неделю – дня отдыха – ученью говорит, несомненно, о сильном желании учеников учиться, говорит об уверенности, что в школе и взрослый ученик найдет не только нужные сведения, но и нравственную поддержку в принятом им решении учиться»².

В 1897–1898 учебный год учащихся в школе начитывалось 253 человека, в следующий учебный год – 315, в 1899–1900 – несколько меньше – 176 человек, что было связано с проблемой помещения школы. Дело в том, что за пять дней до начала учебного года заведующим школой было получено от попечителя первого городского училища извещение об отказе школе в ее прежнем помещении, в результате чего занятия в школе были временно отложены. Новое помещение было найдено в здании четырехклассного городского училища и только 10 октября начались занятия в ней. Многие ученики, считая школу закрывшейся, перестали ее посещать. Однако, уже в последующие годы количество учеников воскресной школы снова начинает увеличиваться и в 1900–1901 учебный год их число составляло 240, в 1901–1902 учебный год – 276 человек³. Примечательно, что к 1900 г. число учеников-магометан увеличилось до 15 человек, которые готовились на звание указного муллы и поступали в школу с целью подготовки к экзамену по русскому языку, что было необходимо для получения этого звания⁴.

Характерной особенностью Казанской воскресной мужской школы являлись устраиваемые с 1900–1901 учебного года занятия старших учеников (учительской группы) с младшими группами. Старшие ученики, готовящиеся к экзамену на звание учителя начальной школы, в свободные часы допускались в младшие группы

¹ Александров А. Отчет мужской воскресной школы со времени ее открытия по 1 января 1897 г. в Казани. – Казань, 1897. – С.36.

² Там же. – С.37.

³ Сосунцов Е.Ф. Краткое историко-статистическое описание школ церковно-приходских и грамоты г. Казани и Казанского уезда. – Казань, 1900. – С.249–254.

⁴ Там же.

для занятий в качестве учителя под непосредственным руководством преподавателя¹.

В Адмиралтейской слободе, где потребность в школе чувствовалась давно, воскресная школа была открыта 9 февраля 1897 года в помещении V приходского училища. Особенностью этой школы было то, что в одной половине училищного здания размещалось мужское отделение школы, в другой – женское. Учащиеся как в одном, так и в другом отделении разделялись на три группы, в зависимости от программы начальной школы. При необходимости эти три группы разделялись на более мелкие группы, в каждой из которых обучение велось самостоятельно. Такая дробность групп вызывалась неравномерным посещением учащихся, что было обусловлено занятостью учащихся иногда и в воскресные, и в праздничные дни. В первый же учебный год в мужское отделение школы записалось 97 человек, в женское отделение – 43; в следующем учебном году количество учащихся школы увеличилось до 156 человек в мужском отделении и до 116 – в женском. Однако, посещаемость школы составляла 40–50% всех записавшихся в школу учащихся².

Возраст учеников, записавшихся в школу, колебался от 7 до 20 лет. Хотя в первый год функционирования школы начинали учиться 25–30 летние, но вскоре они переставали посещать школу, что объяснялось большим наплывом подростков и недостатком школьных помещений.

Содержалась школа на средства Боголюбского приходского попечительства, которое выделяло на необходимые ее нужды от 100 до 150 рублей в год. Попечителем мужского отделения являлся купец Андрей Иванович Кукарников, женского отделения – до 1899 г. попечительницей была О.Т. Прибыткова, после нее – жена купца Анна Касьяновна Землянова.

Утверждение и развитие капиталистического хозяйства, развитие промышленности и торговли настоятельно требовали повышения образовательного уровня городского населения, увеличивая спрос на дипломированных специалистов, грамотных и обученных рабочих.

В пореформенный период в целом увеличилось как число городских учебных заведений, так и количество учащихся. Если в 1882 г. в

¹ Сосунцов Е.Ф. Краткое историко-статистическое описание школ церковно-приходских и грамоты г. Казани и Казанского уезда. – Казань, 1900. – С.249–254.

² Там же. – С.266.

Казани было 59 русских учебных заведений всех форм и типов, в которых обучалось 7843 учащихся, то в 1904 г. – 102 учебных заведения с 14330 учащимися. Система народного образования в Казани в среднем каждый год пополнялась 2 учебными заведениями и 313 учащимися¹. Для Казани – крупного промышленно-торгового и административного центра такой темп роста был явно недостаточен и далеко не все дети могли получить образование, не говоря о взрослых, занятых повседневной работой.

Таким образом, малочисленность начальных школ в Казани и их настоятельная потребность привели к открытию в 60-е годы XIX века нового типа начальных школ – воскресных, в которых желающие обучиться грамоте могли заниматься в свободное от работы время.

Воскресные школы были бесплатными, в них принимались желающие получить начальное образование дети и взрослые всех сословий, без различия вероисповедания. Поэтому сословный состав учащихся воскресных школ был самым разнообразным, а возраст учащихся колебался от 10 до 60 лет. Разнообразным был и уровень знаний учащихся: от неграмотных до окончивших начальную приходскую школу и т.д. В силу выше названных и других разнообразия причин воскресная школа имела много подразделений – групп, в 10–20 человек каждая. Вследствие такого дробления учащихся на группы, воскресные школы требовали и большого числа преподавателей. Обучением в воскресных школах занимались, главным образом, учителя начальных школ, которые после недели тяжелого труда отдавали обучению в воскресной школе свой единственный свободный день.

Особенностью воскресных школ являлась бессрочность обучения, что составляло большое преимущество этих школ, так как не ограничивало взрослых учащихся в их желании учиться и позволяло им посещать школу на протяжении ряда лет.

Обучение в воскресных школах имело свои особенные приемы и методы, которые учитывали возрастные особенности учащихся и незначительный объем учебного времени. Проблема осложнялась тем, что специально разработанных для воскресных школ учебников и программ практически не было. Поэтому вопросы методики обучения составляли основной вопрос педагогических заседаний, на которых преподаватели воскресных школ делились своим опытом, своими наблюдениями, знакомились с опытом преподавания других школ.

¹ История Казани. – Первая книга. – Казань, 1988. – С.216.

Помещались воскресные школы в городских низших учебных заведениях или ютились в неудобных помещениях – маленьких, холодных, сырых. Из-за отсутствия собственных учебных помещений воскресным школам приходилось отказывать массе желающих поступить в них за неимением места. Не имея собственных помещений, существуя на незначительные пожертвования, практически без поддержки городских властей, воскресные школы продолжали функционировать, давая бесплатно первоначальные знания всем желающим учиться. Естественно, что воскресные школы давали минимум знаний своим ученикам, однако в определенной степени они помогали решать проблему с начальными школами.

Слабая изученность темы пока оставляет ряд вопросов в истории развития воскресных школ города Казани – это вопрос о количестве воскресных школ в Казани в пореформенный период, об особенностях возникновения и функционирования каждой из них, об их финансировании и т.д. Интересной, на наш взгляд, является проблема сравнительного анализа воскресных школ второй половины XIX века с воскресными школами, возникшими в настоящее время, с целью выяснения степени их преемственности. Таким образом, эта интересная тема ждет своих исследователей.

Н.С.Хамитбаева

Театральная жизнь Казани второй половины XIX века на страницах газеты «Казанские губернские ведомости»*

Известно, что изменения в социальной действительности России во второй половине XIX веке вели к переменам в общественной жизни, к изменению прежних норм и обычаев в разных сферах общественной жизни. В период капитализма Казань продолжает развиваться как крупный центр культуры и искусства. В жизнь города все глубже входит театр, который стремился удовлетворять запросы своих зрителей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Культура Казани в документах и материалах. XIX в.»), проект № 10–01–29101а/В/2011.

Периодическая пресса того времени, в том числе и газета «Казанские губернские ведомости», старалась отзываться на все вопросы, связанные с развитием театральной жизни в Казани.

Как известно, газета «Казанские губернские ведомости», выходила в 1838–1917 гг., что позволяет проследить различные аспекты развития городского театра на протяжении достаточно большого периода времени. В данном случае, перед нами стоит задача – выявить, каким вопросам казанского городского театра газета уделяла наибольшее внимание во второй половине XIX века.

Материалы газеты, собранные путем случайной выборки, были укомплектованы по следующим группам: 1) театр, 2) репертуар, 3) труппа, 4) публика.

Театр		Репертуар		Труппа		Публика	
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
9	13,8	25	38,5	25	38,5	6	9,2

Как видно из таблицы, значению театра, его задачам, внешнему виду, материальному содержанию газета «Казанские губернские ведомости» уделила всего 9 публикаций или 13,8% от всего информационного массива.

Так, в отношении значения казанского театра газета писала: «Театр в Казани издавна составлял существенную потребность общества и посему не удивительно, что в первые же три года своего существования, он занял, бесспорно, первое место между всеми провинциальными театрами».¹

По поводу театра в Адмиралтейской слободе, газета сообщает, что «здание театра было переделано из какого-то амбара, и как ни старался его улучшить и приспособить для театра энергичный Г.Г. Тальквист, все же оно оказалось и очень узко и очень низко, так что двум актерам на сцене и разойтись-то было трудно. Где же тут обставить сцену, и какая может быть постановка пьес? Разве именно одноактные оперетки и водевили только и возможны, да и то с грехом пополам».² Газета задает вопрос «почему в Казани не найдется до сих пор такой предприниматель, который построил бы большой летний театр?».

¹ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 31 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 сентября.

Описывая деятельность народного театра в Адмиралтейской слободе, автор публикации считает, что настала пора всему обществу г. Казани «придти на помощь прекрасному и полезному делу, ибо силы одиночных лиц, хотя и беззаветно преданных и действующих в духе одной идеи, могут истощиться». По мнению автора, не мешало бы в таких всеобщих и полезных делах, как дело народного театра в г. Казани, помогать этому делу общими силами, чтобы дать прочное устройство одному из самых полезных учреждений, имеющему воспитательное значение, могущему повлиять на улучшение народного быта¹.

Рассматривая задачи городского театра, газета приходит к выводу, что учредители общедоступного театра смешивают два понятия: общедоступности и народности. В обществе, пишет автор корреспонденции, сложилось мнение, что раз театр по ценам на места общедоступен, то значит он народный. На самом деле общедоступность и народность, по мнению автора, совершенно разные понятия, не имеющие никакой логической связи. «Общедоступность, – пишет автор, – есть необходимое качество, которого должны держаться все без исключения театры, хотя, к сожалению, на деле оказывается, что это качество не присуще ни одному из них»². Самые дешевые места обычно стоят не менее 25 копеек, отмечает автор, так что какой-нибудь бедняк совершенно лишен возможности посещать театр, и очень часто ни разу в нем не бывал, не знает, что значит театр.

Народным театром, по мнению газеты, мог бы называться только такой, который бы в то же время мог получить название – серьезный театр. Задача его, прежде всего – «общечеловечность». Причем, как считает автор, нельзя ограничиваться одной только русской жизнью, «потому что эта жизнь не одна только, а есть много других, быть может, часто неподходящих к тем рамкам и условиям, в которых она находится. Но тогда, тем более, нужно знать эти другие жизни, чтобы иметь возможность их анализировать, сличать с собственной своей жизнью и делать те или иные заключения»³.

Отмечая первое общее собрание «Казанского Общества любителей сценического искусства», газета отмечает, что оно начинает свою деятельность в важный момент для искусства, потому что антрепренер местного театра В.И. Истомин-Кастровский «думает сложить с себя бразды правления театром». Поэтому, по мнению газеты,

¹ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 28 мая.

² Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 сентября.

³ Там же.

Общество, посвящающее себя служению искусству, могло бы взять на себя организацию театрального дела. В большом городе, центре умственного развития обширного Волжско-Камского края, каковым считается Казань, по мнению газеты, вполне возможно разумно вести дело драмы и оперы соединенными силами лиц, преданных театру и музыке, соединенными силами Общества музыкального и сценического¹.

В заявлении антрепренера В.И. Кастровского, опубликованном в газете, приводятся условия содержания театра. Это и увеличение платы за аренду театра, требование иметь приличную обстановку сцены, оркестр не менее 25 человек, иметь хорошую труппу, при том, что ангажемент выдающихся артистов увеличился почти втрое. Так, если Глебова 7 лет назад получала 500 руб. в месяц, то в 1882 г. в первый сезон она получала 1250 руб. в месяц, а во второй – 800 руб., не считая бенефисных и путевых, составлявших более 2000 руб. в сезон. Свободин, служа прежде в Казани, получал 300 руб. в месяц, в 1882 г. – 700 руб., не считая бенефисных и дорожных. Иванов-Козельский, служа в Казани, получал максимум 350 руб., в 1882 г. 1000 руб. в месяц². Увеличились расходы по оплате освещения и отопления и т.д. Перечислив все обременительные условия содержания театра, антрепренер предлагает Казанской городской думе: уничтожить монополию на газовое освещение; упразднить должность смотрителя театра по назначению от города, заменив его смотрителем, определяемым антрепренером; к началу сезона устранить недостатки в здании театра, например, «устроить быстрорастворимые шпингалеты, пружины к дверям, обить последние в затворах войлоком и кожей, чтобы не было стуку, не бились стекла, держалось тепло и т.п.»³.

Значительное количество информации в газете «Казанские губернские ведомости» – 38,5% относилось к репертуару театра.

В отношении репертуара газета часто давала простую информацию, типа объявлений, о том, когда и какие пьесы будут поставлены в городском театре. Иногда эти сообщения сопровождалась краткой аннотацией, например: «На нашем небольшом театре давались с большим успехом и драмы, и комедии, и водевили, и даже, начиналась, было, опера. Кроме того, в последнее время гг. распорядителя-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1882. – 16 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1882. – 24 апреля.

³ Там же.

ми театра были приглашены две балетные пары: Л. Шмидгоф и Балдин, В. Степанова и Степанов, составлен небольшой кордебалет, и мы с удовольствием наслаждались отдельными сценами из балетов «Жизель», «Разбойники в карпатских горах», «Пери, Наяда и рыбаки», «Мельники», «Воспитанница амура», «Крестьянская свадьба» и др.»¹.

Несколько больше внимания газета уделяла описанию театрального репертуара. Например, газета сообщает, что в зимний театральный сезон 1883 г., «оперетка продолжает занимать господствующее положение и ей, по-видимому, суждено будет процветать и в настоящем сезоне».² Далее автор приводит такой красноречивый факт «театральный зал, в дни представления лучших русских драматических творений, каковы бессмертное «Горе от ума» или «Доходное место», с участием гастролеров, неприятно поражает взгляд своим пустынным видом... между тем, представление какой-нибудь набившей всем оскомину и устаревшей даже для шарманок «Прекрасной Елены», словно магнит, притягивает публику...»³.

Не ограничиваясь констатацией факта преобладания интереса публики к оперетте, газета «Казанские губернские ведомости» пытается выяснить причины этого явления. Поэтому в газете достаточно часто встречаются разного рода рассуждения по поводу театрального репертуара. Так, например, отмечая, что успех сцены зависит от рационального выбора пьес, целесообразной раздачи ролей и возможно полной подготовки артистов к выполнению их, автор публикации подробно останавливается на анализе последних спектаклей. В период времени с 27 декабря 1874 г. по 17 января 1875 г., сообщает он, были поставлены: «Испорченная жизнь», «Роковой шаг», «Воробушки», «Грех да беда на кого не живет», «Семейные расчеты», «Злоба дня», «Липочка» и «Современная барышня». Из всех названных пьес только одна, как считает автор, отличается художественной отделкой. Это – пьеса «Грех да беда». «Всматриваясь в содержание других произведений, лишенных художественной обработки, – пишет газета, – невольно замечаешь при этом крайнее однообразие основных мотивов, на которых они построены». Все они за небольшим исключением, как отмечает автор, построены на одной и той же теме. На первом плане – героиня, влюбляющаяся в «посредственного»

¹ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 31 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1883. – 29 октября.

³ Там же.

героя, который оказывается вероломным и бросает героиню. Несчастная жертва начинает оглашать воздух стенаниями и благодаря слабости мысленных способностей, не только не выносит ничего поучительного из горького опыта, но начинает делать самые непозволительные несообразности: например выходит замуж за первого встречного, сходит с ума, стреляется и т.п. Таково в общих чертах содержание этих пьес с небольшими вариациями, пишет автор. При этом «большая часть названных пьес, – сообщает он, – необычайно растянуты, лишены действия и переполнены неожиданными превращениями, и бесконечными и бесхарактерными разговорами». Выбор подобных пьес, построенных на одном мотиве, и постановка их друг за другом представляется автору безосновательной. «Однообразие, – по его справедливому мнению, – утомляет публику (особенно если оно не искупается художественностью) и мало помалу отвлекает зрителей от театра»¹.

Часто размышления корреспондентов газеты «Казанские губернские ведомости» сопровождаются выявлением причины успеха или неуспеха тех или иных постановок. Так, в газете приводится мнение Бобарыкина: «Очень редко увидите вы спектакль, где пьесы удовлетворяют зрителей общностью исполнения, где не выставляется на показ виртуозность первых сюжетов, для которых только и является публика». Это высказывание, считает автор корреспонденции, настолько правдиво, настолько верно указывает на общий строй провинциальной сцены, что вполне вошло в сознание людей, более или менее внимательно относящихся к театру и суммирующих свои впечатления². Однако, как считает автор, нет правил без исключения и отмечает заметно возросший уровень ансамбля в праздничных спектаклях, в результате чего даже посредственные пьесы, по его мнению, смотрелись с интересом. Причину этого автор корреспонденции видит в «рациональной постановке, как драмы, так и водевилей, проявившейся во 1-х, в том, что в спектаклях участвовали почти исключительно только главные персонажи труппы..., во 2-х, в том, что роли были розданы довольно целесообразно»³.

Размышляя о комедии Ожье «Свадьба Олимпы», газета приходит к выводу, что она «по своим достоинствам резко выступает из среды современного французского репертуара. Новизна содержания

¹ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 18 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 25 января.

³ Там же.

положений, типическая обработка лиц, остроумие, которыми проникнуто каждое слово, так и бьют в глаза, показывая недюжинное перо. Но что особенно приятно, так это то, что она весьма удовлетворительно может быть поставлена на нашей сцене»¹.

Нередко в публикациях газеты, посвященных театру, можно встретить критический подход к ряду постановок.

Чаще всего встречается простая критика, например, в отношении дебютных спектаклей 1876 г. газета пишет, что успеху многих пьес «сильно вредят: небрежная обстановка, неправильная раздача ролей и несоответствующие пьесам костюмы»².

Однако встречается и серьезная критика. Например, приветствуя открытие нового театра в Адмиралтейской слободе в саду «Тиволи», газета пишет, что большей частью эпитет «народного» придается театру, чтобы показать, что он открывается с целью давать пьесы из жизни простого народа. Но, учредители такого театра, пишет автор публикации, считают, что простой публике по нраву больше искаженная драма, нежели истинно-правдивая, поэтому на своих афишах они дают названия спекулятивно-трескучей, драматической литературы, озаглавливая каждый акт каким-нибудь страшным, наводящим ужас названием. Такому театру, по мнению автора, более пристало бы название «театр для детей по возрасту, уму и образованию».

Давая конструктивную критику, газета нередко сообщает свои пожелания по улучшению деятельности театра.

По мнению автора, создавая театр в Адмиралтейской слободе, и назвав свой театр «народным» учредителям его следовало непременно объяснить публике цель своего театра и в каких, так сказать, смыслах понимают они свое предприятие, названное так громко – «народным театром»³. Попытки создать народный театр предпринимались не только в Казани, но и в Одессе, Москве, Петербурге, однако, по мнению автора, хотелось бы узнать, чего хотят предприниматели в этом случае, как понимают свою задачу. Программа театра в «Тиволи», как и в других случаях, пишет автор, носит характер неопределенности: «Нет в ней положительного указания ни на задачу учрежденного ими театра, ни на постановку дела, ни даже, собствен-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 25 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1876. – 23 сентября.

³ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 сентября.

но говоря, на репертуар, который бы хоть сколько-нибудь мог разъяснить, какого рода физиономию хотят придать они своему театру»¹.

При выборе пьесы, по мнению автора, необходимо составить список драматических произведений, удовлетворяющих более или менее художественным требованиям. При этом нужно учитывать возможность их постановки при наличном составе труппы. Этот список, как считает автор, можно дополнить такими произведениями, которые хотя и не отличаются особенными достоинствами, но не лишены интереса, имеют довольно обработанные роли, дающие возможность главным персонажам труппы производить более или менее сильное впечатление. Из этого списка необходимо, по мнению автора, выбрать те пьесы, которые наиболее любимы публикой или те, которые могут быть особенно хорошо выполнены и, следовательно, гарантируют успех. Не избегать повторений тех из них, которые понравились зрителям и, наконец, обращать внимание на то, чтобы подряд не ставились произведения, тождественные по содержанию².

Театральным труппам и отдельным артистам, приезжавшим в Казань, как и в отношении театрального репертуара, газета уделила 38,5% от всего информационного массива.

Как и в отношении репертуара, газета «Казанские губернские ведомости» дает достаточно много простой информации о театральных труппах и отдельных артистах.

Простая информация обычно содержала сообщения о приезде того или иного артиста в Казань. Например, газета сообщала, что в сезон 1879 г. в казанском театре будет играть известная артистка Московского Малого театра Г.Н. Федотова.

Из простой информации газеты «Казанские губернские ведомости» можно узнать, что 29 февраля 1880 г. состоялся прощальный бенефис антрепренера П.М. Медведева, который отказался от дальнейшего содержания Казанского театра. (Театр был сдан на пять лет Кастровскому, бывшему антрепренеру Саратовского театра). 29 февраля, пишет газета, театр был переполнен: «публика, видимо, желала проститься с уважаемым антрепренером-артистом, много лет служившим ей и во время этого сумевшим заслужить ее симпатии и благодарность»³. Отдавая должное деятельности П.М. Медведева, автор публикации отмечает, что он доставил возможность казанской публике

¹ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 сентября.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 18 января.

³ Казанские губернские ведомости. – 1880. – 8 марта.

пересмотреть почти все, что было лучшего на провинциальных сценах, «многое, что по справедливому замечанию одного из рецензентов, заблестало потом на столичных сценах». Медведев организовал русскую оперную труппу и познакомил с этим видом искусства не только Казань, но и все Поволжье. Наконец, отмечает автор, он заслужил себе почетное имя и своим отношением к товарищам-артистам в их среде, а своим замечательным комическим талантом в среде публики¹. Далее автор подробно описывает, как происходил бенефис: после водевиля дождь цветов, шумные овации и подарки.

Сообщая о бенефисе Е.Н. Полтавцева, газета напоминает, что он почти 30 лет служил русской сцене, что с 1857 г. почти постоянно выступал на казанской сцене «и Казань не может не помнить, что г. Полтавцев создал не одну роль вполне художественно и правдиво»². При этом автор вспоминает и его брата Корнелия Николаевича Полтавцева. «Это прекрасный актер, – пишет автор, – честный, добрый товарищ, имя которого незабвенно для любителей театра. Евгений Николаевич Полтавцев наследовал много добрых черт своего брата и если не настолько разносторонний артист-художник, то все же один из симпатичнейших артистов в своем амплуа»³.

Рассказывая о приезжающих в Казань актерских труппах, газета знакомила с ними будущих зрителей. Так, например, она писала: «Труппа хотя и не блестящая, но в числе ее есть артисты с дарованиями удовлетворительными; мы можем указать на г. Виноградова – старинного знакомого казанской публики, г. Рыбакова, который особенно хорош в русских народных пьесах, и на некоторых других; слабую сторону труппы составляют женские роли»⁴.

Сообщая о начале сезона 1876 г., автор называет неизвестных еще в Казани артистов. Среди них Глебову, Киселевского и Форкати, «о которых слышали и читали так много хорошего, особенно о Глебовой, которая лет двенадцать подвизается на сцене, перебивала во всех более выдающихся театрах России, в том числе и Петербурга, и имела везде громадный успех»⁵. Автор называет имена Мартыновой и Лазарева, которые пользовались вполне заслуженным успехом у публики. С удовольствием отмечает, что антрепренеру Медве-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1880. – 8 марта.

² Казанские губернские ведомости. – 1882. – 16 января.

³ Там же.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1862. – 28 декабря.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1876. – 23 сентября.

деву удалось удержать в труппе любимцев публики Иванова-Козельского и Добрынина.

В сезон 1879 г. газета писала: «Казанский летний театр в настоящий сезон смело может гордиться тем, что в составе его труппы находится такой замечательный артист, как г. Свободин, и такие артисты как гг. Холин, Каменский и др. Кто истинно любит театр, русское драматическое искусство, тот, несомненно, должен признать, что редко, крайне редко удавалось ему видеть что либо подобное тому, что например, дает ему в текущий сезон своей игрой г. Свободин. Положительно говорим, что из провинциальных артистов Казань еще не видела такого могучего и разнообразного таланта»¹.

Описывая театральные труппы, газета иногда давала свою оценку. Например, она писала, что Казанский театр «в своем составе имел даже таких представителей, которые беспристрастно могли стать не только на ряду, но даже выше столичных своих соперников»².

Часто описание того или иного театрального события сопровождалось рядом наблюдений. Так, например, в 1854 г. казанскую сцену покинул известный в то время драматический артист Милославский. «В лице Милославского, – писала газета, – Казань имела такого артиста, который мог удовлетворить самым взыскательным требованиям публики. В его игре было видно, что он долго готовился к своему амплуа и внимательно изучал современные условия драматического искусства». Поэтому, как считает автор, его приемы были благородны, голос, вполне удовлетворительный для сцены, мимика всегда соответственна: «собственно амплуа Милославского есть драма, преимущественно семейная, хотя он с большим успехом являлся и в водевилях и даже в трагедии»³.

В отношении актрисы Стрелковой газета писала: «В Казани она впервые выступила в главных ролях и, без преувеличения, можно сказать с первого появления на сцене она заслужила полное одобрение публики, и расположение к ней осталось по настоящее время неизменным. Имя Стрелковой на афише почти три года было соблазнительною приманкою для посетителей театра; потому что игра ее всегда была исполнена чувства, благородства и естественности»⁴.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1879. – 6 июня.

² Казанские губернские ведомости. – 1855. – 31 января.

³ Там же.

⁴ Там же.

Как отмечает газета, самолюбие актеров всегда отличалось такой болезненной раздражительностью, что малейшее замечание поднимало целую бурю. Однако, как отмечает газета, «сознавая всю важность общения между артистами и публикой, служащего нравственной связью для тех и других», сами артисты жалуются на отсутствие в провинции сценических обзоров, в которых некоторые из них начинают искать не хвалебной рекламы, а нравственной поддержки. «Этот факт, – пишет автор, – нельзя не признать отрядным; таких исключений в прежнее время не было»¹.

Поднимая вопрос о собственной постоянной городской театральной труппе, газета пишет, что постоянные театральные представления в Казанском городском театре происходят только зимой, но бывает, что и летом в город заезжают артисты, которые дают один или два концерта. Объясняют это обстоятельство обычно тем, что летом Казань пустует, все разъезжаются по дачам, сборы в театре плохие и т.п. Автор публикации считает, что в городе остается достаточно много горожан и небольшая, но дружная труппа, могла бы всегда не только окупиться, но и давать хороший дивиденд. При существовании в Казани постоянной небольшой труппы артистов, приезжие артисты, по мнению автора, могли бы гастролировать здесь с большим удобством и вносить оживление в деятельность местного летнего театра. «Конечно, – пишет автор, – было бы желательно, чтобы составила ассоциация лучших сценических сил – для гастролирования по бедным закоулкам нашей родины, но этого едва ли скоро дождемся»².

Анализируя работу актеров в казанском театре, газета не только описывала, но и размышляла, и рассуждала, и критиковала их деятельность. Так, например, рассматривая игру Стрелковой, газета писала: «бесспорно, Стрелкова в лучших своих ролях взяла себе за образец Н.В. Самойлову; но едва ли кто-нибудь вменит ей это обстоятельство в вину; лучше подражать прекрасному образу, нежели обнаружить вдруг неудовлетворительную самостоятельность»³. По мнению автора публикации: «Стрелкова еще слишком молода, чтобы от нее требовать безукоризненного совершенства». При этом, он считает, что «Стрелкова избрав для себя драматическое поприще, не

¹ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 18 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1881. – 18 июля.

³ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 31 января.

должна оставлять без внимания и общего образования, которое может облегчить ей путь к дальнейшему усовершенствованию»¹.

Часто критика газеты сопровождалась советами и пожеланиями. Критикуя игру артиста Казанцева, газета пишет, что «при видимом призвании его к сцене, еще далеко до звания артиста», что в Казань, знакомую с игрой артистов императорских артистов, следовало бы ему, на первый раз явиться под скромным именем дебютанта, советует присмотреться к лучшим образцам актерского искусства, приобрести опыт и учиться, учиться².

В отношении игры Шмидгофа газета писала: «Не можем не попенять г. Шмидгофу, который, выполняя роли Болтунова и Чухина, впал в утрировку, видимо старался потешить посетителей галереи и парадиса, забыв, что, может быть, и там были такие люди, которым вовсе не могут нравиться сально-грязные и почти балаганные выходы, короче, был неестественно дурен»³.

Анализируя пьесу Островского «Грех да беда на кого не живет», автор приходит к заключению, что актеры Писарев и А. Мартынова точно придерживались текста пьесы, а остальные артисты прибегали к помощи суфлера или к пересказу своим словами. А артист, исполнявший замечательную роль старого деда Архипа, каждое слово которого проникнуто глубоким смыслом, не только употреблял собственные пересказы, но даже выбрасывал из роли некоторые места⁴.

Сообщая о приезде в Казань артистки Меньшиковой, газета отмечает, что в исполнении артистки заметны некоторые недостатки. «Нечего говорить о том, что школа и умение, которыми прежде очаровывала уважаемая певица, остались при ней неизменно, но она стала временами прибегать к некоторой шаржировке, в особенности в драматических моментах», – пишет автор⁵. По мнению газеты, ей это не свойственно, что задушевность, искренность и естественность исполнения всегда составляли главную отличительную особенность ее громадного таланта. Недостатки в исполнении артистки газета объясняет непривычкой артистки к провинциальной публике, кото-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1855. – 31 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1860. – 2 мая.

³ Там же.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 1 февраля.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 20 июня.

рая «на самом деле предъявляет к исполнителю требования не настолько правильные, как московская или петербургская публика»¹.

Задача каждого артиста, как считает газета, заключается, несомненно, в правильном и рельефном создании характеров. Поэтому, по мнению газеты, первая обязанность добросовестного актера заключается во внимательном и всестороннем изучении, как своей роли, так и всего драматического произведения. «И действительно, – пишет она, – разве мыслимо сценическое творчество при слабом знании роли? Неизбежное последствие этого – крайняя бледность и бесцветность исполнения, нагоняющее скуку»². В провинциальных театрах, как считает автор публикации, репертуар настроен в основном на новизну и разнообразие, так что артисты, заваленные ролями, лишены возможности серьезно готовиться и как следует изучать свои роли. Поэтому, автор находит возможным, ограничить репертуар теми художественными произведениями, которые не сходят со сцены и незнанием которых не может отговариваться ни один более или менее серьезный артист: «По отношению к подобным пьесам, не составляющим минутного явления, нельзя не требовать точного и внимательного изучения, если вопрос идет действительно об «искусстве»³. При этом каждому артисту необходимо учитывать следующее требование – это отождествление себя с задуманным типом. «Это требование, – пишет автор, – неизбежно для всякого артиста и великого и малого; всякий должен сделать в этом направлении, что может, сообразно с размером своих сил»⁴. Кроме того, по мнению автора, каждому артисту необходимо учитывать требование «отделки и яркого выставления вперед типических особенностей изображаемой личности, в которых заключается главная сущность характера», что достигается при целесообразной установке общего телесного облика, грима, костюма, мимики и речи⁵. С развитием сценического искусства, по мнению автора, изменилось отношение к внешней несовершенной стороне, лишившей сцену естественности. «В настоящее время, – пишет он, – каждый дельный артист смотрит как на непрременную обязанность – установить пластическую и живописную сторону своего замысла»⁶. В этом отношении

¹ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 20 июня.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 1 февраля.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 8 февраля.

автор выделяет артиста Писарева. «Посадка его тела, – пишет он, – в состоянии покоя и движения отличается таким разнообразием форм, что почти в каждой исполненной им роли он является совершенно новым человеком»¹. Как пример, автор указывает на его общий вид в пьесах Островского в ролях купцов Анания Яковлева и Краснова, в аристократических типах Градищева, Хлебоедова, Диковского, Сараева и др., в ролях загнанных судьбой и спившихся мелких чиновников Груздева, Петра Ивановича, в роли крестьянина Зосимы, подчеркивает их разнообразие. «Если при этом, – пишет автор, – обсудить насколько соответствует общий вид того или другого из названных типов особенностям национальности, возраста, темперамента, общественного положения и преобладающих душевных качеств, которые имел в виду автор произведения, то неизбежно придется отдать г. Писареву полную справедливость за его неутомимое и внимательное отношение к искусству». Другие артисты, считает автора, значительно уступают Писареву и, несмотря на их стремление, в их замысел прокрадывается субъективный элемент, который устраняет возможность разнообразия. Из женского персонала к указанным требованиям, по мнению автора, приближаются Стрепетова и Шмидгоф, что свидетельствует об их знакомстве с условиями пластического творчества.

«Требования современной сцены, – пишет автор, – относительно гримировки и костюма поставлены весьма определенно»². Эти условия, предполагающие мастерство живописца, приносят определенные затруднения артистам. Но именно Писареву, по мнению автора, удастся «побеждать с успехом эти затруднения. Очень редко, и притом всегда, кстати, является он в своем обыкновенном виде; в большинстве случаев он бывает загримирован так искусно, что его невозможно узнать»³. Но главное, как считает автор, это то, что «его гримировка и вообще вся живописная часть бывает до крайности разнообразна, художественно отделана и поставлена в прямое соотношение с изображаемым типом»⁴. Другие актеры, по мнению автора, не придают большого значения гриму и гримируются однообразно, что придает внешнему виду создаваемого образа чисто субъективный, мало интересный характер. В отношении женского персонала признаются только белила и румяна. Характерность изображаемого лица придается

¹ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 8 февраля.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 15 февраля.

³ Там же.

⁴ Там же.

только более или менее соответственным построением костюма и прически. Поэтому, как считает автор, такое однообразие и небрежность лишает их возможности производить впечатление на публику живописной стороной своей роли. Далее автор рассматривает значение мимики и жестыкуляции в создании необходимого образа. И в этом случае, по мнению автора, актер Писарев выделяется выразительностью и характерностью мимической игры. «Его мимика и жестыкуляция всегда, – пишет автор, – находятся в строгом соответствии с задуманным типом и отличаются яркостью и рельефностью, которая и производит иногда потрясающее впечатление»¹.

Отмечая способности актера Писарева, его умение целесообразно выстраивать общий пластический облик изображаемого лица, автор сожалеет о том, «что он почти не появляется в тех ролях, где деятельность сценического художника сливается почти совершенно с творчеством скульптора, берущего свои сюжеты из отдаленных времен»². Автор имеет в виду, что в тот сезон не ставились пьесы Шекспира, Шиллера и Лессинга. В этих пьесах, по мнению автора, «сказывается не столько непосредственная наблюдательность, сколько теоретическая подготовка». И именно в них, пишет автор, «хотелось бы познакомиться с г. Писаревым, от которого, как от человека образованного и знатока сценического дела, можно ожидать и в этом отношении удовлетворительных результатов»³.

Газета «Казанские губернские ведомости» подробно анализирует целесообразность раздачи ролей требующих тонкой отделки ведущим артистам, которые имеют возможность точно определить черту, где оканчивается естественность и начинается фарс. Чтобы найти эту границу, по мнению автора, необходимо «много опытности, много умения и серьезного изучения, чтобы обойти удачно подводные камни», которые представлены, например ролью Лукерьи Даниловны Жмигулиной, сестры Красновой в пьесе «Грех да беда», которая требует рельефно очерченного образа, бьющего жизненной правдой и типичностью⁴.

Критический подход позволял газете «Казанские губернские ведомости» увидеть и положительные моменты в развитии театральной жизни. Так, сообщая о труппе Ярославцева, которая гастролиро-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 15 февраля.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 8 февраля.

³ Там же.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1875. – 25 января.

вала в основном по уездным городам Вятской губернии, а летом 1881 г. в Казани, газета считает, что труппа заслуживает доброе слово. «Если нет в среде их выдающихся талантов, – пишет автор публикации, – все же видно добросовестное отношение к делу, любовь к нему, а в некоторых актерах видны такие задатки, что смело можно сказать, что при поступлении в состав хорошей труппы, при руководстве опытного режиссера из них выработались бы хорошие исполнители»¹. Оценивая работу труппы Ярославцева, газета пишет: «Мы не можем, не относимся с симпатией к деятельности маленьких провинциальных трупп, посвящающих свои труды на служение искусству в провинциальных городах. Как бы не был слаб состав таких трупп, все же они вносят в провинцию знакомство с драматическим искусством, развивают любовь к нему»².

В отношении артиста Лаврова «голос, которого есть довольно звучный и глубокий баритон», газета отмечает, что «пение его вообще лишено всякой задушевности и заметно страдает отсутствием изящества и хорошей школы. Исполнение его слишком ровно, бесцветно и бледно; нюансировки почти никакой, фразировка же отличается крайним однообразием»³. В то же время газета отмечает пение артиста Лодии. «Это, – пишет он, – прекрасный во всех отношениях певец. Обладая не особенно высоким тенором, но звучного и приятного тембра, г. Лодия соединяет в себе отличную школу и превосходное умение с изяществом вокализации и задушевностью исполнения. Его голосу свойственны в равной степени оттенки как тихой, чарующей нежности, так и неудержимой, страстной энергии»⁴.

Театральной публике газета «Казанские губернские ведомости» уделила всего 9,2% своей информации. Тем не менее, эта информация представляет определенный интерес.

Описывая обстановку в театре, газета «Казанские губернские ведомости» отмечает достаточно низкий уровень культуры посетителей: «Ежели вам, читатель, удавалось когда-нибудь бывать на наших мирских сходках, – пишет она, – где кричит всякий и никто не слушает, то они могут дать только самое слабое понятие о том шуме, какой бывает в театре». По мнению газеты, самое восторженное увлечение игрой артиста не должно выражаться подобным образом:

¹ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 18 июля.

² Там же.

³ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 20 июня.

⁴ Там же.

«При отсутствии в Казани, как вообще во всех губернских городах публичных удовольствий, театр хотя и может быть некоторым развлечением в часы скуки и досуга, но уже ни как не предметом восторженных увлечений, доходящих до какого-то безобразного беснования с забвением и собственного достоинства, и приличия, и должного уважения к публике»¹.

В то же время, газета отмечала, что горожане с симпатией относились к театру. Так, газета писала, что пожар (1875 г.) в театре произвел сильное впечатление на горожан и возбудил искреннее сочувствие: «Живое участие, с которым отнеслись все к совершившемуся факту, ясно показало, что к казанской сцене в настоящем ее виде, несмотря на многие недостатки, стали складываться в общественном сознании значительные симпатии. Сожаление о театре в первые дни после пожара возрастало все более и более, потому что вопрос о возможности организации спектаклей до конца сезона подвергался значительным колебаниям»².

В отношении народного театра в Адмиралтейской слободе автор пишет: «Народ сначала дичился посещать театр от непривычки к нему, но теперь усердно посещает его, что показывает, что народный театр в Казани может иметь прочную будущность, отвлекая народ от кабаков и прочих увеселительных заведений; давая ему здоровую и воспитательную пищу, улучшая его быт и нравственность, и тем, способствуя народному саморазвитию...»³.

Автор считает, что народ, по его восприятию, можно сравнить с детьми, «хотя он (народ) и научен опытом жизни, испил чашу страданий и понял горечь ее, но все-таки он, в умственной практике не ушел далеко от мира детей», поэтому его «крайне интересуют всевозможные приключения, титанические чувства и страсти»⁴.

Сообщая, что в зимний сезон 1883 г. оперетта в Казанском театре заняла главное место, автор публикации отмечает: «Вместо серьезного мышления, сознательного изучения жизни и анализа социальных условий современных явлений, наше общество в данное время выказывает свое легкое отношение очень во многом, между прочим, и в области искусства»⁵.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1861. – 28 декабря.

² Казанские губернские ведомости. – 1875. – 18 января.

³ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 28 мая.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 3 сентября.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1883. – 29 октября.

Как известно, чтобы донести информацию своим читателям каждый периодический орган использовал на своих страницах различные типы корреспонденции, при этом отдавая предпочтение тому или иному определенному типу. Чтобы выявить каким типам информации газета «Казанские губернские ведомости» отдавала предпочтение, весь информационный массив мы разделили на следующие группы: А) простая информация или сообщение; Б) описание; В) наблюдения, размышления, оценки; Г) критика и пожелания в развитии театрального дела.

А		Б		В		Г	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
15	23,1	18	27,7	20	30,7	12	18,5

Как видно из таблицы, газета «Казанские губернские ведомости», стараясь быть в курсе дел казанского городского театра, размещала на своих страницах материалы различного типа: от простой информации до критических статей.

В простой информации (23,1%) газета сообщала о приезде той или иной труппы, о предстоящих спектаклях, стараясь держать горожан в курсе, происходящих в театральной жизни событиях.

Описанию театра, пьес или игры артистов газета уделяла 27,7% от всего информационного массива. Описывая на своих страницах различные аспекты из театральной жизни, газета старалась заинтересовать зрителей, привлечь их внимание к театру.

Наблюдая и рассуждая, газета «Казанские губернские ведомости» стремилась обнаружить причины успеха или провала той или иной пьесы, причины хорошей или плохой игры актеров. Этому типу информации газета отдавала предпочтение, о чем свидетельствует количество публикаций (30,7%). Эти рассуждения помогали ее читателям определить свое отношение к театру, к пьесам, к игре актеров, развивали их интеллектуальный потенциал.

Статьи газеты «Казанские губернские ведомости» с конструктивной критикой представляют наибольший интерес, хотя их число невелико, всего 18,5% от всего информационного массива. В них газета не просто критикует, но часто определяет необходимые условия развития театрального дела в Казани, предъявляет требования к театру, к пьесам, к игре актеров, которые способствуют развитию, повышению уровня театральной жизни.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие наблюдения:

1. Во второй половине XIX века газета «Казанские губернские ведомости» занимала весьма активную позицию в отношении городского театра, описывая на своих страницах самые разные аспекты театральной жизни.

2. В этот период в отношении театральной жизни города Казани газета занимала четко выраженную просветительскую направленность. Прежде всего, информативная и ценностная аргументированность позволяли ей, не навязывая при этом своего мнения, поднимать ряд вопросов имеющих немаловажное значение для дальнейшего развития казанского театра.

3. Описывая различные стороны театральной жизни, привлекая к ним внимание читателей, заставляя их думать, сопоставлять, сравнивать, материалы газеты, имели большое значение для развития культурного и интеллектуального уровня горожан во второй половине XIX века.

3. Как известно, газета «Казанские губернские ведомости» являлась официальным органом губернских властей и находилась под бдительным надзором губернатора. Тем не менее, материалы газеты, посвященные деятельности Казанского театра, содержащие в себе значительный круг сведений, позволяют считать эту газету одним из интересных и емких массовых источников, который может обогатить и дополнить историю развития казанской театральной жизни во второй половине XIX века.

Н.С.Хамитбаева

Газета «Казанские губернские ведомости» и музыкальная жизнь города Казани во второй половине XIX в.*

Как известно, развитие музыкальной жизни в Казани тесно связано с театром. Кроме драматических и оперных спектаклей здесь устраивались музыкальные и литературные концерты. В театре звучали произведения Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культура Казани в документах и материалах. XIX в.», проект № 10–01–29101а/В/2011.

других композиторов. На его сцене звучали голоса популярных артистов. С большим успехом здесь выступал Ф.И.Шаляпин. Развитию музыкальной жизни города способствовали разного рода музыкальные общества.

Казанская периодическая печать, в том числе газета «Казанские губернские ведомости» старалась освещать все события, происходящие в музыкальной жизни города.

Как известно, газета «Казанские губернские ведомости» выходила с 1838 по 1917 г., что позволяет проследить самые разные аспекты общественно-культурной жизни, в том числе и музыкальной, за достаточно большой период времени. В данном случае поставлена задача: выяснить, какие аспекты музыкальной жизни города рассматривались в газете «Казанские губернские ведомости» во второй половине XIX века. Собранный путем случайной выборки материал был распределен следующим образом: 1) духовные концерты, 2) сольные концерты местных и приезжих артистов, 3) оперная музыка, 4) концерты музыкальной школы, 5) концерты любителей.

Таблица 1

**Тематическая группировка материалов
газеты «Казанские губернские ведомости»**

Духовные концерты		Сольные концерты		Оперная музыка		Концерты муз. школы		Концерты любителей	
К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
6	18,8	10	31,2	4	12,5	4	12,5	8	25,0

Как видно из таблицы 1 концертам духовной музыки газета уделяла 18,8% от всего информационного массива.

Первый концерт духовной музыки, как сообщала газета, был дан 23 марта 1867 г. в зале Казанского дворянского собрания. Он привлек «сколько многочисленную, столько же и разнообразную публику, как по состояниям, так и по вероисповеданиям: ибо тут были православные и католики, и лютеране, и даже мусульмане...». По мнению газеты, в духовной музыке гармонично сливаются два рода искусства – музыка и поэзия. Содержание концерта составляли преимущественно псалмы Давида. «И никто из русских композиторов, – пишет газета, – не облакал этих божественных песней в такие поразительно-прекрасные музыкальные формы, как наш знаменитый

Бортнянский»¹. Восхищаясь концертами Бортнянского, газета предлагает познакомить публику и с некоторыми пьесами иностранных композиторов, например Гайдна, Генделя, Россини.

Сообщая о духовном концерте, данном 19 марта 1880 г. Казанским архиерейским певческим хором, газета «Казанские губернские ведомости» пишет, что концерт был дан в зале Казанского дворянского собрания. Сбор от этого концерта предназначался на усиление средств местного управления Общества красного креста. Программа концерта обещала для любителей духовного пения и музыки самое разнообразное и высшее наслаждение, и, как сообщает газета, ожидания публики оправдались.

7 марта 1889 г. в зале Казанского дворянского собрания, сообщала газета, Сергей Васильевич Гилев, с хором казанской русской оперы дал духовный концерт. При этом, в первом отделении он прочел лекцию «О постепенном развитии партесного (хорового) пения в русской церкви». Газета приветствует почин С.В. Гилева. По ее мнению, «поставить исторический духовный концерт, иллюстрировать пением текст своей лекции, в которой выяснялось постепенное развитие русского церковного пения, и вот с этой то стороны воскресный духовный концерт, является интересной и желательной новостью»².

В целом, газета восхищается духовной музыкой и считает, что она развивает как эстетический вкус вообще, так и религиозное чувство в особенности, что наслаждение духовной музыкой тем возвышеннее, чем выше религия возвышается над всеми явлениями духа.

Больше всего материалов газеты «Казанские губернские ведомости», как видно из таблицы 1, посвящено сольным концертам местных и приезжих артистов (31,2%).

Прежде всего, газета информировала городскую публику о предстоящих сольных концертах.

Так, она сообщает о приезде в Казань молодой, но уже известной артистки Веры Тимановой, которая после концерта в Берлине, в местной музыкальной рецензии была названа «звездой» в числе артистов фортепианной игры³. Информировует своих читателей о предстоящей серии концертов в сезон 1876 г., в которых кроме концертов

¹ Казанские губернские ведомости. – 1868. – 2 марта.

² Казанские губернские ведомости. – 1889. – 7 марта.

³ Казанские губернские ведомости. – 1871. – 28 июля.

известной артистки А.Г. Меньшиковой, участие примут Кондратович, Усатов и Лавров¹.

Газета «Казанские губернские ведомости» не только информировала своих читателей о сольных концертах местных и приезжих артистов, но часто давала им свою краткую оценку.

Так, газета сообщает, что «концерту г. Поортена, предшествовал слух о таланте этого виолончелиста, поэтому на первый концерт его собралось очень много публики, ожидания которой вполне оправдались». Особенно понравился публике известный романс «Соловей», который по желанию публики исполнялся дважды².

Отмечая очередной приезд в Казань композитора, солиста Аполлинария Контского с дочерью Вандой, газета пишет, что ими дано уже три концерта, которые с удовольствием посещались публикой. Газета подробно и восторженно описывает эти концерты, отмечая, что особенный восторг у публики вызвало исполнение «Соловья» Алябьева³.

Новый концертный сезон 1876 г., сообщает газета, был открыт талантливым пианистом Пашковским, игра которого на первом концерте была не очень хороша. Причину этого газета видит в болезненном состоянии артиста. Однако, на последующих концертах «Пашковский, – пишет она, – положительно превзошел самого себя выполнением пьесы «Краковяк», с весьма трудными вариациями»⁴.

Газета «Казанские губернские ведомости», описывая сольные концерты, часто давала оценку вокальных и музыкальных способностей, описывала реакцию зрителей.

Сообщая о выступлении скрипача Аполлинария Контского, приехавшего на гастроли в Казань, газета писала о неизгладимом впечатлении от игры гениального артиста, сравнивая его со знаменитым Николо Паганини⁵.

Описывая пребывание в Казани Совле, соло-флейтиста его величества короля нидерландского, газета пишет, что его игра «чиста, отчетлива и выразительна», что «таких высоких нот, какие берет он, до него никто еще не брал, а низкие ноты у него необыкновенно нежны и певучи...». По справедливому мнению газеты, если артист своей иг-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1876. – 21 апреля.

² Казанские губернские ведомости. – 1868. – 15 мая.

³ Казанские губернские ведомости. – 1873. – 14 марта.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1874. – 14 января.

⁵ Казанские губернские ведомости. – 1854. – 15 февраля.

рой произвел глубокое впечатление на массу своих слушателей, которые судят о музыке не по теории, а по живому внутреннему чувству, то это свидетельствует о несомненном таланте. «Нам случилось, – пишет газета, – говорить с лицами, не получившими никакого музыкального образования – и они были в восторге от игры г. Совле». В то же время, пишет газета, «мы знаем образованных лиц, которые были предубеждены против флейты, считая ее, инструментом неважным – но теперь совершенно изменили свое мнение об этом неважном инструменте, из которого истинный художник умел извлечь такие могущественные звуки, полные жизни и красоты...»¹.

Рассказывая о концерте Вонсовской в театре Александровского сада, газета выражает сожаление о том, что было мало публики. Между тем, по мнению газеты, концерт произвел хорошее впечатление. Как артистка, Вонсовская, которой всего 15 лет, «достигла превосходной техники на таком инструменте, который по справедливости считается труднейшим, т.е. на скрипке»². Игра женщины на этом инструменте, в большинстве случаев, по мнению газеты, страдает недостатком силы в смычке и какой-то натянутостью. Но в игре Вонсовской обращает на себя внимание поразительная сила смычка, свобода и энергия в управлении им, и, при надлежащем развитии, она в скором времени станет первоклассной артисткой, считает газета.

Информируя своих читателей о приезде в Казань артиста-скрипача Фримана, газета пишет, что молодой артист мало известен казанской публике, хотя за границей музыкальные газеты не раз отзывались о его игре с похвалой. Описывая его концерты, газета отмечала их интересную программу, включающую пьесы Крейцера, романсы Бетховена. При разнообразном репертуаре артиста, газета отмечает высокую технику исполнения³.

Сообщая о приезде в Казань артиста Д.А. Славинского со своей певческой капеллой, состоящей из 25 человек, газета пишет, что он не первый раз в Казани и что горожане имели уже удовольствие слышать его пение. Публика, отмечает газета, слышавшая прежде «его прекрасное, душевное, чисто русское, народное пение», с большим удовольствием узнала о его приезде в ожидании, «что его пение доставит, по-прежнему истинное наслаждение»⁴. Кроме того,

¹ Казанские губернские ведомости. – 1857. – 21 января.

² Казанские губернские ведомости. – 1871. – 28 июля.

³ Казанские губернские ведомости. – 1872. – 12 апреля.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1873. – 30 мая.

Славинский, как сообщает газета, доставил горожанам новое небывалое и оригинальное удовольствие – это музыкальные прогулки по Волге на своем пароходе. Здесь же газета приводит отзывы о концертах Славинского из заграничных периодических изданий.

Из газеты «Казанские губернские ведомости» можно узнать, что Великий пост в России, почти повсеместно, во всех городах называется «концертным сезоном». В это время закрываются драматические представления, а вместо них даются концерты, литературно-музыкальные вечера. В это же время как иностранные, так и русские артисты, музыканты и певцы совершают свои артистические путешествия по России. Хотя Великий пост уже на исходе, из столичных артистов в Казань еще никто не приехал, сообщает газета, зато местные артисты и любители довольно часто устраивают концерты и вечера. Например, Аверьяновым было дано три вечера камерной музыки, с участием Дмитриева. «Слушая действительно мастерскую, высокую игру г. Дмитриева, – пишет газета, – приходится от души пожалеть, что в лице его Казань теряет замечательного пианиста»¹. Дмитриев, как сообщает газета, назначен на службу в Вятку и вечера камерной музыки – это последние вечера в которых он участвует.

В 1882 г. для составления фонда, организованного по инициативе управляющего губернией К.Н. Хитрово для помощи бедным детям, в саду «Тиволи» в Адмиралтейской слободе было решено давать ежедневные народные концерты. Первый такой концерт, как сообщает газета, был дан 18 августа в присутствии всех представителей местного высшего общества. «Хор г. Коньшева, – пишет она, – один из лучших хоров в Казани, заслужил 18 апреля полную благодарность публики как по прекрасному подбору голосов, так и за выбор пьес для первого концерта в состав которого вошли наиболее любимые русские поэтические песни». А в саду Черного озера в это время играл оркестр Эстляндского полка с весьма интересной программой².

Оперной музыке газета «Казанские губернские ведомости» уделила 12,5% от всего информационного массива.

Появление в Казани итальянской оперы, пишет газета, взволновало всю Казань: «засуетился наш город во время первого представления оперы: порядочная давка была у театра, трудно даже было доставать билеты; об игре артистов толковали и спорили и в аристократических гостиных, и в небогатых квартирах среднего класса жи-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1874. – 13 марта.

² Казанские губернские ведомости. – 1882. – 21 апреля.

телей»¹. Публике, как считает газета, особенно пришили по вкусу оперы Верди, так как стиль этого композитора в высшей степени драматичен; он особенно выразителен в изображении борьбы страстей, сомнений любви, терзаний горести и энтузиазма любви к отечеству. Однако, пишет газета, «на нашей сцене оперы этого маэстро много теряют своей прелести, так как отсутствие ударных и басовых инструментов в оркестре здешней сцены решительно парализует впечатление этой эффектной инструментовки...»².

Одновременно с итальянской, была сформирована и русская труппа. Однако, горожане отдавали предпочтение итальянской труппе. Причину того, что русские спектакли плохо посещаются жителями города, газета видит в том, что горожане, не только больше сочувствуют итальянской опере, но и потому, что актеры русской труппы не всегда хорошо знают свои роли. И газета советует лучше заучивать свои роль артистам Самойлову, Самойловой и Максимова. Кроме того, причиной плохой посещаемости концертов казанских артистов, является, по мнению газеты, не столько их слабость, а то, что их слышали уже много раз. К тому же, надо признаться, пишет газета, что «в Казани не много талантов, действительно достойных увлечения и особенного внимания публики»³.

Рассматривая состав итальянской труппы, газета отмечает, что общий состав итальянской труппы настоящим директором М.М. Дмитриевым выбран довольно удачно, так что любая провинциальная сцена, разумеется, подобная казанской, могла бы ею гордиться. При этой общей характеристике, по ее мнению, замечен только один недостаток – это – слабость хоров, что портит общее впечатление⁴.

В летний сезон 1868 г. в представления итальянской труппы, как сообщает газета «Казанские губернские ведомости», вошли «Травиата», «Трубадур», «Марта», «Эрнани», «Лукреция Борджия». В первое время из-за высоких цен, театр был полупустой. На второй спектакль цены были несколько снижены, поэтому публики было больше, чем на первом. Публика, пишет газета, была очень довольна примадоннами Рубини и Фабрини. Во время третьего спектакля почти все места в театре были заняты, а во время четвертого, для многих желающих не хватило места, причиной чего, по мнению газеты, по-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1865. – 19 ноября.

² Там же.

³ Казанские губернские ведомости. – 1868. – 15 мая.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1865. – 19 ноября.

служило снижение цен на билеты и то, что о новой труппе сложилось благоприятное мнение.

Газета «Казанские губернские ведомости» отмечает серьезную потребность в лирической сцене, которая обнаруживает стремление общества к высшим духовным интересам. Такая потребность, по ее мнению, обуславливается не только одной склонностью к музыке. «По своему содержанию и значению, опера, – пишет газета, – есть явление весьма сложное и при всем том гармонично художественное. В ней, по выражению Вольтера, соединилось все, что может действовать и на сердце, и на воображение, и на чувство человека...»¹.

Рассуждая об опере, газета пишет, что музыкальный элемент в ней зависит от эстетических идей эпохи, что как всякое искусство, музыка находится в зависимости от современности, которую характеризует своим вдохновением, что каждая нация создает свою своеобразную оперу. Однако, между всеми национальностями в музыке есть, по мнению газеты, «одна, в одинаковой степени доступная пониманию каждого человека сколько-нибудь развитого, – это итальянская». Оперная итальянская школа, пишет газета, «выработанная народом самым впечатлительным к искусству и вдохновению, сложилась долгим путем творчества и заимствований; последние придали ей тот характер общечеловеческий, который способствует ее прочной популярности»². Итальянская опера по своей легкости и доступности может облегчить, по мнению газеты, понимание более сложных опер немецкой и русской школы.

Отношение к оперному искусству, считает газета, является барометром духовного уровня публики. В казанской публике, как считает газета, этот уровень оказался не очень высоким, о чем, свидетельствует ее реакция на первоклассное пение Рубини. Публика, пишет газета, восторгается сладенькими русскими романсами, тогда как замечательное, осмысленное исполнение и увлечение своей ролью возбуждают гораздо меньше восторга. Об этом же свидетельствует, по мнению газеты, низкая посещаемость, несмотря на то, что цены на места были довольно низкими и дешевле по сравнению с прежней оперой. Кроме того, на размышления, по мнению газеты, наводит то обстоятельство, что оперу посещали в основном женщины, при чем, «чем серьезнее была опера, тем полнее дамы наполняли ложи»³.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1868. – 13 июля.

² Там же.

³ Там же.

Чтобы разбираться в оперном искусстве необходимо, считает газета, хорошее знание истории музыки и общие понятия в теории. Полагаться на слух, по ее мнению, нельзя, «поэтому следует отдавать должное тем антрепренерам, которые предлагают, между прочим, и здоровую музыкальную пищу в роде Маскерада, Фауста, Роберта, тем более, что таковая в Казани никогда прежде не предлагалась»¹. Высоко оценивая деятельность итальянской оперы, гастролировавшей летом 1868 г., газета «Казанские губернские ведомости» пишет, что зимний сезон для нее мог бы быть, вероятно, более благоприятным, «но теперь ход дела показал, что опера не в потребностях Казани. Публика остается довольно равнодушною даже к пению русских известностей...»².

В отношении оркестра газета считает, что по сравнению с прошлой зимой, он сделал заметный шаг в сторону улучшения. При отсутствии в Казани сносной инструментальной музыки, он был набран с различных сторон. В последнее время, пишет газета, благодаря неутомимым заботам и деятельности капельмейстера г. Стефании, он так заметно улучшился, что по выражению одного опытного ценителя музыки специально с нею знакомого: оркестр наш «если иногда и фальшивит, то не так сильно, чтобы резать не слишком чуткое ухо». Это, по мнению газеты, «весьма значительный шаг вперед, в особенности если вспомнить в какое короткое время совершилась эта счастливая метаморфоза, и то, чем был тот же оркестр хотя бы прошлую зиму; но к числу недостатков нашего оркестра должно отнести отсутствие в нем многих самых необходимых инструментов...»³.

Газета «Казанские губернские ведомости» не обошла своим вниманием и дирижерское искусство. Так, она отмечает, что при итальянской опере Серматтея был «настоящий оперный дирижер, прекрасно знающий свое дело и дирижировавший наизусть, что встречается весьма редко; большими усилиями оркестр им был приучен так, что инструментальное исполнение Фауста можно счесть замечательным»⁴.

12,5% материала газета «Казанские губернские ведомости» посвятила публичным концертам, которые давала Казанская музыкальная школа Новицкого.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1868. – 13 июля.

² Казанские губернские ведомости. – 1868. – 17 июля.

³ Казанские губернские ведомости. – 1865. – 19 ноября.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1868. – 13 июля.

В непродолжительном времени, писала газета, в начале поста, в зале Благородного Собрания, устраивается музыкально-вокальный концерт в пользу недостаточных студентов. Как отмечает газета, в даваемых иногда концертах почти не приходится слышать серьёзных музыкальных произведений. Обычно программой их были несколько арий из отживших опер, несколько салонных пьесок, да два-три романса. Поэтому предстоящий «Симфонический концерт», составленный из серьёзных музыкальных композиций, для Казани – это нечто новое. Симфонический концерт, сообщает газета, устраивается под управлением, уже приобретшего известность, г. Новицкого, с участием хора любителей, составленного г. Соколовым. В состав концерта входят пьесы, с которыми здешняя публика, еще совсем незнакома. Это «Пустыня», симфония Давида; «Ночь на кладбище» драматическо-музыкальная фантазия соч. Новицкого; увертюра из оперы Рубинштейна «Дмитрий Донской» и музыкальная картина, написанная на тысячелетие России Балакиревым, бывшим студентом Казанского университета.

Газета «Казанские губернские ведомости» подробно знакомит своих читателей с репертуаром концерта. Например, «Пустыня», пишет она, имеющая содержанием переход каравана чрез пустыню Африки, и написанная для хора мужских голосов, по своей оригинальной музыке, по совершенно особенным, блестящим мотивам, ярко рисуящим характер природы и жизни, где происходит действие, имеет за собой столько достоинств, что каждому, сколько-нибудь любящему музыку, «Пустыня» доставит истинное удовольствие. Из драматическо-музыкальных фантазий, нам удалось слышать, пишет корреспондент газеты, первый хор духов и хор ангелов, музыка чрезвычайно симпатичная, самобытная, имеющая много общего с задушевными мотивами известного композитора Монюшко, сочинения которого отличаются тем, что в основе их принят характер чисто славянских мелодий, чуждый влияния итальянской музыки.

В статье по поводу домашней музыкальной школы г. Новицкого газета «Казанские губернские ведомости» поднимает вопрос о значении искусства в обществе. Давно уже известно, пишет она, что на искусство большинство общества привыкло смотреть, как на нечто легкое, забавное, не имеющее ничего общего с серьезной, человеческой деятельностью. Направление последнего времени, по ее мнению, способствовало к поддержке этого взгляда, и некоторые люди, не только не признавали искусство полезным, но даже находили его вредным в обществе, которое остановилось на реальной, чисто прак-

тической почве. Более того, считали искусство тормозом при достижении плодов реализма. А в начале 60-х годов, сообщает газета, начались серьезные гонения вообще против искусства. Статьи, направленные против искусства, пишет газета, отличались такими остроумными доводами, что результат этих статей, особенно в провинциях, получился крайне нелепый, так как подобными теориями провинция увлекается до крайней степени. Под влияние теории Писарева попали не только молодые, но и солидные люди. Серьезные музыканты бросали заниматься этим видом искусства, так как музыка стала считаться забавным трудом, не приносящим пользы обществу, следовательно, заниматься музыкой умному человеку – стыдно!

Бросая искусство, люди отдавались практической деятельности. «Разумеется, – пишет газета, – если принять положение, что практической деятельностью занимаются только портные, сапожники и т.д., то конечно в этом курьезном смысле, занимающийся искусствами окажется не практическим деятелем, но ведь при подобном понимании и профессор окажется не практическим деятелем. Понятно, что искусство не может производить или выставлять осязательный, полезный результат, в виде сапога, стола и т.д. Это и служит причиной, для людей поверхностного взгляда, отрицать практическую пользу искусства»¹. Однако, по мнению газеты, вызывать в душе человека высокие, честные, бескорыстные чувства, парализовать материальные стремления, чуждые всех духовных потребностей, вот цель, задача, и безусловная польза вообще искусства и музыки в особенности.

Автор публикации считает, что основанием к нападкам Писарева на искусство было присутствие в ней рутины, совершенной отсталости от направления общества по всем другим отраслям человеческой деятельности. И статьи Писарева в этом отношении были полезны, как всякий протест на отсталость. Так или иначе, искусство, считает автор корреспонденции, уже вступило на новую почву и нужно думать недалеко время, когда искусство будет в полнейшей солидарности с направлением времени. И свидетельством этого является, по мнению автора, то, что музыкальное стремление общества поднялось на значительную степень, благодаря появлению в городе серьезных, даровитых музыкальных деятелей, среди которых он отдает почетное место Новицкому. «Прекрасно выработанный метод, сознательная, отчетливая и разумная игра его учениц, проявившиеся на концерте, данном в прошедшем году в зале дворянского собрания, могут слу-

¹ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 19 августа.

жить лучшим доказательством того, что г. Новицкий хорошо знает свое дело»¹. В настоящем году, пишет автор, с 1-го сентября, открывается г. Новицким домашняя музыкальная школа: «Читая программу этой школы, невольно остановишься на ее разумных основаниях, доступных ценах и вообще на условиях, при которых музыкальное образование, сохраняя серьезное направление, делается для большинства доступным»². Организацию в школе классов пения, автор считает очень удачной, так как они могут служить подготовкой и началом к образованию общества любителей пения. «До настоящего времени, – пишет газета, – Казань была очень бедна музыкальным образованием и домашняя музыкальная школа, если сохранит цель своего учреждения и приведет в исполнение заявленные программой правила преподавания, будет без сомнения лучшим местом, где люди, желающие серьезного изучения музыки, найдут все необходимое для того, чтобы быть в последствии хорошими музыкантами»³.

25,0% информации газеты «Казанские губернские ведомости» относится к любительским музыкальным концертам.

Так, газета сообщала, что 25 марта 1870 г. в зале Казанского пехотного юнкерского училища дан был концерт любителей в пользу Общества попечения о раненых и больных воинах. Устройство этого концерта и осуществление его принадлежали Борису Григорьевичу и Александре Семеновне Глинка-Мавриным. Все места, предназначенные для публики, были заняты, а так как число этих мест, по тесноте залы училища, было довольно ограничено, то некоторым, не пришлось побывать на концерте. Этот концерт, как считает газета, привлекал не только своей благотворительной целью, но и именами исполнителей, известных в обществе любителей-солистов разных музыкальных инструментов и пения. Приятные ожидания от концерта оправдались, все пьесы были исполнены с полным успехом. При этом, отмечает газета, особое внимание было обращено на оркестр и хор. Оркестр был составлен из театрального с дополнением его любителями и лучшими музыкантами других оркестров, а хор – из любителей и любительниц пения. Составление такого оркестра и хора, по мнению газеты, «дело не легкое, оркестр и хор любителей отличались стройностью и изяществом исполнения»⁴.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 19 августа.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 1 апреля.

Описывая концерт 25 марта, газета отмечает, что он показал и музыкальные способности некоторых казанских юнкеров, например юнкера Сегалю, игравшего на кларнете, и хора юнкеров, исполнившего несколько народных песен и романсов. Кроме того, считает газета, «концерт 25 марта доказал, что при желании найти в Казани музыкальные силы и при умении их направить, и у нас возможно художественное исполнение многих образцовых музыкальных произведений; должно желать, чтобы эта попытка собрать среди нашего общества музыкальные таланты и дать им возможность проявить себя для общественного удовольствия, обыкновенно соединяемого с благотворительною целью, не пропала без последствий, желательно, чтобы подобные концерты составлялись чаще»¹.

Сообщая о двух концертах в зале Казанского дворянского собрания, которые были даны в пользу местного Общества попечения о раненых и больных воинах, газета знакомит с новыми исполнителями, впервые появившимися на концертах любителей, отмечает удовлетворительное хоровое пение юнкеров и архиерейских певчих.

Отмечая сочувствие, с каким были приняты эти концерты городским обществом, газета пишет: «говоря о концертах, данных в пользу Казанского местного Общества попечения о раненых, нельзя не порадоваться тому искреннему сочувствию, с которым высший класс казанского общества принимал в этих концертах участие не только пассивно, но и активно»².

Сообщая о первом общем собрании «Казанского кружка любителей музыки», газета желает ему успеха, и больше материальных средств – основу если не всего, то многого. Газета «Казанские губернские ведомости» достаточно подробно знакомила своих читателей с первыми шагами этого общества, об условиях вступления в члены «Кружка», о его уставе, первом музыкальном вечере, его программе. Газета знакомит читателей с правилами кружка любителей музыки, утвержденными общим собранием, с программой занятий и семейных музыкальных вечеров. Описывая первое симфоническое собрание «Казанского кружка любителей музыки», газета отмечает, что в этом собрании принимал участие оркестр, составленный из членов кружка и музыкантов местного театрального оркестра. «Наши местные артистические вокальные силы и приезжие знаменитости, – пишет газета, – больше тяготеют к итальянским композиторам

¹ Казанские губернские ведомости. – 1870. – 1 апреля.

² Казанские губернские ведомости. – 1871. – 10 марта.

– и если иногда и делают исключение в пользу русской музыки – то больше поют из опер Глинки и Даргомыжского, а все новейшие композиторы: Балакирев, Рубинштейн, Чайковский и другие у нас почти неизвестны»¹.

30 марта 1885 г., как сообщает газета, деятельность «Казанского кружка любителей музыки» была приостановлена по решению общего собрания на три года, что мотивировалось снижением интереса членов кружка к его деятельности. По мнению газеты, настоящие причины на собрании не были выяснены, хотя они, скорее всего, кроются во внутренней несостоятельности кружка.

В 1896 г. в Казани было создано «Общество любителей изящных искусств», устав которого публикует газета «Казанские губернские ведомости». В §2 устава писалось: «В сферу деятельности Общества входят: музыка, драматическое искусство, живопись, изящная литература, история и теория искусств и критика»². Целью общества ставилось – сближение местных деятелей в области изящных искусств и содействие развитию и распространению искусства в Казани. Обществом предполагалось устраивать концерты, спектакли, музыкальные и литературные вечера, открывать художественные выставки, устраивать публичные лекции, издавать журналы, газеты, завести книжную и музыкальную библиотеку, устраивать мастерские по живописи и т.д. Первый художественный вечер Общества с живыми картинами и литературно-вокально-музыкальным отделением состоялся 17 марта 1896 г. и, по сообщению газеты, оправдал ожидания и публики, и участников.

Как известно, каждое периодическое издание использует целый ряд различных типов публикаций для донесения своим читателям необходимой информации. Чтобы выявить какие типы публикаций использовала газета «Казанские губернские ведомости» весь выборочный материал был распределен по типам публикаций на следующие группы: А) простая информация, Б) описание, В) оценка, Г) критика. Полученные результаты сведены в таблицу 2.

Как видно из таблицы 2, газета «Казанские губернские ведомости» отдавала предпочтение простой информации (33,3%). Газета информировала своих читателей о том, когда и где будут даны концерты, кто дает концерт, какие произведения будут исполняться и т.п.

¹ Казанские губернские ведомости. – 1881. – 28 ноября.

² Казанские губернские ведомости. – 1896. – 20 февраля.

Таблица 2

Группировка материалов газеты «Казанские губернские ведомости» по типам публикаций

А		Б		В		Г	
К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
24	33,3	22	30,6	15	20,8	11	15,3

Значительная часть этой информации (30,6%) сопровождалась достаточно подробным описанием концертов местных или приезжих артистов или артистических коллективов.

Эти описания нередко сопровождалось оценкой (20,8%) вокальных данных артистов, программы концертов, степени посещаемости публикой и т.д.

Иногда (15,3%) газета «Казанские губернские ведомости» позволяла критические замечания в адрес артистов или программы концерта.

Газета «Казанские губернские ведомости» информировала своих читателей обо всех событиях, происходивших в музыкальной жизни города, старалась заинтересовать их, привлечь их внимание. Знакомя читателей с музыкальными новинками, газета способствовала культурному развитию жителей Казани.

В целом, на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» содержится достаточно большой пласт материала по различным аспектам музыкальной жизни г. Казани. Являясь интересным массовым источником, газета «Казанские губернские ведомости», на наш взгляд, может быть привлечена при изучении истории развития музыкального искусства г. Казани второй половины XIX века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
КазДА – Казанская духовная академия
КЦКТШ – Казанская центральная крещено-татарская школа
МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
МВД – Министерство внутренних дел
МИД – Министерство иностранных дел
МНП – Министерство народного просвещения
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
Ф.СПбДА – Фонд «Санкт-Петербургская духовная академия»
ПМО – Православное миссионерское общество
ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи, 1-ое собрание
ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи, 2-ое собрание
ПСПР – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РПЦ – Русская православная церковь
УЗКГПИ – Ученые записки Кустанайского государственного педагогического института
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Багаутдинова Х.З.</i> Развитие книгопечатания в типографиях учебных заведений г. Казани в дореформенный период (1800–1850-е гг.)	3
<i>Байбулатова Л.Ф.</i> Некоторые вопросы науки в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.	9
<i>Байбулатова Л.Ф.</i> Из истории любительских обществ в Казани в XIX в.	21
<i>Владимирова Л.М.</i> Помощь Самарского земства крестьянам-мусульманам в сельскохозяйственной сфере	28
<i>Галлям Р.Г., Нәккаш-Исмәгыйль Нәҗип.</i> Беренче татар басмасы (Русия падишаһы Петр Беренченең Кавказ һәм Фарсы иле халыкларына 1722 елгы «Манифест»ы)	38
<i>Галлям Р.Г.</i> Археологическое Чаллы́нское городище в бассейне р. Шумбут по дозорной книге 1619 г. Григория Кузьминского	53
<i>Загидуллин И.К.</i> Правовые основы перехода крещеных татар в ислам в начале XX в.	58
<i>Загидуллин И.К.</i> Из социокультурной жизни татар г.Петропавловска (вторая половина XVIII – начало XX вв.)	63
<i>Загидуллин И.К.</i> Движения вынужденного переселения татар из Поволжья и Приуралья в Османскую империю в середине 1890-х гг.	85
<i>Исхаков Р.Р.</i> Освещение политики христианизации татар Волго-Камья в отечественной дореволюционной историографии	92
<i>Исхаков Р.Р.</i> Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар Волго-Камья в XIX – начале XX вв.	109
<i>Корева Н.А.</i> «Журнал мануфактур и торговли» за 1825–1861 гг. как источник по социально-экономической истории Казанской губернии	131
<i>Муллағалиев Р.М.</i> Исполнение татарскими крестьянскими общинами Казанской губернии натуральных повинностей (60–90-е гг. XIX в.)	140

<i>Файзрахманов И.З.</i> Мастерские и служащие Казанского адмиралтейства в первой трети XIX в. (по формулярным спискам)	145
<i>Файзрахманов И.З.</i> Особенности развития мануфактурной промышленности в Казанском крае во второй половине XVIII в.	154
<i>Хамитбаева Н.С., Багаутдинова Х.З.</i> Из истории воскресных школ г. Казани во второй половине XIX века	161
<i>Хамитбаева Н.С.</i> Театральная жизнь Казани второй половины XIX века на страницах газеты «Казанские губернские ведомости»	173
<i>Хамитбаева Н.С.</i> Газета «Казанские губернские ведомости» и музыкальная жизнь города Казани во второй половине XIX в.	191
Список сокращений	206

**Из истории и культуры
народов Среднего Поволжья**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*
Компьютерный набор – *М.Н.Исламова*
Подписано в печать 19.09.2011 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. листов 13,0 Тираж 100 экз.

I S B N 9 7 8 - 5 - 9 0 4 7 - 3 5 6 3 - 0

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Ихлас»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
E-mail: ihlas-izd@rambler.ru